

Москва
Литературный институт имени А.М. Горького
2024

УДК 821.161.10
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Л84

Лукин И.Б. (Иван Соловей)

Л84 Я НЕБО. Избранное: стихи, проза, дневники, заметки, письма / Ред.-сост. Б.И. Лукин. – М., Литературный институт им. А.М. Горького, 2024. – 352 с., иллюстрации.

Знак информационной продукции **14+**

ISBN 978-5-7060-0197-1

«Я НЕБО» – книга избранных произведений поэта-воина – Лукина Ивана (творческий псевдоним – Иван Соловей), студента Литературного института им. А.М. Горького, члена СП Москвы, героически погибшего при освобождении Мариуполя.

Он был поэтом, прозаиком, сценаристом и стал солдатом. Он мог бы жить, но был убит на войне, избежать которой не захотел. В 23 года он знал, как нужно любить Отечество, как тосковать по нему и как жертвовать собой ему без остатка.

Книга «Я НЕБО» в основном была составлена самим автором.

Иван Лукин (Иван Соловей) – ещё одно имя в мемориальном списке писателей России, вставших на защиту Родины в роковой для неё исторический период.

Книга издаётся при поддержке Литературного института им. А.М. Горького.

ISBN 978-5-7060-0197-1

© Лукин Иван Б. (Соловей), наследники, 2023
© Фото из личного архива Лукина Б.И., 2023
© Предисловие, авторы, 2023
© Арутюнов С.С., текст, 2023

ЛУКИН

**ИВАН
СОЛОВЕЙ**

Я НЕБО

2024

МОСКВА

избранное

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Иван Соловей', is positioned in the bottom right corner of the page.

**Памяти Ивана Лукина
(05.04.1998, Москва –
14.03.2022, Мариуполь),
гвардии матроса
810-й отдельной гвардейской
орденов Жукова и Ушакова
бригады морской пехоты, и всех
солдат и офицеров, героически
павших при освобождении
Украины от неонацистов**

СТРОКИ ЕГО СТИХОВ

Ваня погиб 14 марта 2022 года в Мариуполе. Почему-то именно в этот день я послала ему сообщение. Телефон был уже заблокирован.

Ваня ушёл в академ с третьего курса Литинститута, попал в Севастополь, в морпехи.

Ему оставалось служить до осени 2022 года.

Убит в районе общежития «Азовстали», прикрывал отход своих – попали в засаду.

В страшном сне не приснилось бы, что все эти слова, которые мы помним с детства из кино: прикрывал отход, засада, – теперь относятся к поколению наших детей, наших учеников. Ваня писал стихи и прозу, играл в театре, собирался написать сценарий и снять кино, думал после армии поучиться на режиссёра. У него были планы и замыслы...

Строчки из его стихов ещё звучат в ушах.

Или вот он – высокий, ослепительно красивый, белокурый – стоит в дверях на семинаре Сопевщания молодых писателей.

– Извините, должен сегодня уйти пораньше – на прогон. Вечером играю в спектакле в Большом театре... – И все девушки поворачиваются к нему, как подсолнухи к солнцу, ведь сейчас он, такой недоступный, необычный, уйдёт в свою загадочную творческую жизнь...

Его все любили...

Как раз по итогам этого совещания его приняли в Союз писателей Москвы.

Ваня был объявлен пропавшим без вести.

Близкие долго не верили, что он погиб. Думали – вдруг ранен, уполз куда-то, память потерял... Все надеялись, искали... и я не верила, пока не увидела его свежую могилу рядом с могилой его мамы.

«Я умру – не будет плакать мама...» Это из его стихов.

Наверное, хорошо, что мама не узнала, что их дом теперь стоит на улице имени сына. А нам жить с этим неизбывным чувством вины – что человечество на нашей несчастной планетке никак не может всё обустроить так, чтоб никто не погибал.

Елена Исаева,
поэт, драматург, сценарист,
секретарь Правления Союза Писателей Москвы

}
7
}

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Эта книга избранных произведений Ивана Соловья (Лукина) в черновом варианте была собрана в основном им самим.

Конечно, в том варианте книги от 2020 года не было и не могло быть биографии «Поэт-воин, морпех Иван Лукин», статьи Сергея Арутюнова «На смерть Соловья», да и нашей с сыном переписки.

Странное ощущение возникает, когда разбираешь архив сына. Но сказать, что я его разобрал полностью, пока не могу. Хорошо, что дочка Полина время от времени вытаскивает из компьютера сына нужную информацию. Часть из неё вошла в раздел «Дневники. Записки. Переписка».

Часть архива... Поэтому – «Избранное». Потому что книга и так получилась большая. Потому что считаю важным сохранить все завершённые сыном произведения в печатном виде. Хотя многие стихи остались за страницами этого издания, в основном это любовная и философская лирика. И для неё придёт время.

Сын мечтал о книге, но не был доволен написанным, как и любой писатель, а тем более молодой.

А ещё он долго искал название для книги, что тоже тормозило сбор и издание.

Название родилось у него не сразу. Но, как это всегда бывает в творческой жизни, своевременно, а именно – в те

дни, когда он решил посетить военкомат, чтобы пройти медицинскую комиссию для службы в армии.

Про псевдоним.

Ещё до учёбы в Литературном институте он решил, что будет публиковаться только под псевдонимом. Хотя ни разу при жизни этого не случилось. Зато в институте его знали только как Соловья. Так что название статьи «На смерть Соловья» поэта и преподавателя Литературного института Сергея Арутюнова не случайно.

Название будущей книги сын прислал мне эсэмэской 8 мая 2020 года: «Я НЕБО» И.С. (Иван Соловей). Это случилось ровно за 2 года до его погребения, когда, спустя почти два месяца поисков, он вернулся домой.

Только после героической гибели морского пехотинца Ивана Лукина и прочтения дневниковых записей и стихов стало понятно, что он обладал даром предвиденья.

Иван во всём искал подтексты, вторые смыслы, глубокие отзвуки вечности.

Поэтому только теперь я могу с лёгкостью расшифровать название книги. Название книги, конечно, синоним псевдонима Иван Соловей. Между ними можно поставить знак равенства.

Я – Иван Лукин. Небо – Соловей.

При жизни сына и псевдоним, и название книги мне показались манерными. Его героическая гибель в Мариуполе всё изменила.

Судьба человека слилась воедино с судьбой поэта-воина.

В Севастополе снят фильм про морпеха Ивана Лукина.

В родном подмосковном селе появилась улица имени Гвардии Матроса Ивана Лукина.

В Мариуполе на площади Воинов-Освободителей размещена информация о сыне и его подвиге.

А ещё были сны родных и близких, в которых сын появлялся периодически.

В первых снах я с ним несколько ночей подряд оборонялся в окружённом доме. К моменту рассказа сослуживцев о тех героических днях многое о происходившем в мариупольском доме Павлова я уже знал по «собственному» опыту.

В другом сне, в начале сентября 2020 года, было письмо. Точнее, небольшого размера открытка, даже с обратным адресом, такого содержания: «Дорогой и печальный папа. Не плачь и не тоскуй. У меня действительно всё хорошо. Я не испытываю ни в чём нужды. Вот разве что составить <каталог> (нрзб) новой жизни. Напиши, что ты думаешь об этом».

Последняя фраза была обычной для нашего с ним разговора при жизни...

Почтальоном между мирами выступила жена.

В издании этой книги избранных произведений Ивана Соловья (Лукина) принял участие Литературный институт им. А.М. Горького, в котором и я обучался в советские годы в семинаре поэта Евгения Михайловича Винокурова, участника Великой Отечественной войны.

В моей книге стихов «Отец солдата», написанной и изданной в 2022 году, среди посвящённых сыну стихотворений есть и «Баллада о Соловье». Этой балладой завершаю предисловие к книге «Я НЕБО».

БАЛЛАДА О СОЛОВЬЕ

Посвящается сыну

Однажды, быть может годков через сотню,
меня воскресят, не сказавши причины;
я выйду из тьмы иль с вершин спущусь горних;
встречайте, скажу, друга, воина, сына.
Поэта встречайте. Он добрый, красивый.
Он жизнь первый раз не дожил Божьей волей.
А если не верите, что воскресили,
вложите перста ваши, мне же не больно.
Смотрите, нет сердца. Насквозь моя рана
подзорной трубой в моём теле зияет.
Вглядитесь: весна и война спозаранку,
морпехи, спецназ – смерть для них ещё тайна.
Им спать не дадут миномёты и танки.
Им спать не даёт плач гражданских в подвале.
Но служба есть служба: хоть поздно, хоть рано
живём с обстановкой в ладу и с Уставом.

Разведка вчера была. В ночь – окруженье.
Их сотни на горсточку нас в этом доме.
Их снайперы спорят о нас, о мишенях.
А нам бы заснуть хоть на миг после боя.
Но кто же в Уставе пропишет возможность
во снах покидать поле боя солдату?
Прощай, Мариуполь – район «Азовстали»...
...В Иркутск, и Ростов, и Москву... улетаем
в Темрюк, Севастополь... теперь нам не сложно.

Быть может, меня воскресили случайно,
и тело машиною времени стало
лишь силою строк моих, мыслей, печалей,
ошибок, находок, и криков «оставьте»,
и снов – не моих. Вам, конечно, спасибо,
что верили вы: вот я рядом витаю.

Вы видели: я не святой – нету нимба.
Вы помнили голос, когда я читаю
про мышку и кошку, про горе пиита
на пятом в общаге надмирного Лита.

Как жаль, что вас нет сейчас рядом со мною.
Мы б в Питер умчали... иль в Гаспру... иль дома
я встретился б с вами, привычно за полдень
проснувшись, услышавши нежное «соня».

12]
] Меня воскресят. Нет сомнения в этом.
Столетье искали стихи, что пропали
с моим телефоном. Забыты все сплетни.
А значит, той жизни короткой мне мало...
] Мне мало. Вам мало. Мне вас не хватает:
чудные поэты, прозаики, воины,
актёры Большого... Вы помнили Ваню:
Иван Соловей – жил и умер свободным.

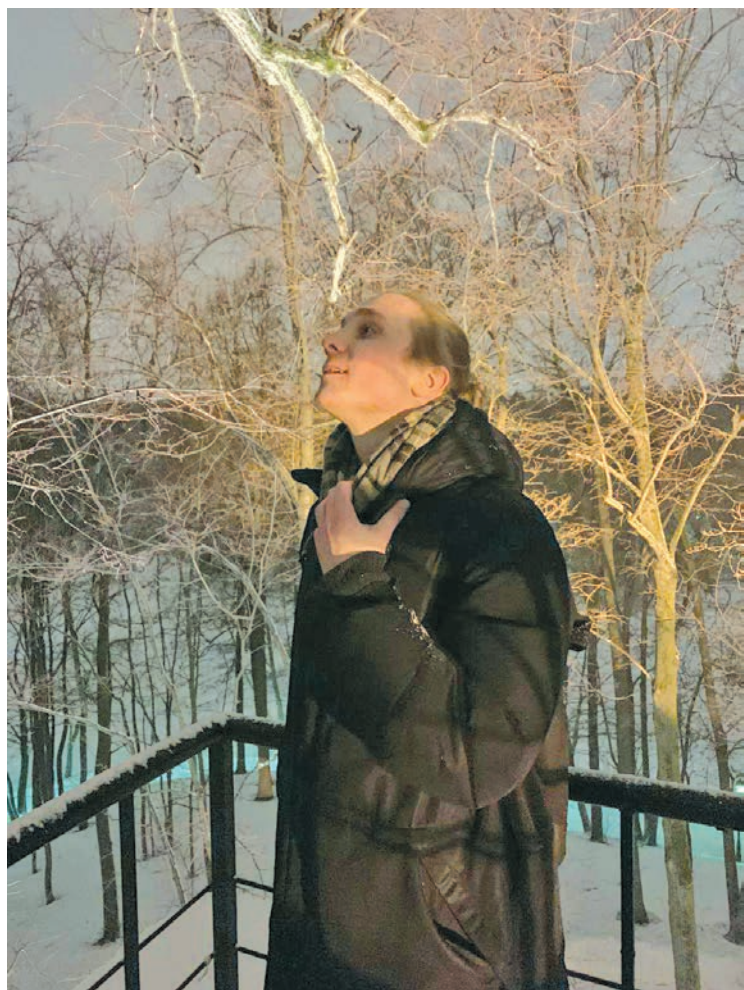
...Однажды, быть может годков через сотню,
меня воскресят, не сказавши причины;
я выйду из тьмы иль с вершин спущусь горних;
встречайте, скажу, друга, воина, сына.
Иван Соловей – жил и умер свободным.
Я – воин. Таких воскрешают по списку,
что из году в год подают для молитвы.
Я добрый, хороший и даже красивый.

Тогда будет жизнь и счастливой, и длинной.

02/27.10.2022

Борис Ив. Лукин

Здравствуй, когда ты была рядом
и пришла из детства ^{отрава}
горького запаха.
невысказанной красоты
Земле.
12.05.17. 23:59

СТИХО ТВОРЕНИЯ

***

16 | Жизнь – это хрупкая чашечка, сделанная из фарфора.
| В ней и хранится душа.
| Эта чашечка может разбиться или потеряться.
| Берегите её.
| Прячьте подальше от ветра и чужой руки.

24 января 2012

***

Рисовал на стенах мелом,
Как всегда – таким же древним;
Всё, что знаю чёрное.
Получалось – белое.

Рисовал на стенах углем,
Как всегда – таким же хрупким;
Всё, что знаю белое.
Получалось – чёрное.

Я бы мел сменил на уголь,
Но меня поставят в угол.
Говорят: «Так правильно!»
Значит, я неправильный.

***

Я не боюсь того, что я люблю.
Точнее, я боюсь лишь одного.
Боюсь я Бога...

23 июня 2016

ВЕРА

Кто-то пишет, кто-то лижет,
Кто-то врёт, другой – поёт.
Никому из них не видно
Смысла в слове «патриот».
И никто из них не знает,
Что, пока горит свеча,
Они могут жить играя,
Беззаботно – не спеша.
Что, пока молитвы веер
Раскрывается вокруг,
Можем мы дышать и верить,
Обнимая солнца круг.

ТЁМНЫЕ АЛЛЕИ

В моих темных аллеях за оградой тает воздух.
В моих темных аллеях над деревьями падают звёзды.
Я бежал от людей, я бежал от разлук и печали;
Я сбежал – улетел от бессмысленной, глупой дряни.
Моё тело упало, оно грустно, забавно разбилось.
Растворилось в листьях моих тёмных аллей и забылось.

14 сентября 2016

* * *

...он чувствует мои грехи.
Во мне он радостно смеётся.
Мы с ним с рождения враги,
Он совестью моей зовется!

}
21
}

11 декабря 2016

БАЛЛАДА О СКРИПАЧЕ

Тот скрипач был моложе меня и тебя.
Он играл виртуозно, свыше дар был так дан.

Воевал неумело, защищал нас как мог.
Но война беспощадна, не щадит даже вдов.

Брат на брата, как ныне, мне старик говорил,
Поднялся, и мерилom перестал здесь быть стыд.

Защищал тот скрипач поле, дом свой родной,
Школу, маму, сестру, небо, Веру порой.

И стрелял, на рожон лез, хотел доказать,
Что он прав, вместе с теми, кто окоп с ним копал.

Вечерами играл тот скрипач у костра.
И солдаты не спали, так красиво играл.

Командир попытался талант тот сберечь.
Ни в какую скрипач: «Нужен Родине меч!»

Сколько раз говорили: «Малой, едь, учись,
Виртуозам не место на полях боевых!»

Не исполнил Скрипач только этот приказ,
Отвечал: «Остаюсь! Это сердца указ!»

Говорил: «Победим, я поеду в Москву,
Там играть буду вволю, но сейчас – не могу!»

Нет, окопы не спрячут от ударов судьбы.
Не щадит никого, кто б ты в жизни ни был.

На земле, повалившись, громко плакал Скрипач:
«Как же, Боже, играть я смогу-то сейчас?»

Вместо рук и кистей два обрубка торчат.
Музыкант уж не сможет смычком водить в такт.

И скрипач молодой вдруг сквозь боль прошептал:
«Боже, смилуйся, милый, пощади... наповал.

Ты, Всеведущий, знаешь – без мечты не живут;
И без рук нет мне жизни, пощади и не мучь».

Разорвался снаряд метрах в двух... Дым ушёл.
Парень спал, навсегда распрощавшись с душой.

Эту грустную притчу мне поведал старик,
Я – поэт молодой, взвода он – командир,

Скрипку ту он сберёг, мне её подарил,
Чтобы эту балладу о скрипке сложил.

А балладу сложив, посвятил – Скрипачу.
И похлопал с доверьем меня по плечу.

24

Через день он из боя вернуться не смог.
Но рассказ я запомнил для этих стихов,

Ради жизни с мечтой, ради жизни в любви,
Чтобы музыки душу войне не убить.

17 марта 2017

***

На земле, смешанной с порохом,
не видно травы,
только грязь, только поросль
мелких капель зимы.
По зиме тянет красная, неясная синь –
то расплакались пули и осколки мин.
А война так беспомощна...
И безжалостно кровь
убегает из гордых, непокорных голов.
Будет страхом смеяться
этот горький удел.
Где бы ни был – не прятался
в протяжении вен...

* * *

Я умру – не будет плакать мама,
нет её давно на этом свете.
За глаза слова чужие, рваные –
пронесутся над могилой сплетни.
Я умру – за сердце папа схватится:
«Не жалея, не плачь, уже не надо».
Памятник не ставьте: по карману ли?
Да и смысл – креста мне, что ли, мало...

Ну к кому пойти мне? Кто же, кто же?
Кто поймёт и не прогонит прочь?
Говорят: «Всё от безделья, на работу бы...»
Но не видел я безделья до сих пор...

Я умру.
Не знаю как... Бог не решил пока.
До свидания, друзья. Встречай же, мама –
обниму тебя...
Пропал в котлах
твой единственный на вечном свете мальчик.

***

развернулся ударить себя... скользко... взбрось
посмотри на остатки лета в солнечном свете
целый день, повезло, я спал под крышей дрожь
дождя убаюкивала закрыл глаза даже во сне
от себя не убежишь капает с деревянных небес
оживает вода везде под стеклом
парни прятались парни тряпками схватывали
выжимали в ведро, я спал, и Морфей плёл
с потолка льёт словно в фильмах Тарковского
черно-белое озеро, я плыву по туману
в лодке тишины и странно
гребу и совсем не слышу плеска
только дробит на лице танцы бисер
парни ржут... я сквозь сон слышу эхо войны
а во сне тишина и туман лодка бессмертный я
одинокий бесшумный печальный пустой
каждый день в сутолоке суеты
сжигаю себя и не делаю ничего
чтобы жить и не чувствовать главное
отжимание грязной воды в ведро

***

И, копаясь в грязи, мы курим
сигареты «Космос».
Мы смотрим на звёзды,
но уже не мечтаем...
Мы – взрослые.

***

Чувствую каждую клеточку тела.
Чувствую: в пальце колется вена.
Чувствую, что скоро начнётся Война.
Не моя ли она?
И я продолжаю смотреть и чувствовать,
как каждая капля дождя,
ветром складываемая в горизонтальный реки поток,
попадая в меня,
мгновенно
обращает в свой водоворот.
Я мокрый насквозь бреду,
точнее, скольжу по грязи в одних тапочках.
Слякоть липнет к ногам; небо тучится.
Холод людей мучает, и сам оттого мучается.
Но усталость забывается в пальцах скручивающих;
ведь я чувствую тебя сквозь километры
и дым в лёгких,
ускользающий вместе с секундой прошедшего дня,
тоже чувствую.
Я чувствую...
Я живой...
Грязь оттёрта. Вода скоро высохнет.
И я чувствую! Чувствую! Истинно!

* * *

Как будто бы нет меня и только остались слова
пустых обещаний, желаний растерянных
в грязи по колено иду на тебя
и ты меня ждёшь за станком брат утерянный

куда отправляет порой нас судьба
ты сам угадать не сумеешь
и пули в полете жужжа и свистя
толкают и ангел и демоны

Упал в лужу я и прижался к земле
такой же родной и забытой
а брат мой желает жизни себе
а мне только смерти поверьте

Я видел глаза этих старых детей
они так же рушат надежды
что матери наши увидят людей
а не посланников смерти

* * *

Закат растёкся по горизонту ядерным взрывом.
Пролил суп в бэтээре;
лучше бы он был керосином.
Снова вытащил себя за волосы из трясины.
Я должен постоянно быть сильным.

И кажется, эта миссия невыполнима,
но я обязан остаться живым и красивым.
...Хотя бы остаться живым,
чтобы хватило силы
добраться до дома,
который освещён ядерным взрывом.

* * *

Я видел смерть она была вот здесь
на расстояньи вытянутых пальцев
и чувствовал дыхание судьбы
иль это крыльями махал мой ангел.

Февраль 2022

* * *

сигарета воняет палёными прядями
я скрываю за дымом глаза
и в глазах – слёзы

]
33
]

8 марта 2022, 1:17

***

Я гуляю, кручу самокрутку –
мирной жизни лишь пять минут.
До победы – мечты и задумки.
Снаряжусь, помолюсь – и в путь.

На войну мне теперь дорога.
Я успел лишь одно понять:
этот путь мне завещан Богом,
этот путь созидает меня.

7 марта 2022

***

Сестра, знаю, ты по ночам плохо спишь,
переживаешь за нас, беспокойных,
которые вроде бы мирные...

]
35
]

Z-ПЕРИОД

забава зло закон запреты
заноза зуд зараза зелье
зенитки залп закат заветы
за что за нас за них заверье

затёрта зебра звон затвора
звучит залёгшая в затоне
зверьё забил за поворотом
за тем забором зубы звоны

закрыта зара записали
сдаваться золоту за зря ли
зато мы знаем зов дубравы
зайди и зыркни злая лярва

зело заказ звезда в зените
забит но знаю не забыто
Зина зайдёт за нашей Митрой
зевнёт зачтёт забыт завоет

07/08/03.2022

* * *

БТРы вспахали колёсами землю.
Я устремляю взгляд к небу –
к Богу, которого там нету
для многих, но только не для меня.

]
37
]

ПРОЗА

**ИЗДАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

ПИСЬМО

Серафим проснулся из-за того, что с крыши упал подтаивший на солнце снег.

С трудом оторвав голову от подушки и приподнявшись на кровати, мальчик всё же не рискнул спускать ноги на холодный по-зимнему пол. Наполовину завернувшись в одеяло, он потянулся к широкому креслу у изголовья, на котором лежали несколько книг и аккуратно сложенная одежда, быстро натянул на себя шерстяной свитер и чихнул.

В комнате Серафима было светло. Слепительное зимнее солнце переливалось в крупных сосульках, которые свешивались с козырька крыши до середины широких окон, и весело играло бликами на белых стенах между картин современного художника (его работы отец Серафима уважал). Недалеко от подоконника одного из окон на яблоне висела кормушка, вокруг которой велась постоянная красно-коричневая битва между снегирями, воробьями и прочими голодными пернатыми за местечко потеплее и посытнее.

Ярко-рыжий кот, с белым галстуком на шее, выполз из-под забора с мышью во рту и своим появлением спугнул взлохмаченных птиц около кормушки. Воровато оглядевшись вокруг, он опустил серый комочек шерсти на снег, чуть-чуть тронул его лапой и затаился, ожидая, когда же он побежит. На соседнем участке, за забором, лает собака, видимо чуя дразнящую кошачью породу. Но казалось, что тринадцатилетний мальчик с копной непокорных рыжих волос совсем не замечал всей этой обыденной живой красоты, которая сквозь оконные стёкла проникала в комнату.

Серафим отодвинул стул и сел за небольшой письменный стол у окна.

За стеной опять заплакала младшая сестра. Машу всё утро по очереди пытались успокоить приехавшие родственники.

Мальчик взял ручку, вырвал из тетради листок и что-то написал на нём.

В комнату зашла сестра и попросила Серафима собираться и выходить завтракать.

– Ну чего ты?

– Ничего.

Сестра немного постояла за спиной брата, разглядывая с сочувствием его подростковые, худые, напряженные плечи, и, тяжело вздохнув, вышла из комнаты.

Серафим поднял голову, задумчиво посмотрел на кота, затем на солнце, несколько раз моргнул и вдруг, решительно зачеркнув написанное, порвал бумагу и вырвал из тетради новый листок.

41

Уже неделю день ото дня крепчали морозы. Белоснежный, искрящийся на солнце снег протяжно скрипел под ногами нескольких молча идущих людей и почему-то пах свежим арбузом. Серафим двигался позади всех, держа за руку младшую сестру. Другую руку он засунул в карман. Там, заложенное в перчатку, хранилось письмо. В перчатку он его спрятал для верности – так уж точно не потеряется.

В гулкой светлой церкви по углам толпилось много народу. Серафим видел и отмечал много знакомых людей. Некоторые из них подходили к отцу с серьезными, скорбными лицами, жали руку, говорили что-то на ухо и отхо-

дили. Отец кивал головой, но по большей части просто молчал, покашливая в свою посереброванную чёрную бороду. Серафим выпустил руку сестры, прошёл в центр храма, к отцу, и, внимательно посмотрев, осторожно дотронулся до него.

Вчера – пятничным вечером – уставший Серафим возвращался домой из города, куда он вместе с классом ездил в театр. Мальчик был весел и разгорячен. Но чем ближе электричка приближалась к родным местам, тем тише становился Серафим и холоднее начинали блестеть его глаза.

42 } Ребята, вместе с классной руководительницей, вышли на четыре остановки раньше – дом Серафима был намного дальше, чем у его одноклассников. Он остался в полупустом вагоне с двумя грузными, постоянно шепчущимися и посмеивающимися тётечками на соседних сиденьях, несколькими сурового вида мужчинами с обязательными деловыми чемоданчиками и группой несдержанно гогочущих студентов.

Серафим отвернулся от них и недовольно посмотрел в окно на своё отражение. Мысли вновь нахлынули бесконечным потоком. Он опять начал анализировать прошедшие несколько дней, неожиданную аварию, в которую недавно попала мама, приезд старших сестёр, большое количество еды, внезапно появившееся на веранде. Странно, что за праздник без причины?

Несмотря на сильный мороз, на перроне его встречал отец. Вся фигура бывшего военного поражала: высокая и кражистая, с широкими плечами и спиной, она казалась цельным высеченным монолитом. Выразительному лицу

придавали какую-то особую строгость густые чёрные брови и борода. А седеющие волосы, когда-то бывшие такими же чёрными, в фонарном свете виделись почти белыми.

Он внимательно оглядел сына, кашлянул в бороду, взял портфель и пошёл с Серафимом к машине.

– Ну как съездили?

– Хорошо съездили – весело было.

– А что за постановка была?

– Я же тебе говорил уже, пап! – возмутился сын оттого, что отец не помнил его слова.

– Да? – снова кашлянул он в бороду и добавил:

– Гм, точно-точно, припоминаю, ты мне это уже говорил.

Серафим замолчал, возмущённый и немного обиженный тем, что с недавних пор отец совсем перестал интересоваться его личной жизнью, перестал слушать то, чем он делится с ним. } 43 }

Но заметил вдруг, что тот опять начал прихрамывать на левую ногу и покашливать в бороду чаще обычного, и так до боли в груди стало жалко Серафиму этого родного ему стареющего строгого, делового мужчину, которым так гордился перед сверстниками, что забыл обиду и, снизу вверх взглянув в глаза, сам пошёл на контакт:

– Ну, пап, ну чего ты молчишь! Как дела? Мы завтра поедим к маме?

Отец с сыном уже почти совсем подошли к машине, когда Серафим удивлённо заметил, что за рулём сидит дядя Лёша – муж одной из его старших сестёр, и сразу же по-мальчишески забыл, что только что задавал вопрос, повернулся, чтобы задать новый, но вдруг увидел, как отец остановился.

– Папа, почему ты остановился? Что случилось, пап? – спрашивал он, дёргая его за руку.

Отец взглянул как-то необычно на сына, и только сейчас Серафим увидел, что из глаз отца текут слёзы. Одна из них упала на бороду и застыла на ней небольшим кристалликом.

– Папа, не плачь, пожалуйста, мама ещё слаба, но обязательно выздоровеет, помнишь, ты мне это вчера говорил? Она же выздоровеет? Серафим крепко обнял отца и сильно-сильно зажмурил глаза, зажмурил, потому что не верил в сказанное им же самим секунду назад. Не верил, просто даже потому, что никогда не видел раньше плачущим своего папу.

44 } Отец легонько отстранил сына, наклонился, а Серафим вдруг с неожиданными подробностями увидел, что папа был одет во всё черное: чёрное пальто, чёрный шарф, чёрный костюм, чёрная рубашка, галстук тоже чёрный, правда, с небольшими красными вкрапинками. Медленно и как-то неуклюже отец снял свои большие очки в роговой оправе, вытер тыльной стороной руки глаза, посмотрел на сына и так же медленно, но чётко сказал:

– Серафим, ты же уже большой мальчик. Будь мужчиной. Мамы больше с нами нет.

В машине Серафим прижался к папе, спрятался лицом в его пиджак и старался не дышать, не слышать и не видеть. Любимый и знакомый запах окружал его со всех сторон, создавая иллюзию защищённости. Он желал раствориться в нём и ни о чём не думать, но в голове как ураган вертелись назойливые мысли. То, что мамы нет, было непонятно и как-то неправдоподобно. Он вдруг вспомнил, как иногда обиженная им мама серьезно гля-

дела на него и говорила: «Вот не станет меня, будешь ко мне на могилку приходить, хоть цветочки приноси». Серафим сразу стыдился того, что он делал, топал ногами и кричал: «Мама, ну что ты такое говоришь! Тебе не стыдно?» А она улыбалась и спрашивала в ответ: «А тебе, Серафим, не стыдно?» И Серафим вдруг явственно представлял себе, как понесёт маме цветы на кладбище, и ему становилось так страшно, что он сразу понимал, как неправ, обижая маму, и бежал к ней, обнимал хрупкое тело и просил прощения.

Тело било мелкой дрожью... Хотелось плакать, но слёз не было.

Под конец пути отец тихо сказал сыну: «Зайди в церковь, попрощайся с мамой, завтра похороны – будет много людей, возможности побыть с ней наедине может больше не представиться».

} 45 }

Дорогу до храма Серафим не помнил. Помнил только, как толкнул тяжёлую кованую дверь и провалился в гудящую, вибрирующую от молитв темноту...

Серафим никогда ещё не бывал в церкви ночью. Точнее, один ночью на улице он бывал, а вот чтобы в церкви, да ещё ночью и почти один, такого ещё не было. Он растерянно вступил за порог, забыв снять шапку и перекреститься. Полумрак от горящих свечей, притушенная люстра и монотонный тембр монаха, читающего молитвы, напугали его. Хотя, скорее, даже не это напугало Серафима, а стоявший посередине церкви гроб, казавшийся здесь совсем не к месту.

Медленно, с опущенными вдоль тела руками, Серафим пошёл к гробу. Закреплённый на двух высоких тонких подставках, он как будто висел в воздухе. Каждый шаг от-

давался под сводом церкви, не сочетаясь с ритмом произносимых монахом слов. В каждом шаге Серафим был не уверен. Ему казалось, что если сейчас выбежать на улицу и подумать о том, что это всего лишь страшный сон, то он проснётся. Но какое-то безмолвное оцепенение сковало его тело. Ноги, налившись свинцом, двигались самостоятельно, ведя его к запредельному ужасу, в который каждый не хочет верить до самого конца.

Молитва, сливаясь с темнотой, неровным светом и густым запахом горящих трескучих свечей, создавала гудящий водоворот, который затягивал Серафима в самую глубину, в центр – к гробу.

Время остановилось.

Мама была очень спокойная. Серафим никогда не видел её такой. Она всегда что-нибудь делала, всегда была чем-то занята. Поэтому, когда он взглянул на неё первый раз, то сразу же отвёл взгляд и внутри него одновременно пронеслись две мысли: «Это действительно она!» и «Как она не похожа на себя!»

Эти мысли удивили Серафима. Он стоял рядом с гробом и широко раскрытыми глазами смотрел немного вбок, на одну из икон.

Так он стоял долго, собираясь с силами посмотреть ещё раз.

Мама лежала с закрытыми глазами – такого странного выражения лица он тоже не помнил: расслабленные брови, гладкий, без морщин лоб и бледные тонкие губы без такой привычной помады. В этот раз Серафим смотрел немного дольше. С хладнокровностью, которую он с ужасом заметил в себе, его глаза запоминали каждую деталь маминого лица.

Кто-то вдруг аккуратно стянул с него шапку. Серафим вздрогнул и обернулся. Сзади стоял священник и смотрел на него долгим, грустным, но добрым взглядом.

– Как же так, отец Сергей? – почти прошептал Серафим, как на исповеди. – Такого же просто не может быть! Отец Сергей, скажите, Бог что, разве не видел, что я... что мы... без мамы не можем жить?

– Тише, тише... конечно, видел, но – Он же мудрее нас всех. Господь видит и предвидит всё, значит, не случайно он забрал её к себе. Значит, так правильно, и Он ещё докажет это. Помни, Серафим: всё, что ни свершается – всё к лучшему... как это порой ни больно принимать.

Отец Сергей протянул Серафиму шапку и добавил:

– Поцелуй маму, не бойся, она ждала тебя дольше всех.

Монах перестал читать, на его место встал другой монах. Его осветила небольшая лампа – это был старинный папин товарищ, по всей видимости приехавший из монастыря сегодня днём.

Знакомое лицо, голос, и вот слова звучат как-то теплее, легче, может, ещё и из-за того, что в промежутках между не очень понятным текстом он несколько раз услышал повторяющееся имя мамы: «Человеколюбец Бог, прости Надежду и помилуй, вечные муки избави, небесному Царствию причастники учини...»

Серафим вновь осторожно посмотрел на маму. Мама улыбалась.

Мороз по коже продрал Серафима с ног до головы. Это было так неожиданно, что он резко отпрянул от гроба и чуть не задохнулся от потери дыхания.

Но стоило ему отдалиться от мамы, как игра теней вновь сыграла с ним злую шутку: мама перестала улы-

баться. Серафим в свою очередь улынулся и посмеялся про себя над своим испугом. Он наклонился и, аккуратно положив руки на край гроба, поцеловал маму в лоб.

Именно в тот момент, когда губы Серафима коснулись холодного маминого лба, из его глаз хлынули слёзы. Просто он окончательно осознал, что больше никогда не услышит маминого голоса и никогда не ощутит под своими губами тепло её кожи.

Серафим приподнялся и смотрел, смотрел на маму. Перед глазами всё предательски расплывалось от слёз, как ни старался он сдержаться. Казалось, что он смотрит на неё сквозь толщу воды, а она где-то там, в небе, рядом с ярким светом. Серафим осторожно дотронулся до маминей руки и погладил её. Ощущение было странно знакомым, как будто трогаешь холодную куриную ножку, но вот только этой холодной была не ножка, а мамина рука, всегда такая тёплая и нежная. Серафим снова наклонился к маминей груди и, уже не сдерживая слёз, вздрагивая, зашептал: «Мама, прости! Мама, вернись, пожалуйста! Пожалуйста, вернись...».

Сквозь тишину всё текла и текла молитва монаха. Может, именно она и успокоила его. Он вытер слёзы, совсем по-домашнему поцеловал маму в щёку, повернулся и быстро направился к выходу из церкви, впервые ставшей такой неудобной.

На пороге стоял священник.

– Отец Сергей, какие молитвы нужно читать? – неожиданно размеренно и спокойно произнёс Серафим, взглянув на него.

– Перед сном тверди: «Господи, упокой душу новопреставленной мамы моей и даруй ей Царство Небесное»,

и этого достаточно будет, ты ведь её сын, твоя молитва слышнее всего и понятнее будет. – улыбнулся ободрительно и печально священник.

У церкви беспокойно ходил отец, заложив руки за спину. Серафим и не заметил, когда он ушёл на улицу. Увидев друг друга, они не нашлись, что сказать и, взявшись за руки, молча пошагали сквозь морозную звёздность домой.

Но почти перед самой калиткой, ведущей во двор, Серафим не выдержал:

– Папа, скажи, как она погибла? – спросил, опуская глаза, заполняющиеся слезами, почти беззвучно, вдруг опять потеряв то самообладание, с которым недавно держался перед священником.

– Авария была почти около нашего дома. Фура врезалась в мамину машину сзади. Мгновенная смерть.

– Но мама... Но она ведь такая «целая»...

– Да, – согласился отец. – Она не должна была погибнуть. Водительское место гарантировало жизнь даже при таких двух сильных ударах.

– Так почему же она погибла?

– Я не знаю, сынок. – Отец наклонил голову и сильно закашлялся. – Она последнее время жаловалась на то, что сильно устаёт. Вот, видимо, Бог её и услышал...

Серафим отвернулся. В голове зазвучали слова священника: «Значит, так правильно, значит, так правильно, значит, так правильно...», как будто пластинка заела на одном месте и постоянно выдавала одну и ту же трель. Но сквозь эту заевшую трель он продолжал слышать, как отец рассказывал некоторые подробности.

– ...Она отвезла вас с Машей в школу и возвращалась домой. Купила вам апельсинов и печенья, любила вас так обоих...

Вдруг Серафим резко освободил руку, обернулся на освещённого уличным фонарём отца и, срывая голос до хрипоты и камушек в горле, прокричал:

– Ну так почему вы сразу не сказали мне с Машей о том, что мама погибла? Почему я об этом узнал последний? Почему не отвезли нас к ней сразу?

Отец обошёл тяжело дышащего Серафима, плечом открыл примороженную калитку и, не оборачиваясь, глухо ответил:

– Прости, мы решили, что так будет лучше для вас обоих. Хотя мне казалось, что ты и сам уже обо всём догадался...

Спустя мгновение Серафим примирительно снова взял отца за руку и пожал её.

Калитка звонко, металлически стукнула. Где-то за забором щёлкнул выключатель. Фонарь зашипел и погас.

Дома было людно – одни готовили еду на завтрашние поминки, а кто-то только приехал и ещё не успел разместиться. Серафима, зашедшего за порог, словно обдало этим контрастом: дом, по сравнению с церковью – безлюдной, но полностью заполненной искажёнными, вибрирующими, таинственными звуками – показался мальчику неживым и пустым, несмотря на то что был полон людьми. Серафим окинул родственников и друзей, собравшихся на кухне и в зале, взглядом из-под бровей. Все, как только он появился в доме, перестали разговаривать, а некоторые стали разглядывать его таким грустным, (запятая) жалеющим взглядом, что у Серафима выступил холодный пот на спине. Он не узнавал родного дома: те же зажжённые люстры, тот же обеденный

стол, такие же картины, только вот чего-то не было. Чего-то не хватало.

Бросив у входа портфель, он вдруг заметил мамины тапочки около лестницы, ведущей на второй этаж, и перед глазами всё вновь поплыло. Он поднял взгляд и увидел, что совершенно один в каком-то чужом месте, заполненном людьми, зовущими его по имени и что-то пытающимися ему дать или, наоборот, забрать. Серафим так сильно испугался картины, развернувшейся перед ним, что начал задыхаться, как будто тонул. И, ни на кого не обращая внимания, сквозь расплывающуюся и густеющую пелену, состоящую из звуков, света, чьих-то мелькающих по сторонам знакомых и незнакомых лиц и рук, он интуитивно начал прорываться к себе в комнату – теперь единственное безопасное и родное место на всей планете.

Забежав в комнату, Серафим сразу же закрыл дверь и, выдохнув, прижался к ней спиной.

Он хотел было включить свет, но из-за охватившего его страха, что и комната окажется незнакомой, в полной темноте, по пути рывками сорвав с себя одежду, прыгнул в кровать, свернулся под одеялом и зарылся в подушку с головой.

Через некоторое время дверь скрипнула.

– Серафим, ты спишь? Здравствуй, – он узнал голос крёстной, которая тоже приехала сегодня днём. – К тебе можно?

– Да, – промычал в подушку Серафим.

Крёстная подошла к кровати и села на её краешек. Она осторожно дотронулась до мальчика и погладила по спине и голове. Женщина не знала, как ей правильно себя вести, но её материнское чутьё не подвело; Серафим, тяжело

вздрагивая телом и успокаиваясь, вздохнул и, повернув голову немного набок, спросил:

– Но, ведь такого же не может случиться? Это только в снах и в книгах бывает.

– Нет, Симочка, в жизни такое происходит гораздо чаще, именно поэтому пишутся книги и снимаются фильмы, чтобы люди узнавали, как такое может случиться.

«Когда я вырасту, я обязательно напишу про это книгу», – подумал Серафим и опять тяжело вздохнул.

– Знаешь, крёстная, мы сегодня были в театре, и там, на сцене, актёр плакал, и у него это так натурально получалось, что некоторые мои одноклассницы тоже заплакали. А я знал, что он врёт, поэтому и не плакал, хотя хотелось, очень уж грустная история была, ну и мальчик я, а нам, вроде не полагается. – На этом месте он горестно усмехнулся по-взрослому и сразу же по-детски всхлипнул вслед. Вздохнул опять и продолжил на одном дыхании:

– А сегодня, когда я увидел слёзы папы, самые что ни есть настоящие, таких я никогда ещё не видел раньше, мне плакать очень захотелось, но не плакалось совсем, только сделалось страшно-страшно, потому что, наверное, раз такое в жизни случается – совершенно нечаянно и случайно: живешь себе, живешь, никого не трогаешь, а потом бац – и тебя случайный человек берёт и так же нечаянно, а может, и не нечаянно, может, он в шутку, берёт, может, он специально берёт и – убивает. Как жить тогда? Как жить, если любой встречный может убить? Если каждый день ты можешь умереть?

Серафим задохнулся от быстрой, сбивчивой и местами нелогичной речи и замолчал, ожидая ответа первой

женщины, с которой он общался после того, как убедился в том, что такое «нелогичное» действительно случается.

Крёстная молчала. Она думала, как лучше ответить мальчику, который впервые, может быть, задумался о смерти и сразу же по старой русской традиции пустился анализировать произошедшее.

– Жить дальше, Сима, – наконец ответила она ему. – Жить дальше, и верить в лучшее, и предостерегаться от таких случайностей максимально. Предостерегать и себя, и близких, и постоянно помнить об этом, и напоминать всем; тогда ничего, может, и не произойдёт. Но всё в мире неслучайно – запомни и это, Симочка – всё взаимосвязано, и без прошлого – нет будущего. Только вот жить в прошлом нельзя. Жить нужно сегодня, думая о завтра, помня вчера.

– А у тебя это получается?

– Что именно? – удивилась крёстная.

– Жить сегодня, думать о завтра и помнить вчера?

– Плохо, – призналась она, – но у тех, кто живёт по такому закону, всё обязательно получится, поверь мне.

– Но от кирпича с крыши никто всё равно не обережён.

– Если ты жить будешь в лесу и никогда больше не будешь рядом с местами, где есть крыши с кирпичами, то ты можешь быть спокоен, – тихонько рассмеялась крёстная и продолжила: – Видишь, какой ты умный, сам на всё ответы находишь. Ты уже совсем взрослый, папе сейчас твоя помощь очень будет нужна... А жить нужно просто даже ради того, что мама твоя всю себя в тебя, сестёр твоих и папу вкладывала. И младшую сестрёнку – Машеньку – не обижай. Она ведь даже и не поняла, что произошло. Крепись, Сим.

– Лааадно... – протянул засыпающий Серафим и подумал: «Завтра будет ещё один день, в котором нужно жить по этим дурацким законам и случайным правилам». – Спокойной ночи, крёстная, спасибо тебе, посиди рядом, ты мне совсем не мешаешь.

– Спокойной ночи, Симочка, – ласково, как умеют только матери, сказала женщина и грустно улыбнулась в темноте, украдкой утерев слезу, собрала и аккуратно сложила вещи мальчика в кресло при свете беззастенчиво пялившейся в окно луны.

Серафим держал одной рукой руку отца, а другой рукой аккуратно, чтобы никто не заметил, вытащил письмо из кармана куртки и переложил в карман брюк. «Не забыть бы!» – и снова осторожно взглянул на папу. «Как-то он постарел за это время», – подумал Серафим и испугался: а вдруг и папы тоже вот так не станет.

– Пап, папа! – Высокий мужчина с серебристой бородой словно отрывался от какого-то важного диалога и не сразу понял, откуда идёт зов. Увидев, что это его окликает сын, блестя глазами, полными недоумения и вопроса, наклонился. А Серафим, привстав на цыпочки, прошептал на ухо: – Пап, только ты не умирай... Ладно? – Прошептав это, Серафим отклонился, чтобы взглянуть в папины глаза.

А у мужчины вдруг что-то стрельнуло в спине, закололо под сердцем и так завыло пронзительно в старом рубце на левой ноге, так завыло, что только выдержка заставила его разогнуться, выпрямиться и, взглянув в ждущие ответа глаза Серафима, ободрительно улыбнуться и сказать: «Ты чего это выдумал? Мы с тобой ещё таких дел наворотим вместе!»

Приобняв за плечо сына, про себя подумал: «Да, расслабляться нельзя, только постоянным графиком и работой можно вместе преодолеть эту беду. Никаких отдыхов и отпусков, они только во вред пойдут!»

Сделав про себя такой вывод, мужчина незаметно расправил опущенные плечи и крепче обнял сына.

А Серафим, словно успокоенный ответом, прижался к отцу и задумался о чём-то своём, разглядывая людей, стоящих вокруг.

Гроб с лёгким, вкрадчивым стуком опустился на промороженное за ночь дно могилы, и только сейчас, с этим лёгким стуком, Серафим вдруг вспомнил, что забыл положить маме письмо в изголовье, чтобы она прочитала его и унесла с собой в последний путь.

От этой мысли у Серафима вдруг заболела голова.

«Как я мог забыть?» – закричал внутри себя Серафим.

А когда люди вокруг начали бросать в могилу горстки замороженной земли, стучавшей по крышке с таким знакомым и уютным звуком крупного дождя в грозовую летнюю ночь, у Серафима зазвенело в ушах.

И только сейчас он неожиданно остро ощутил безвозвратность того самого дорогого, что исчезало в земле. Он хотел было броситься к могильщикам и просить достать гроб обратно, чтобы он мог положить к маме своё письмо, но не смог, потому что, как будто со стороны увидел, как это будет нелепо и глупо выглядеть, а ещё о том, что никто, конечно же, ему не разрешит. Подумав, Серафим всё же решил поступить так, как ему казалось правильнее и честнее, но какой-то голос внутри него спокойно и чётко сказал: «Стой!».

Крепко сжав зубы, Серафим скрипнул ими так болезненно, что в глазах потемнело. И вдруг сквозь эту боль, дробь, звон и темноту прозвучал вчерашний голос священника: «Всё, что ни свершается, всё к лучшему!»

И сразу же отчётливо вспомнился ночной разговор, папины глаза, профиль крёстной в темноте.

Вспомнил. Выдохнул. Открыл, оказывается, зажмуренные глаза. С усилием выпрямил сведённые в кулаки пальцы рук, поднял взгляд на голубое-голубое, без единого облачка небо – и пропали сразу все эти шумы и боли.

Серафим понял, что мама всё и так видит, и нет надобности класть письмо в гроб.

Понял, но не простил себя.

Понял и тихо прошептал, глядя в прозрачную глубину морозного январского неба: «Мама, я больше никогда ничего не забуду!»*

2017

---

* Этот текст биографии прилагался к публикации.

ИВАН ЛУКИН

Родился в 1998 году в Москве. Пишет стихи и прозу. Публиковался в литературных альманахах Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга. Неоднократный гость писательских чтений в Ясной Поляне. Стипендиат губернатора Московской области за выдающиеся успехи в учебе и спорте. Живёт в с. Архангельское Рузского района Московской области.

ДВА ПИСАТЕЛЯ И СОЛОВЬИ

Есть в моей жизни человек, который живет уже почти сто лет. Человек из другого времени, из другого века. Моя мама называла его легендарной личностью, и это правда. Человек этот – писатель Евгений Львович Войскунский*. Он как будто соединяет меня с тем прошлым, в котором жили мои предки.

Родился он в Баку 9 апреля 1922 года, поступил в Академию художеств в Ленинграде, после первого курса был призван в армию, позже оказался на флоте. Интересен тот факт, что Войскунский не мечтал о морской службе, продолжавшейся тогда 5 лет, дабы поскорее из армии вернуться к учебе. Но жизнь решила по-своему. И Евгений Львович не только прошёл всю войну на Балтийском флоте, завершив ее в чине капитан-лейтенанта, но и после Победы служил ещё около десяти лет. В итоге, благодаря «судьбе-злодейке», Россия и мир получили одного из лучших писателей-маринистов.

В годы войны Войскунский был награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной вой-

* Войскунский Евгений Львович – советский, российский писатель. Родился в Баку 9 апреля 1922 г. Служил в ВМФ. В Великую Отечественную войну – на Балтийском флоте; капитан-лейтенант. Окончил заочный Литературный институт им. А.М. Горького (1952). Печатается с 1950-х. В соавторстве с двоюродным братом И. Лукодяновым в 1960–1970-е годы были написаны произведения в жанре научной фантастики, ставшие классикой.

У Евгения Львовича всегда оставался неисчерпаемый запас жизненного материала, накопленного за годы службы на Балтийском море. Многим читателям, не знакомым с ранними книгами Войскунского о войне и знавшим его лишь как фантаста, роман «Кронштадт» (1984) открыл его как сильного прозаика-реалиста. В 1990 году вышел роман Войскунского «Мир тесен» – книга о войне, составляющая с «Кронштадтом» своего рода дилогию. В 2000 опубликованы романы «Девичьи сны» и «Полвека любви», а в апреле 2007 – к 85-летию писателя – роман «Румянцевский сквер».

Сегодня Е.Л. Войскунский по-прежнему в строю, работает над новым историческим романом. Живёт в Москве. (Этой биографической справкой сопровождались все публикации очерка. Е.Л. Войскунский умер 3 июля 2020 года. В этот самый день Иван Лукин (Соловей) ушёл служить в армию. – Прим. ред.)

ны II степени и многими другими боевыми наградами. 22 июня 1941 года молодой солдат оказался на полуострове Ханко (Гангут). На этой земле трудно было не стать моряком. Ведь все служившие там называли берег «палубой великого родного корабля».

Великого... без преувеличения. В этом месте за 225 лет до того момента – 9 августа 1714 года – под командованием Петра I была одержана первая в истории России морская победа русского флота над шведской эскадрой. Здесь, на легендарной, стратегически важной позиции, в 1941 году шли тяжелые бои. Об этом периоде Евгений Львович позже напишет рассказы, повести, романы и пьесу.

Много поистине интересных, нередко опасных и даже страшных вещей произошло с молодым человеком на войне. На полуострове Ханко он сначала был красноармейцем в составе железнодорожного строительного батальона. Потом стал работать корреспондентом газеты «Красный Гангут», писал фельетоны, статьи, заметки. Евгений Львович много и подробно рассказывал об этом в своих произведениях.

В октябре 1941 года его забрали в штат редакции газеты. И, попрощавшись с друзьями, на попутном грузовике он поехал в город Ханко. Войскунский явился в редакцию «Красного Гангута», размещавшуюся в здании штаба базы, в подвале. Штаб располагался в каменном строении – одном из немногих сохранившихся после обстрелов в городке. В первый же день на него налетел высокий блондин в армейской форме, который декламировал стихи Эдуарда Багрицкого (в рассказе Войскунского, напечатанном в газете незадолго до этой встречи, те же строки в бреду твердит раненый боец): «Он мертвым пал.

Моей рукой водила дикая отвага...» Войскунский сразу же подхватил: «Ты не заштопаешь иглой прореху, сделанную шпагой». Перебивая друг друга, они принялись наизусть читать Багрицкого.

Так познакомился Евгений Войскунский с Михаилом Дудиным, в будущем – звездой советской поэзии, а пока резво начинающим свой творческий путь молодым русским поэтом, родившимся 20 ноября 1916 года в «маленькой, всего шесть дворов» деревне Клевнево Фурмановского района в крестьянской семье.

Юность Михаила Александровича обычна для первого поколения молодёжи страны Советов. Учился в Каликинской школе крестьянской молодёжи, жил в общежитии, одновременно в соседней деревне Рождествено учил неграмотных. Продолжая образование в Ивановской текстильной фабрике-школе, выпускал стенгазеты и был направлен в комсомольскую газету «Ленинец». Работал журналистом в Иванове, Комсомольске, на «Баксанстрое» в Кабардино-Балкарии, одновременно учился на вечернем отделении педагогического института.

59

Многое успевали делать наши деды. Вот и Дудин начал печататься ещё в 1934 году, а первый сборник его стихов – «Ливень» – вышел уже в 1940-м, по следам первой в его жизни войны. В 1939 году молодого поэта призвали в армию, на финский фронт. Так что на момент встречи с Войскунским это был уже поэт с книгой!

К концу жизни у него будет настоящий иконостас из наград, премий и званий, но, думаю, самыми дорогими для него оставались всё же те, первые – боевые ордена и медали. Михаил Александрович Дудин умер 31 декабря 1993 года в Санкт-Петербурге, похоронен на родине – в селе Вя-

зовское Фурмановского района, об этом своём желании он тоже успеет написать:

В селе Вязовском на старом погосте
Землёю становятся мысли и кости...
Здесь память о предках моих небогата,
Здесь Родина жизни моей, и когда-то
Окончится дней моих длинная повесть.
Умолкнут стихи, успокоится совесть,
Друзья разойдутся, разъедутся гости...
Найдите мне место на этом погосте.

Времена меняются, но мы знаем, что в ноябре 1996 года в библиотеке села Широкова открылся общественный музей поэта М.А. Дудина, а в 2002 году Широковской сельской библиотеке было присвоено его имя.

60

Но вернемся к моменту знакомства двух наших героев-писателей: одного, как я уже сказал, ещё не очень известного поэта с книгой и второго – не менее дерзкого, но делающего лишь первые шаги в журналистике бывшего студента-художника. Заживут они в одной крохотной комнатке в здании редакции. По словам Евгения Львовича, скорее всего, прежде там была каталажка: комнаты маленькие, узкие, очень похожие на камеры. В такой малюсенькой комнатке товарищи и вели по ночам свои разговоры, делились мечтами, читали друг другу стихи. Многие воспоминания Войскунского о Дудине связаны именно с этим начальным периодом службы на Ханко. А в творчестве Евгения Львовича эти годы займут основополагающее место.

В октябре 1941 года Ханко оказался в тылу противника. Выражаясь по-военному, «стратегический смысл его

обороны был утерян», поэтому стали приходиться конвои и вывозить людей и технику. Конвои состояли из транспортных судов, эсминцев и тральщиков. Ходили они с остановкой: сначала до острова Гогланд, на следующую ночь добирались до Ханко. И таким же образом возвращались – в два «прыжка», через остров Гогланд. Ко 2 декабря 1941 года полуостров опустел, остались только заслоны на границах и островах. Работников редакции газеты «Красный Гангут» принял на борт последний конвой. Грузились весь световой день. Ближе к вечеру вышли в море. Этому предшествовала большая работа на берегу. Уничтожалась боевая техника, пушки, взрывались платформы, паровозы, даже типографское оборудование.

В последний конвой входило 2 эсминца, тральщики и катера. Войскунский был на большом электроходе «Иосиф Сталин», загруженном людьми и продовольствием сверх всякой меры. В четырёхместной каюте было очень тесно: в ней расположились 20 пассажиров. Транспорт принял на борт около 6 тысяч человек. Войскунский с Дудиным долго стояли на верхней палубе и смотрели, как горит Ханко. Довольно скоро малоповоротливый транспорт напоролся на мину, раздался первый взрыв, погас свет, по трансляции приказали всем оставаться на местах. Через час раздался второй взрыв, очень сильный, корабль начал крениться на правый борт. Возникла паника. Войскунский с Дудиным держались вместе. Им сунули в руки носилки, и они из трюмов в кают-компанию носили раненых – их было очень много. Прогредел третий взрыв. Дудин затащил друга в каюту, где стояли винтовки, и предложил застрелиться. «Не хочу рыб кормить!» – сказал он. По словам Евгения Львовича, на Михаила было страшно смотреть, но Войскунский

не растерялся, схватил его за руку и силой вытащил из каюты. (Эта история напоминает сцену из пьесы «Дни Турбиных» М. Булгакова, хотя она вряд ли была им знакома по предвоенным театральным постановкам.)

«Сталина» пытались взять на буксир – ничего не вышло, поскольку четвёртым взрывом разбило форштевень. Крен усиливался, но электроход держался на плаву. Подходили тральщики, на них прыгали люди. Штормило, поэтому надо было выбрать момент, чтобы не промахнуться мимо узкой палубы. Товарищи поднялись на верхнюю палубу. Дудин прыгнул на борт подошедшего тральщика, Войскунский собрался сделать то же самое, но тральщик отвалил от электрохода и стал удаляться. Войскунский слышал, как Миша закричал: «Женька, прыгай! Прыга-ай!» Но было уже поздно – тральщик уходил. Евгений Львович рассказывал позже не раз, что не помнил, сколько провисел на борту – две минуты, десять, час.

Через некоторое время подошел ещё один тральщик. Войскунский прыгнул. Вместе с ним прыгнули и другие ребята из команды. Это был последний корабль конвоя, подходивший к борту «Сталина». Около трёх тысяч оставшихся солдат попадут в плен, а на Родине долгие годы не будет известно об их судьбе.

Я сразу представил, какой был шок у друзей, когда один из них уже спасен, а у другого впереди неизвестность. При этом расстояние между кораблями продолжало медленно и неумолимо увеличиваться.

Это событие из жизни двух писателей довольно широко известно по их биографиям и романам Войскунского. Я рассказал о нём только потому, что оно связано с важной

для русской литературы историей, которую не знает почти никто. Об этом чуть позже...

Наше знакомство с Евгением Львовичем произошло давно. Сначала с ним познакомился мой папа, приехав к нему как журналист-корреспондент по заданию газеты, в которой на тот момент работал. Папа был поражен тем, что произведения Войскунского он читал и любил ещё мальчишкой. Мой дедушка, Иван Петрович, был старше Евгения Львовича всего на три года. Папа, наверное, почувствовал к нему сыновьи чувства, они сдружились, и у нашей семьи появилась ещё одна добрая традиция – несколько раз в году навещать Евгения Львовича.

Смутно помню эти первые свидания и мысли, возникшие от знакомства с таким необыкновенным человеком. Я не понимал ещё, как важно дружить с человеком такой судьбы. Я с любопытством рассматривал в его квартире офицерский китель, кортик, библиотеку, старые фотографии, карты. С ещё большим интересом я слушал беседы папы и Войскунского.

Они увлечённо разговаривали о любви, литературе, политике и многом другом. Говорили ещё и об антологии военной поэзии, которая тогда готовилась к изданию. Войскунский вспоминал о стихах, которые читали и любили во время войны, об особенной возвышенности в них патристических чувств, эти воспоминания дополнялись картинками фронтового быта и историями судеб. Зашёл разговор и о поэте Михаиле Дудине. Войскунский стал читать наизусть любимые стихи поэта и вдруг, прочитав отрывки из «Соловьёв», которых считает одним из его лучших стихотворений Дудина, неожиданно вспомнил ту самую историю, ради которой я сегодня пишу этот очерк.

Папа в ответ рассказал историю создания «Соловьёв», известную ему по воспоминаниям Дудина. Подробности первой истории я сразу не запомнил, поэтому весной 2015 года специально поехал к Евгению Львовичу и попросил ещё раз рассказать о «Соловьях». Дома я расшифровал записи и был счастлив – вот она, история создания стихотворения «Соловьи» Михаила Дудина, как её помнит 93-летний моряк и писатель.

– Это было начало июня 1942 года. В это время в Кронштадте, пожалуй, не было ни дня без артобстрела. Была очень напряженная и нестабильная обстановка. Хотя тяжёлая блокадная зима была позади, голод все равно остался, да и блокада ещё не снята. В один из тех дней (я тогда работал в газете кронштадтской военно-морской базы «Огневой щит») я уходил из редакции в среднюю гавань на каком-то тральщике брать материал для газеты и, возвращаясь домой, попал под очень сильный обстрел, переживал его довольно долго, прижавшись к стене дома, – в общем, выдался трудный день. Вечер был тоже беспокойный.

Я сидел с двумя-тремя работниками газеты рядом с домом, в котором была наша редакция, в сквере. И вдруг мы услышали, как поет соловей, – типичное такое щёлканье. Пощёлкал, пощёлкал и выдал длинную руладу, очень красивую. Мы замерли. «Надо же, – подумал я, – война, обстрелы, смерть, и вдруг – соловей!» Это было чудом. В очередном письме я написал об этих соловьях моему другу – Мише Дудину, который работал на тот момент в газете Ленинградского фронта «На страже Родины». С Дудиным мы подружились в напряженной обстановке и сразу же – на всю жизнь. Потом был ещё

этот страшный переход, когда транспорт подорвался на минах, ну ты, наверное, знаешь об этом. Так вот, я написал письмо Дудину и отправил ему, не посчитав свое наблюдение чем-то важным. Проходит недели две-три, я получаю из Ленинграда бандероль в большом самодельном конверте. В ней был номер газеты, в которой работал Дудин, раскрываю и вижу – крупно набрано: «Михаил Дудин, «Соловьи», стихотворение». А сверху Дудин написал: «Женьк! В этих «Соловьях» и ты виноват!» Ты его не помнишь, наверное, оно довольно большое...

Здесь Евгений Львович по памяти прочитал первую строфу:

О мёртвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И всё-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова
Не говорим.

}
65
}

Писатель, продолжая цитировать отрывки, дочитал до строчки, в которой говорилось про умирающего солдата, который шептал: «...напишите Поле – у нас сегодня пели соловьи». Тут-то я и попросил рассказать про этого бойца, спросив:

– Евгений Львович, скажите, а Михаил Дудин сам придумал этого солдата или же это реальный человек?

– Разумеется, он это придумал, хотя смерть мы видели довольно много и часто. Мы были корреспондентами, мотались по частям, кораблям, на передовой.

Здесь Евгений Львович задумался и потом продолжил цитирование стихотворения:

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлёбываясь в собственной крови,

Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине –
У нас сегодня пели соловьи».
И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Зубовский проезд.

Евгений Львович опять задумался. Воспользовавшись заминкой, я выразил ему свое искреннее восхищение этим за душу берущим произведением, сказав, что уже несколько дней изучаю его, знаю почти наизусть. Дальше задал вопрос, который появился у меня при первом же прочтении:

– А вот здесь речь идет о «тристапятидесятом дне войны», это дата написания стихотворения?

– Скорее всего, это дата создания стихотворения. Помню, что было начало лета, где-то середина июня. Но здесь важно понимать смысл стихотворения! Он заключается в том, что весь этот ежедневный ужас войны не сломал нас, не лишил возможности ощущать и понимать красоту соловьиного пения.

Я обратил внимание на акцент, который поэт сделал, применив не совсем верную форму произношения числительного. Во-первых, чтобы выделить этот день, запомнившийся ему по многим причинам. Во-вторых, чтобы обратить внимание читателей, на то, что война продолжается почти год. Именно такое задание он и получил от комиссара. В-третьих, эта строчка разделяет стихотворение на три части. В первой части говорится о том, что сердца людей превратились в пепел: *«Мир груб и прост. / Сердца сгорели. / В нас остался только пепел, да упрямо / Обветренные скулы сведены».*

Именно таких солдат с зачерстевшими душами изображал в своих произведениях и Ремарк. Но он же показы-

вал и возрождение к мирной жизни пришедших с войны солдат. У нас в «Соловьях» мира ещё нет, только война.

Во второй части умирающий солдат как бы дарит свою душу соловью – певцу жизни. Если бы душа была выгоревшей, смог бы соловей петь? Третья часть похожа на стихотворение о любви, в ней много размышлений героя о личной мирной жизни, в которой есть место и соловьям, и детям. Именно об этом пишет поэт. Я не цитирую здесь текст, потому что поставлю его в финале целиком, я акцентирую внимание на ключевых точках, чтобы при прочтении замысел автора раскрывался более полно и не нарушалась целостность композиции.

Мы беседовали с писателем о его дальнейших отношениях с Михаилом Дудиным: «Мы часто встречались в послевоенные годы, и, когда Дудин приезжал в Москву или я приезжал в Ленинград, он со смехом спрашивал: «Женьк, а помнишь, как я склонял тебя к тому, чтобы мы застрелились?» Когда мы вспоминали об этом, то обычно смеялись. У нас было заведено посмеиваться друг над другом. Хотя та ночь была очень страшной, страшной ночи у меня в жизни больше никогда не было...»

Здесь Евгений Львович помолчал, видимо вспоминая те минуты, и продолжил, как это часто бывает у творческих людей, вслед за своими мыслями, а не в русле темы беседы: «Отношения между нами, несмотря на разницу в возрасте, были товарищескими, скорее даже братскими. Он никогда не подчеркивал того, что он старше или что он талантливый, успешный поэт, хотя я значительно позже вступил в литературу, чем он. Это был великодушный человек, с широкой русской душой нараспашку... Все годы существования СССР он не позволял себе делать выпады

против власти, считая, что этим может повредить стране, он был поэтом-государственным».

Слушая Войскунского, я понял, что именно поэтому, рассказывая о создании стихотворения «Соловьи», Михаил Дудин на первое место ставил не личную жизнь, не человеческие чувства, а долг перед Родиной, представителем которой в данный момент был батальонный комиссар. Изначально, по словам поэта, «Соловьи» были своеобразным «социальным заказом» и даже просьбой на уровне приказа: «К первой годовщине войны батальонный комиссар, редактор армейской газеты «Знамя победы», попросил меня написать к дате стихи, причем разрешил лирику... – пишет Дудин в воспоминаниях. – Я повернулся на каблуках и вышел из редакции.

68 | День был ясный. Всё цвело и зеленело. По вечерам и на утренних зорях всю заливались соловьи. И мне казалось, что соловьиные перебаты заглушали глухой рокот артиллерийских дуэлей. Накануне погиб мой дружок по взводу разведки – Витя Чухнин. (Дудин ещё в 1940 году написал посвящённое другу-художнику ироническое стихотворение «Кукушка», заканчивающееся привычным в те годы риторическим призывом: «Художники! Из чугуна и стали, Отбрасывая к чёрту хлам и лом, Творите так, чтоб мёртвые восстали И, как живые, встали над врагом». – И.Л.) Накануне я получил письмо от своего ивановского друга-поэта Володи Жукова. Грустное письмо. Володя сообщал мне, что наш общий товарищ и земляк, тоже поэт, Коля Майоров погиб под Москвой. (Николай Майоров – поэт, политрук пулемётной роты 1106-го стрелкового полка 331-й дивизии. Погиб у деревни Баранцево Смоленской области. Похоронен в братской могиле в селе Карманово

Гагаринского района Смоленской области. – И.Л.). И мне захотелось написать о них.

Я забрался в заросли орешника. Расстелил на зеленой траве шинель. Лег на живот. И вывел в своей тетради первую строчку: «О мёртвых мы поговорим потом...»

Получается интересная вещь: автор «получил заказ» сразу с нескольких сторон. От погибших друзей – память о них требовала высказаться. От живых друзей, которые напоминали ему о силе жизни, противостоящей смерти и войне. От комиссара, устами которого говорила страна миллионами русских людей. Этот «заказ» шел и из сердца молодого поэта. Его душе, той самой «широкой русской душе нараспашку», нужно было выговориться, и сделала она это через стихотворение.

СОЛОВЬИ

О мёртвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И всё-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо

Обветренные скулы сведены.
Тристапятидесятый день войны.

Ещё рассвет по листьям не дрожал,
И для остратки били пулемёты...
Вот это место. Здесь он умирал –
Товарищ мой из пулемётной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошёл с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защёлку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защёлкал.

Потом сильнее, входя в горячий пыл,
Как будто сразу вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всём забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы ещё едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетанье качеств.

Как время, по траншеям тѣк песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Ещё минута – задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Ещё мгновенье – перекосит рот
От сердце раздирающего крика.
Но успокойся, посмотри: цветѣт,
Цветѣт на минном поле земляника!

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Ещё – второй, ещё – четвёртый, пятый.

Звенят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом, рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжёлым громыхающим снарядом.

А мир гремит на сотни вѣрст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Её живые звенья,
Её крутой, бурлящий водоём.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своём.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле –
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Тристапятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И, может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,

Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине –
У нас сегодня пели соловьи».
И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слёзы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоём
У той поджигородовской берёзы
Ты всмотришься в зелёный водоём.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мёртвых мы поговорим потом.

Июнь 1942

Поэт Евгений Евтушенко в своей антологии «Десять веков русской поэзии» писал о Дудине: «Душа его была спасена теми фронтовыми соловьями». Конечно, он прав, это доказывает не только творческий путь самого Дудина, но и все произведения Войскунского, особенно роман «Полвека любви», в котором личная жизнь писателя становится частью истории страны.

И понял я, что не победили бы наши прадеды и деды в той страшной войне, если бы защищали только комба-

та и себя – уставшего, ожесточившегося солдата. Если бы не осознавали, что землю надо пахать, о чем напоминала им и трава на бруствере, и цветы на поле, примятые вражескими сапогами. Если бы не чувствовали каждой клеткой тела своего, что их ждут матери, дети, жены, сестры, невесты, и что каждая из них слышит тех же соловьев, воспевающих жизнь, поет ту же песню «В землянке» или читает «Жди меня».

В подтверждение этих мыслей и завершая очерк, приведу мнение русского историка, литературоведа, филолога и критика Вадима Валериановича Кожинова. Много лет назад он первым обратил внимание на любопытное исследование одного своего знакомого – немецкого историка-русиста Эберхарда Дикмана. Дикман заметил, что в Германии во время войны не звучало ни одной связанной с войной лирической песни, имелись только боевые марши и «бытовые» песни, никак не соотнесённые с войной. Приведу в качестве примера знакомое мне стихотворение «Оккупация песни» русского поэта-фронтовика Валентина Давыдовича Динабургского (ещё живущего в Брянске и пишущего; кстати, родившегося в один год с Войскунским):

Фриц наяривал «Катюшу»
на губной гармошке,
разбередивая душу
хуже, чем бомбёжка!
Он играл почти без фальши –
весело, задорно!
Только слушать было страшно,
нестерпимо больно.

От Карпат и до Полесья
жизни лад порушив,
оккупировал и песню –
то есть, значит, душу!
До окопа того фрица –
метров тридцать с гаком.
Мне б в него зубами впиться,
а я сдуру плакал...

Значит, самими немцами подтверждалось, что наша страна являлась полной противоположностью фашистской Германии. Жизнь в СССР от окопов до глубокого тыла была насквозь пронизана одними и теми же лирическими песнями и стихами (та же самая «Катюша»). Из воспоминаний Г. Жукова известно, что он не воспринимал жизнь 1941–1945 годов без постоянно звучащих из радиотарелок и поющих миллионы людей лирических песен о войне. Именно поэтому смысл войны и для маршала Жукова, и для простого солдата можно было выразить словами из песни А. Фатьянова «Соловьи»:

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи...

Я назвал очерк «Два писателя и соловьи», а под конец работы задумался: разве только эти два писателя так думают и чувствуют? Разве не весь народ стоял с ними рядом

плечом к плечу и так же воспринимал мир? Про себя могу сказать точно: я с ними.

Март-апрель 2015

Послесловие, которого могло и не быть

Совершенно случайно обнаружил в Интернете видеозапись чтения Михаилом Дудиным стихотворения «Соловьи» в далеких шестидесятых. Обратил внимание на ссылку: «Мне двадцать лет». Поискал фильм, посмотрел сначала «Заставу Ильича», но не нашел там выступления Дудина. Вернулся к правильной ссылке, к другой версии фильма, где и знаменитый вечер поэзии в Политехническом оказался иным, и «Соловьи» – на своем законном месте. А ведь правильно было задумано режиссёром, что пока звучит трагическое стихотворение, герои фильма – они чуть старше меня – говорят о любви... а Дудин за кадром читает: «Ребята, напишите Поле – / У нас сегодня пели соловьи». / И сразу канул в омут тишины / Тристапятидесятый день войны...».

И получилось по словам поэта в жизни. Помните, дальше написано: «Пусть даже так./ Потом родятся дети...»? В год выхода фильма на экраны страны родится мой папа – сын фронтовика.

А теперь уже и меня будят на рассвете томительные эти соловьи.*

Май 2016

---

* Опубликовано впервые: «Моряки на службе Отечества» (Санкт-Петербург, 2015). В периодической печати впервые: журнал «Нева» (Санкт-Петербург, 2016, № 7); альманах «Под часами» (Смоленск, 2016, книга 15, ч. 2).

**ПРОЗА
НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ**

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

2018

СЕРЬЁЗНЫЙ ВОПРОС

Серёжа задумчиво потёр переносицу о край носа и посмотрел в потолок: «А что, если Люба перевернулась, когда сидела у рояля?»

Вопрос был несомненно серьёзным, и Серёжа, задумавшись, не заметил, как съел пол правого пальца большой руки.

Только когда кусок ногтя зацепил о гортань Серёжи, он вдруг заметил это чрезвычайное упущение и, выплюнув палец, прикрепил его обратно.

«Сюда ли я его вставил?» – подумал снова Серёжа, и вдруг его осенило:

80 } «А что если бог есть? Ведь если бог есть, то Люба не могла перевернуться, потому что она, как известно, находится под богом, а над богом, по ясным причинам, явно никого не может быть...»

Палец Серёжи отвалился и со шмяком упал на пол. Серёжа потянулся было за пальцем, но тут его осенило во второй раз: «Но если бога нет, значит, и Люба могла перевернуться, и рояль мог упасть – потому что бога нет, и под богом никого не может быть, и может происходить всё, что только захотите».

Палец почесал маленький волос и уполз под стол.

Серёжа натянул рукавицы и прикрепил пенсне к поясу.

«Надо это как следует записать, и после этого можно ехать на рынок!», – подумал Серёжа и проснулся.

Палец по-прежнему был под столом.

Серёжа чесал задумчиво переносицей нос.

А бога так и не было.

«Была ли Люба?» – спросил себя Серёжа в третий раз и почему-то начал стучать клавишами по роялю.

Клавиши некоторое время тянулись к руке, но потом, оторвавшись совсем, пробежались кошачьим вальсом по потолку и, превратившись в птиц, вылетели в окно.

В комнате никого не было.

Только палец, оставляя на полу длинный склизкий след и постоянно почёсывая маленький волос, размеренно уползал в какую-то невидимую щель.

Щель, во тьме которой, наверное, и прятался несуществующий бог.

18.03.2018

ПРОИЗВЕДЕНИЕ О ВОЙНЕ, КОТОРОЕ ПОВЛИЯЛО НА МЕНЯ

Каждый раз, когда я иду в институт, я прохожу мимо дома с мемориальной доской, на которой написано: «Легендарный лётчик, герой Советского Союза, видный общественный деятель Александр Петрович Маресьев жил в этом доме с 1948 по 2001 гг.».

Не помню уже, когда я в первый раз обнаружил эту доску, но первое яркое впечатление, связанное с ней, я получил, когда давным-давно рассказывал своей девушке об этом действительно легендарном лётчике без ног и искренне удивлялся тому, что она о нём никогда не слышала. Именно тогда я и посоветовал ей прочитать «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого (что, кстати, она и сделала).

Но здесь история совершенно не о моей (бывшей уже) девушке и не о случайности неслучайных совпадений в том, что дом героя находится в нескольких сотнях метров от моего института, а об этом прекрасном произведе-

нии, которое уже при первом прочтении (кажется, в детском возрасте) сильно повлияло на меня.

Каждый образованный человек знает и помнит эту невыдуманную историю, пробирающую до мурашек, до слёз при чтении, но и добавляющую столько веры в жизнь, дающую неимоверно сильную мотивацию.

На фронт Полевой попадает в качестве военного корреспондента газеты «Правда». Он встречается с Алексеем Маресьевым, ища материал для статьи о подвигах лётчиков-гвардейцев. Рассказ лётчика Полевой записывает в тетрадь, а саму повесть пишет за 19 дней уже спустя четыре года.

Она приносит Полевому славу и Сталинскую премию. Её печатали в журналах и читали по радио. К 1954 году общий тираж её изданий составил 2,34 млн экземпляров. Более восьмидесяти раз книга издавалась на русском языке, сорок девять – на языках народов СССР, тридцать девять – за рубежом. Это неудивительно, ведь Борис Полевой красочно показал, как можно жить и выживать в самых непригодных для жизни условиях, даже не имея ступней. Как остаться Человеком в жестоких, убийственных ситуациях.

Трудно представить сегодня, что человек может 18 дней без еды, без оружия, практически обезноженный выбираться ползком по морозам из немецкого тыла к своим.

Кажется, ложись и умирай, но нет, тяга к жизни, тяга к родным, желание отомстить врагам, да и сама война двигала вперёд этого волевого человека. Затем больница, ампутация ног до середины икры. Ну вот и всё, расслабься и отправляйся в тыл, к жениной юбке, живи на военную пенсию. Но и здесь Мересьев (фамилия героя произ-

ведения немного отличается от настоящей) не сдаётся. Помогло и окружение, в частности комиссар Воробьёв, намеренно дающий Алексею вырезку из газеты про лётчика, летавшего без ног. Новый стимул. Новый всплеск сил направлен теперь уже не на то, чтобы просто ходить – летать, вот цель героя. И он её добивается. И воюет. Становится легендой, примером для подражания!

Потрясающая повесть и по атмосфере, и по красочности описываемых событий, и по жизненности непридуманной истории очень сильно повлияла на меня – формирующегося юношу.

Помню, когда я дочитал повесть, то захотел стать лётчиком и несколько недель жил с мыслью о том, что когда-нибудь буду так же, как Мересьев, покорять небесные просторы. Но время всё расставило по своим местам. Я покоряю небеса, только немного другим способом.

История о капитане Мересьеве-Маресьеве, как и многие другие героические военные истории, осталась в моём сердце навсегда. В трудные минуты почаще стоит обращаться к ним, и жить будет становиться чуточку легче. И не забыть показать будущим детям, где на книжной полке у нас эта книга.

24.05.2018

КОФЕ МИЛЛИОНЕРОВ

Как-то раз, в один из тех самых дней, когда всё кажется тусклым и мрачным и эта тусклость проявляет себя во всём без исключения, я сидел за барной стойкой в одном из питейных подвалов Москвы.

Бармен оказался моим тёзкой. Он наливал охотно, но разговаривал совсем мало.

Я сидел за открытым ноутбуком с планом рассказа и основными идеями на листе ворда. Ноутбук был открыт больше для обозначения моей весомости и оригинальности, неповторимости, нежели затем, чтобы действительно сесть сейчас и попытаться выдавить из себя хотя бы первые слова произведения, так тягостно елозившего по стенкам подсознания.

В баре было пусто из-за раннего часа. Лишь в углу, в конце стойки, сидела девушка на высоком стуле и уныло тянула свой коктейль. Я пил, в телевизоре показывали подводный мир и животных, обитающих в его глубинах, параллельно размышлял о рассказе и абсолютно разных вещах, которые топтались в опьянённом ромом разуме. Негромко играла альтернативная музыка, всегда стоящая в плейлистах подобных заведений. Девушка заигрывала с барменом, но он и с ней был очень вялым и странным. Я видал разных барменов, этот автоматически попал в категорию «просто выполняющий свою работу».

– Ты когда-нибудь бывал за границей? – наконец спросил я у него после очередного стаканчика в особенной, необычной тишине бара.

– Нет.

Я удивился.

– Почему?

– Никогда не хотелось и желания не было, – он пожал плечами. – А почему спросил?

Я посмотрел в стакан, покачав ром в его стеклянных прозрачных стенках.

– Да интересно стало. Собираюсь уехать на год в другую страну. Пожить оторванно от Родины и привычной реальности. Поэтому, наверное, и спросил.

Я взглянул на бармена. Он был светловолосым, и глаза его были какими-то блеклыми, серыми, без искр, лицо этого парня, кажется финна, ничего не выражало. Он стоял и как-то протяжно-лениво протирал стакан.

Я попросил повторить и посмотрел на девушку. Она, видимо заинтересованная этим небольшим диалогом, тоже посмотрела на меня.

– Вот я, когда вырасту, стану богатым и куплю себе остров и вертолёт, чтобы летать туда и жить.

Девушка негромко рассмеялась. Я улыбнулся и продолжил:

– А работать буду в Москве, построю здесь себе высотку и буду стоять на самом верху и смотреть на этот город, облака и бесконечный поток машин внизу.

– А почему именно в Москве? – девушка опять рассмеялась и потянула коктейль из бокала.

– В Москве вся сила мира собрана.

Девушка, видимо несогласная со мной, взглянула на меня исподлобья и продолжила тянуть из трубочки свой оранжевый напиток.

Я откинулся на спинку стула и продолжил.

– Да, в Москве. Это один из немногих городов, раскиданных по всему миру, где чувствуется огромная сила,

находится сумасшедшая энергия, заключённая хотя бы даже в тех людях, которые живут в нём:

Я задумчиво помолчал, смотря на ряды разноцветных бутылок, затем снова посмотрел на девушку – она продолжала изучать меня.

– А ты откуда?

– Я? Из Питера.

– Проездом здесь?

– Да нет, обосновалась.

– Вот я про это и говорю: все сюда едут – «обосновываться».

Я рассмеялся.

Девушка удивлённо нахмурила брови и сморщила маленький курносый нос.

– Ты не куришь случаем?

– Нет, не курю.

Табак накануне невовремя закончился, а я ещё не купил новый и потому, повернувшись к финну, попросил угостить сигареткой. Он неодобрительно взглянул на меня, вздохнул, но всё-таки медленно достал пачку и так же медленно и лениво протянул её мне. Взяв сигарету, я поблагодарил его, захлопнул ноутбук и вышел на поверхность.

Там неохотно моросил дождь, бегали под зонтами люди, шумели на мокром асфальте машины – всё как всегда. Закрыв глаза, я поднял лицо к небу и затаился. Вновь представил себе, что стою на берегу океана в одних шортах и меня овеивает тёплый ветер. Уехать, уехать из России, не навсегда, на время, уйти от этого северного климата, дождя, снега, ветра и огромных пустых про-

странств. Вырваться из тяжёлых, злых тисков мегаполиса, который никогда не спит. Снова и снова последние дни я возвращался к этой мысли и осознавал, что этого я сейчас хочу больше всего. Слишком тяжёлые зимы требуют тёплого моря и солнца, а на море я не был уже около двух лет.

Докурив сигарету, я спустился в бар, который начал понемногу заполняться людьми и разговорами, шуршание которых вольно или невольно проникало в мой слух.

Я попросил барную карту и увидел кофе с ликёром под причудливым названием «Millionaire's Coffee».

Я озвучил название напитка и с усмешкой взглянул на бармена:

– Как он? Стоит попробовать?

Соломенная голова повернулась, появились два скучных глаза.

– Нормальный. Здесь всё стоит пробовать.

Я вновь усмехнулся и взглянул на девушку – она украдкой следила за мной.

– Название этого кофе слишком подходит под то, что я рассказывал недавно. Поэтому, конечно же, беру его! – и, как бы в подтверждение своих слов, несильно ударил руками по стойке.

Всегда любил наблюдать за работой барменов, особенно если это виртуозы своего дела. В этот раз я тоже следил за приготовлением моего кофе, но блеклый бармен делал это так некрасиво, что мне пришлось снова открыть ноутбук и приняться вновь и вновь перечитывать концепцию своего никак не рождающегося произведения и возвра-

щаться мыслями к неприходящей музе. Девушка достала из миниатюрной сумочки телефон и залипла в инстаграм*.

Наконец кофе был готов. В высоком прозрачном стакане, с горой сливок наверху, распространяющий плотный запах кофе и ликёра, с двумя трубочками, небрежно закинутыми туда барменом, напиток выглядел олицетворением своего названия. Но, сделав несколько глотков, я нашёл его слишком сладким, приторным и даже неприятным.

– Эх, сладок слишком! – воскликнул я после первой пробы, ни к кому не обращаясь в баре.

Девушка отозвалась замечанием, что выглядит он как «бабский напиток».

– Напиток-то, может, действительно бабский, только вот миллионеры в основном мужчины.

Я смотрел на девушку в упор. Она на этот раз уже приподняла брови, тем самым вытянув свой маленький нос кверху, потом сделала недовольную мину и вновь уткнулась в смартфон. Забавная мимика девушки и её поведение снова заставили меня рассмеяться, настроение значительно улучшилось.

Несмотря на невообразимую сладость, я в несколько глотков всё же выпил горячий и сытный «кофе миллионеров», после этого, снова негромко прихлопнув по столу, я обратился к бармену:

– Ну что ж, Иван, счёт, пожалуйста, посмотрим, на сколько напили сегодня.

Иван подошёл к кассе, энергичненько потыкал в экран пальцем и выдал мне чек.

* Соцсеть запрещена в РФ.

Расплатившись, я начал собираться и прощаться с барменом. Напоследок попросил у него ещё одну сигарету и заранее поблагодарил его за неё.

Он неохотно протянул мне её со словами: «Спасибо на хлеб не намажешь», а затем сбежал в подсобку.

Я накинул пальто и посмотрел на девушку. Она, ухмыляясь, смотрела на меня.

– Обиделся, что на чай не оставил, – сказал я ей.

– Конечно, обиделся, – ответила она мне.

Я пожал плечами и улыбнулся:

– Я – студент и пока не миллионер, можешь за меня оставить ему.

Девушка хмыкнула, ответив что-то вроде: «Ага, сейчас!» – и отвернулась.

Вывалившись из бара, я пошёл в университет, по дороге размышляя над последними словами и своими действиями. Подойдя к светофору, я вдруг выругался вслух: «Чёрт! Надо было всё-таки ему на чай оставить!» Две девушки обернулись на мою фразу и залились смехом.

Действительно, смеяться было над чем! Я, растерянный и понурый, стоял, уткнувшись взглядом в землю, и выглядел как человек, который вдруг вспомнил, что забыл закрыть машину или выключить утюг. Чувство стыда быстро заполняло меня всего изнутри, распространяясь жгучим теплом прямо из центра груди. Загорелся зелёный, я пошёл быстрым порывистым шагом и пытался понять, почему я не оставил ему этих заслуженных, всё-таки, наверное, денег.

«Даже если он некрасиво выполнял свою работу, я достаточно долго сидел в баре, – рассуждал я про себя, –

и в конце концов он даже два раза угостил меня сигаретой, хотя не был обязан делать этого».

Совість выступила холодным мерзким потом на спине. Я настолько загнал себя мыслью о том, как я нехорошо поступил с человеком, который обслуживал меня и делал свою работу так, чтобы мне было хорошо в тот момент, что мне захотелось вернуться и оставить ему эти деньги. Но, подумав о возвращении, я тут же с живостью представил себе то, каким взглядом посмотрит на меня эта сутулая девушка, вспомнил холодные, неприятные глаза финна и откинул эту мысль от себя.

Я остановился возле университета и посмотрел на серый забор, украсивший его на время реконструкции.

Нет, я, конечно, мог оставить ему на чай, но точно так же я мог ему не оставлять эти деньги, как и он не давать мне тех сигарет. Он получает зарплату за свою работу и чаевые от других людей, которым нравится, как он работает. Я не обязан был делать этого. В Швеции и Исландии, например, вообще это не положено – есть счёт, по нему и платите». Я выдохнул. Жгучее тепло постепенно исчезало, становясь всё слабее и слабее с каждой секундой. Я решил, что после пар зайду в магазин и куплю себе сигарет на то время, пока ищу хороший табак, чтобы больше не ставить себя в такие дурацкие и неприятные ситуации, как эта.

Совість ухмыльнулась вместе со мной и успокоилась.

Кто-то за моей спиной попросил у прохожего сигарету.

30.10.2018

2017

ПОЕЗДКА В РОЖДЕСТВО

Все по-разному встречают Рождество. В каждой семье по-своему относятся к этому празднику, кто-то и вовсе не встречает, кто-то использует эту традицию как причину для очередного застолья затянувшихся новогодних праздников. Но в нашем доме это святой день. В нашем доме его чтут и встречают каждый год, ходят в церковь и, как ни странно в наш век – верят.

Когда я был помладше, а если быть точным, я тогда учился классе в пятом или шестом, я написал небольшой рассказ на какой-то конкурс под названием «Моя рождественская история». Я наткнулся на него сейчас совершенно случайно и спустя чуть более шести лет обалдел от того, как изменилось моё мировосприятие, моя точка зрения на некоторые вещи. Но обо всём по порядку.

Я в прошлом году поступил в Литературный институт, тот самый институт, куда хотел поступить всегда. Новая студенческая жизнь вырвала меня из дома, и я стал очень редко приезжать из Москвы, в которой родился, в Подмосковье, где вырос. Папа и родные люди стали уже забывать, как я выгляжу, и это верно, потому что я после очередной загульной вечеринки сам уже начал забывать, как выгляжу. И так вышло, что в который раз, уезжая от родных в ноябре, я не думал, что приеду к ним только в новом, 2017 году. Не знал – но приехал. Приехал 3 января, по собственному влечению души, которая почувствовала, что уже не может выдерживать этого бесконечного отмечания Нового года и хочет в уют, тепло и спокойную домашнюю атмосферу.

И знаете, я правильно сделал, что уехал домой. Потому что тут начали случаться интересные вещи, которые сподвигли меня на написание этого очерка, очерка о том, как со временем меняются взгляды людей на обычные вещи, и новой, спустя шесть лет, Рождественской истории.

Когда я писал ту Рождественскую историю, я был совсем ещё маленьким, тогда была жива мама, тогда я много не знал, тогда я так искренно верил в Бога! Все вещи воспринимались мной так остро, так честно, я и не подозревал, сколько в мире плохого, сколько страшных, ужасных вещей случается каждый день. Точнее, я знал, конечно, знал, но мама и папа, вся семья своим теплом, своим уютом оберегали меня от этого зла. Я, конечно, приврал сейчас в начале, что не знал о зле, об ужасах, потому что вспомнил свою первую школу и своих первых одноклассников, от которых натерпелся за то, что не такой, как все. Вспомнил и пожары, и смерть бабушки, и прочие невзгоды, которые выпадали на тот промежуток времени, который я смело могу назвать детством. Но, заметьте, я вспомнил об этом только сейчас, когда задумался, когда начал усиленно вспоминать. А почему так? Потому что, повторюсь, семья сделала моё детство таким уютным, таким тёплым, таким светлым. Я могу гордиться своей семьёй просто даже за то, что она дала мне такое прекрасное воспоминание – светлое прошлое, светлое взросление. И, конечно же, особенным пунктом этого тепла были праздники. Их каждый год было неимоверное количество, независимо от того, какое финансовое положение было у моей семьи в тот момент, какой был год на дворе, кем работал мой папа – праздники были всегда. И их было очень много: это и Новый год, это и Рождество, потом Кре-

щение, потом различные юбилеи, дни рождения. Да просто даже каждая поездка в гости или, наоборот, приезд к нам гостей был небольшим праздником. В эти дни всегда было много смеха, подарки, различные вкусности.

Ой, забыл ещё об одном замечательном семейном празднике – Воскресенье. Да-да, простое воскресенье, каждый раз было праздником. Мы рано вставали, всей семьёй шли в церковь, потом приходили домой, ели обязательные вкуснейшие воскресные блины, потом отдыхали, смотрели фильмы, играли в настольные игры, катались с горки, если это была зима (ведь все уроки уже были выучены в субботу вместе со строгой, но такой заботливой и любящей мамой). А в понедельник, отдохнувшие, опять ехали на тренировки по плаванию, в музыкальные и художественные школы, на танцы и разные другие кружки. «Как всё успевали?» – спросите вы. Такая была у меня волшебная мама, которая планировала наше с младшей сестрой время настолько плотно и верно, что мы ходили в день в минимум два-три заведения. Но я немного отвлёкся.

} 93 }

Так вот, детство было у меня замечательным и счастливым.

И одним из таких светлых, но немного сложных праздников было Рождество. Я сейчас объясню, почему оно было светлым, но в то же время таким сложным. Я был маленьким, тяжело переносились эти долгие службы в церкви, хотелось сразу домой, за праздничный стол и под ёлку с подарками. Именно поэтому Рождество относилось к разряду тяжёлых праздников, в остальном это был, конечно, чудесный праздник, каждый раз он был новым для меня.

Особенно запомнился тот год, когда я впервые побывал на колокольне и сам звонил вместе с папой в колоко-

ла. Боже! Это поистине чудесное воспоминание, я сейчас пишу об этом и поражаюсь, как всё тогда мной воспринималось волшебным, по-приключенчески. Я ведь был озорным мальчишкой: делал бомбы из неразорвавшихся салютов, поджигал бензин, играл летом в футбол, зимой хулиганил с местными деревенскими мальчишками и очень много читал, в основном разную приключенческую романтику. Именно она во многом и формировала мою личность – шептунную, неусидчивую, но такую впитывающую. Именно поэтому, я тогда с помощью мамы, конечно, написал ту Рождественскую историю. Впечатления были очень сильны. И они до сих пор остаются в моём сердце, в моей душе. Я, когда перечитал ту детскую историю, поразился волшебности, сразу же вспомнил все нюансы той ночи, звезду над головой, колокольный звон и сон, в действительности, я же правда тогда заснул, и мне приснилась пряничная церковь. Поразительно. Но сейчас я взглянул на ту ночь другими, скептическими глазами и сказал себе, хочу испытать подобное и сейчас. Хочу сходить на очередное Рождество и увидеть, поверить, как и раньше.

Ведь я вырос, стал более трезво смотреть на некоторые жизненные ситуации и события, перестал так слепо верить в Бога, начал искать ответы на другие вопросы. И новое Рождество, спустя шесть лет, должно мной восприняться по-другому, совершенно. Вот я и напишу, как оно принялось мной сейчас, и сравню его с тем, детским восприятием Рождества по моим детским записям.

06.01.2017

МОЯ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ*

И в это Рождество я не звонил в колокола, потому что наш храм, который год реставрируют.

Он был построен около 200 лет назад знаменитым архитектором Бове. За два столетия храм пережил множество войн. Сегодня наша церковь в строительных лесах, но по воскресеньям и большим праздникам мы ходим на службу всей нашей семьёй: папа, мама, я и сёстры.

Но один Рождественский день я запомнил лучше всего.

Однажды, лет пять тому назад, родители взяли меня на ночную службу. Папу и меня батюшка благословил звонить в колокола. По скрипучей лестнице без перил, с фонариком в руках мы взбирались на колокольню. Я немного боялся. Сквозь дырявую крышу были видны звёзды и дул морозный ветер.

Ровно в полночь мы ударили в колокола. Раздался такой громкий звон, что я совсем забыл, зачем я здесь, а только – бил и бил.

Потом в церкви, услышав знакомые песнопения, которые уже когда-то пел в хоре: «Христос рождается, славите...» – вспомнил, что сегодня родился Христос, и наступило долгожданное Рождество. Пахло ёлкой, ладаном и горящими свечами.

Промёрзнув на колокольне, я, кажется, заснул на скамейке, потому что увидел наш храм совсем маленьким, будто собранным из моего конструктора. Только стены у него были не из кирпичиков, а из пряников. Я захотел слизнуть сахар с пряника, но испугался, что разрушу церковь, и проснулся.

* «Рождественская история» написана была не в 5–6 классах, а в 3–4. Т.е. почти за 10 лет до этого очерка.

Мама позвала меня к причастию.

Рождественское причастие не похоже на воскресное хотя бы потому, что всё происходит под утро.

Мне и не думалось, что это и был главный подарок для меня, который я запомню на всю жизнь.

А дома под ёлкой нас ждали подарки. Сегодня я и не вспомню, что подарили мне в то Рождество, но то, как я звонил, и шаткую лестницу, по которой было трудно подниматься, и высокую звезду прямо над головой – помню очень хорошо.

Жаль, что ребята из класса не поверили, что на колокольне в эту праздничную ночь был я.

И бил в колокола на всю округу.

И видел Рождественскую звезду.

Зима, 2008 год

МНЕ НЕ ХОЛОДНО

Как-то раз, помню, стоял недалеко от входа в метро. Раздавал перед выборами аляповатые листовки с призывом голосовать за какого-то недонародного лидера. Сырость была вокруг везде. Возможно, и из-за омерзительно промозглого ветра. Я достаточно сильно продрог, и моё терпение под конец этого глупого бесконечного дня в буквальном смысле слова уже вымораживалось из меня, как вдруг услышал чей-то хриплый голос, доносившийся снизу:

– Младой человек, аэ... младой человек.

Вкрадчивый, с хрипотцой голос звучал откуда-то из темноты улицы и почему-то снизу.

Я пригляделся и увидел грязную бороду, торчащую из непонятного цвета куртки.

Эта куртка сидела на картонке и сверкала на меня из глубины густых спутанных зарослей парой хитрых чёрных глаз.

– Что, холодно Вам, молодой человек? – куртка усмехнулась и дёрнула бородой.

Ничуть не удивившись тому, что со мной вдруг заговорила куртка с бородой, сидящая на картонке, я всё же удивился тому, что борода как будто составляла одно целое с курткой и на первый взгляд казалось, что эти две вещи не могли существовать друг без друга априори. «Бородатая куртка», – ухмыльнулся я про себя, а вслух сказал:

– Холодно, – и поёжился от мурашей, резко пробежавших по моим плечам и рукам.

Борода тоже поёжилась и стала чуточку длиннее.

Я закурил.

– Молодой человек, аэ... молодой человек, поделитесь сигаретой, аэ... я поделюсь с вами опытом, как не замерзнуть при любом морозе, – сверкнули вдруг опять глазки из грязных джунглей чудо-куртки.

Я протянул сигарету, скорее из любопытства увидеть, есть ли у этого существа руки или нет.

Какие-то два грязных отростка быстро схватили сигарету и исчезли в зарослях. Почти сразу же из бороды повалил дым, скрывший от меня глаза. Я упустил момент, когда мог как следует разглядеть руки, и был разочарован этим.

Задумавшись о том, почему меня заинтересовали руки этого бедолаги, я совершенно забыл про работу и, спохватившись, закричал:

– Голосуйте за народного депутата! Голосуйте за народного депутата, и ваша жизнь станет лучше! – фразы, на-

полненные заезженными и пустыми словами, вяло вылетали из моего пересохшего горла.

Какая-то женщина, взглянув на меня, видимо, сжалилась и взяла листовку. Продолжая движение, тут же забыв про меня, она сунула её в карман.

– Спасибо, – крикнул я ей вслед. «Зачем я её благодарю? – подумал про себя. – Ведь кому-кому, а мне всё равно, победит этот человек на выборах или нет, главное, чтобы заплатили за то, что я тут мёрзну».

Борода внезапно закашлялась и выпустила особый клуб дыма, который сразу же напомнил мне запах, обычно доносящийся из засорившегося душа или раковины. Я отвернулся, посмотрел на часы и решил было отойти немного подальше, как с дребезжащей нудной ноткой голос вдруг снова окликнул меня.

– Так знаете, почему вам холодно, молодой человек, а мне нет? – задумчиво протянула борода, которая уже опять всю сверкала своими чёрными амбразурами. Усилившийся ветер разогнал облако дыма, собравшееся вокруг бороды.

– Да не знаю я, чёрт возьми, и мне это совсем не интересно! – вдруг нервно закричал я и достал телефон, намереваясь кому-то позвонить. Меня сильно раздражал тот тон, с которым борода обращалась ко мне, и вот это протяжное наглое «аэ». К тому же я устал и хотел поскорей домой.

Какая-то прохожая туша вдруг меня сильно толкнула и обозвала матерным словом. Я хотел было откликнуться, но заметил, что чуть не стою уже на бороде с картонкой, и быстро отпрыгнул в сторону, чуть не выронив огромную стопку листовок, которая постоянно перевешивала меня на другой бок.

– Вот и врётё, молодой человек, вам очень интересно, иначе вы бы не поделились сигаретой.

Я посмотрел на смеющуюся и, кажется, издающуюся бороду и отвернулся вновь.

Эта комедия мне порядком уже надоела. Утром пролил кофе на новые брюки. Днём в институте писал контрольную, в результате которой был совершенно не уверен. Работа бессмысленная: листовки всё равно никто не берёт, ведь ничто никому не нужно. А если и берут, то из участия или жалости и почти сразу же выбрасывают, чаще всего рядом со мной, совсем не заботясь о том, что меня это может задеть. Бесконечная морось, заливающаяся за воротник, сгущающиеся сумерки, холод собачий, и ещё бомж начал какой-то приставать с вопросами и указывать, что мне тут нужно делать и как.

«И главное, как рассудительно, с издёвкой, спокойно он со мной разговаривает! Чудный денёк!» – подумал с раздражением я и заметил, что очень разнервничался.

Я украдкой взглянул на бороду, которая начала шевелиться. Куртка вдруг распахнулась. Под ней я увидел первую полосу газеты, на которой вверх ногами был изображён портрет какого-то депутата без галстука, с гневно поднятым кулаком.

– Мне не холодно, молодой человек, потому что под этой газетой ещё тридцать других газет, аэ сверху куртка. Если обмотаться газетами, аэ... сверху натянуть кофту и куртку, то в такой комбинации можно в любой мороз просидеть. Очень тепло хорошо сохраняет.

Я недоумённо потёр переносицу, отметил про себя отсутствие растительности на лице депутата и попытался прочитать надпись на газете.

Куртка запахла обратно. Из неё тотчас вынырнула борода, и тот же голос участливо спросил.

– Хочешь, дам тебе несколько?

Окончательно придя в замешательство, я снова посмотрел на часы. Подумав мельком про слово «комбинация», снова потёр переносицу, кашлянул и пробормотал почти себе под нос:

– Не, спасибо, дружище, не надо. Мне не холодно.

И мне действительно стало тепло и так же всё вокруг безразлично, как и ему, намотавшему на себя все эти бессмысленные, ежедневные, глупые новости вместе с депутатами, которые уже завтра перестанут играть какую-либо другую роль, кроме бюджетной согревающей одежды.

03.04.2017

НОС

I.

Андрей еле успел запрыгнуть в вагон поезда метро и тут же заметил, что человек, следовавший за ним, не успевает забежать. Вытянув руку, Андрей придержал двери вагона, чтобы человек запрыгнул в образовавшийся проём. Убрав руки, Андрей не успел убрать голову, и двери вагона больно защемили ему нос.

«Боже, какой конфуз, надеюсь, что этого никто не видел!» – успел подумать Андрей в процессе освобождения носа. И только эти мысли промелькнули в его голове, как он услышал заводной смех справа от него. Досадливо потирая защемлённую переносицу, Андрей повернулся на источник звука. Прямо на него смотрели два смеющихся карих глаза. Красивая загорелая девушка с каштановыми волосами,

продолжая смеяться, достала из небольшой спортивной сумки бутылку холодной воды с заиндевевшими стенками и протянула её Андрею со словами: «Держи, герой!». Андрей молча взял бутылку и продолжал держать её в руке, с удивлением смотря на этот непонятный предмет. Девушка снова рассмеялась и приложила бутылку к носу.

– Это для носа, а то распухнет.

– Спасибо, – растерянно пробормотал Андрей и потрогал пальцами то место на руке, которого коснулась незнакомка.

Девушка снова улыбнулась, и сквозь шум метро Андрей слышал:

– Ну и как же зовут тебя, герой?

– Андрей, но друзья зовут меня Дрелью. Я думаю, вы и сами догадались почему, – набирая уверенность, громко сказал Андрей.

– А вас как?

– Можно на «ты», – снова рассмеялась девушка. – Меня зовут Саша.

– Александра, значит, тоже на «А».

И они оба рассмеялись.

Уставшая женщина объявила по записи следующую станцию, попросила людей уступать места и не прислоняться к дверям. Поезд неохотно тронулся.

– Я надеюсь, что у вас таких приключений, как у меня сейчас, не случалось?

– Каких? – переспросила Саша, и её брови подпрыгнули вверх, а глаза налились искрами, готовые снова рассмеяться.

– Ну этих, с носом, – опять сконфузившись, сказал Андрей, – потому что у меня их куча.

– Чего куча? – видимо из-за шума метро не расслышав, переспросила девушка, снова залившись смехом на полвагона.

– Приключений с носом куча, – смеясь, повторил ей громче Андрей, наклонившись ближе.

– Нет, таких приключений со мной не случалось, – смеясь, ответила девушка, – но у меня есть подруга такая же, только она вечно что-нибудь себе на ноги роняет. Вчера вот в зале опрокинула кулер с водой, поэтому я сегодня одна еду в зал.

«Хорошо, что она кулер опрокинула», – подумал про себя Андрей, а вслух сказал:

– Бывает, видимо, просто люди такими рождаются – расторопными. Я один раз его себе дверью прижал.

– Чем-чем? – девушка просто умирала от смеха, а Андрей невозмутимо продолжал:

– Ну да, дверью. Я маленький был, мы в прятки дома играли на даче. Я спрятался за дверью и смотрел в щель, не идёт ли вода. А дверь возьми и захлопнись от сквозняка, так он меня и нашёл – с носом в двери.

Саша смотрела ему прямо в глаза и изредка вытирала рукой слёзы, появившиеся от нескончаемого смеха.

– Ну ты, конечно, даёшь! – отдышавшись, наконец смогла выговорить она. – Ну а чем ты занимаешься? Учишься где-нибудь или работаешь?

Андрей отметил про себя эту заинтересованность и, ещё больше уверившись в себе, начал рассказывать про свой геологический факультет и поездку на Урал с ребятами.

Саша заинтересованно слушала его, в процессе разговора наклонившись ещё ближе.

– ...Вот так как-то, – закончив, сказал Андрей и сразу же спросил: – А ты где учишься?

– Ну-у, у меня всё гораздо скучнее, – начала Саша, – я учусь на стюардессу.

– На кого? – в свою очередь удивился Андрей.

– На стюардессу. А что, это такая редкая профессия сегодня разве?

Сашины брови слетели вниз к переносице, небольшой курносый нос насупился, а карие глаза озорно блеснули на Андрея, готовые разразиться очередной порцией смеха или обидой.

Разговор они не успели закончить. Поезд подъехал к новой станции. Динамики, откашлявшись, сказали тем же уставшим женским голосом набор обычных в этом случае фраз, и люди повалили из-в вагон, оттеснив их друг от друга.

Наконец поезд снова тронулся, и Андрей, растолкав плечами/руками людей, пробился к Саше и сказал:

– Слушай, лётчица, ты когда выходишь?

– Мне на следующей выходить, а что?

– Да нет, ничего, просто мне нужно тебя как-то отблагодарить за эту «первую помощь», – на этих словах Андрей подбросил в руке бутылку и передал Саше, – поэтому я бы очень хотел пригласить тебя куда-нибудь сходить со мной сегодня вечером.

Саша снова рассмеялась и убрала бутылку в сумку. Достав оттуда тетрадь с ручкой, написала что-то на листе, вырвала его и дала Андрею.

– Ну что же, вперёд, геолог-герой! Только сегодня я не смогу, а завтра и в пятницу я вечером свободна. И не забудь, стюардессы бывают очень-очень капризными, тебя это не остановит?

– Ну горы и двери же не остановили, хотя их капризными не назовёшь, скорее непреодолимыми.

И они снова рассмеялись.

Поезд подъезжал к новой станции. Саша внимательно посмотрела Андрею в глаза и спросила:

– А фамилия у тебя какая?

– Безымянный, – снова сконфузившись и опустив глаза, сказал Андрей.

Опять рассмеявшись, Саша протянула ему свою небольшую руку.

– Ну что же, увидимся, значит, Андрей Безымянный, геолог-герой, – последние слова она сказала мультяшным голосом, собрав губы и смешно нахмутив брови.

И вышла из вагона.

А Андрей смотрел ей вслед и улыбался.

Двери закрылись, поезд снова двинулся. Девушка обернулась и помахала ему рукой. Андрей тоже было махнул рукой, но задел какого-то недовольного пассажира, который разразился на него глупой и пустой бранью об «отвратительной, хамской столичной молодёжи».

Андрей отвлёкся, а когда снова взглянул в окно, на него смотрел лишь невысокий, чернявый, с вьющимися волосами парень с глубокими глазами и действительно длинным и красным в месте ушиба носом. Андрей повернулся в профиль, взглянул внимательно на орлиный взлёт переносицы, погладил её довольно двумя пальцами и подмигнул себе в отражение. «Какой у меня чудный нос!» – впервые в жизни подумал Андрей, очень комплексовавший из-за своей внешности, и ещё раз погладил переносицу.

Поезд гудел, утягивая пассажиров в неизвестное будущее. Будущее, про которое, как и многие из людей, не знал Андрей.

II.

Когда Саша зашла в раздевалку и вынула наушники из ушей, то услышала, как трезвонит её мобильник.

«Наверное, геолог объявился, – подумала девушка, – смелый, однако, парень, обычно незнакомцы пищут эсэмэски». Саша улыбнулась и открыв шкафчик, посмотрела на экран – пятнадцать пропущенных от мамы, два её же сообщения и ещё несколько уведомлений.

«Что-то случилось?» – набирая маму, подумала Саша, и на лбу появилась небольшая тревожная морщина.

– Сашенька, слава Богу, ты жива! – голос матери звучал взволнованно и надорванно.

– Конечно, жива, что за глупости ты говоришь, мам! Я только что зашла в раздевалку, была на тренировке, что случилось, мам?

– Да там поезд взорвался, как раз почти на той станции, где ты тренируешься, вот я и разнервничалась.

Мама на том конце провода облегчённо разрыдалась.

– Мамочка, ну что ты, ну не плачь, я сейчас приеду домой, со мной всё хорошо.

Глаза дочери тоже вдруг наполнились слезами.

– Приезжай, дорогая, только такси вызови, тебе денег скинуть?

– Не надо, мамуль, я через полчаса буду дома.

Телефон щёлкнул. Саша села. Снова разблокировала его и посмотрела эсэмэски.

Его эсэмэски не было.

«Да всё нормально, – вызывая такси, думала Саша, – такого просто не может быть! Это я, как мама, накручиваю себя!»

Саша приехала домой через час: были вечерние пробки, усугублённые паникой людей, боявшихся ехать домой на метро.

По радио в такси Саша узнала подробности.

Теракт. Около пятнадцати погибших. Станции закрыты. Номер службы поддержки. Много раненых.

Саша попросила переключить канал.

– Аэ... шо?

– Канал переключите, пожалуйста.

– Ае каналь, щас усё будит, дэвушка! – Водитель был нерусским и улыбался неполным рядом зубов, глядя на Сашу в зеркало.

Саша отвернулась и попыталась как-то отвлечься. Позвонила подруге, рассказала о встрече и тренировке, о своих переживаниях. Та её успокоила, сказала, что это ерунда и чтобы не накручивала себя.

Саша немного успокоилась и, щёлкнув телефоном, снова ненароком взглянула в зеркало на водителя.

– Ай-я-яй, какой ужасный случий произошол! – Водитель смотрел на Сашу обеспокоенно и покачивая головой в разные стороны, как и китайская собачка на плато автомобиля. – Знакомый в митро ехал?

– Ехал, – ответила Саша и, заткнув уши наушниками, закрыла глаза и отвалилась на сиденье.

III.

«Почему он не пишет?»

– Мааам, почему он не пишет?

– Может, занят, чего ты так переживаешь? Вы виделись-то всего один раз.

– Вы с папой тоже всего один раз виделись до того, как влюбились друг в друга, и это вам почему-то никак не помешало.

– Не нервничай, напишет он ещё тебе. Это же мальчишки, специально тянет или боится. Сейчас папа с работы придёт, он может позвонить дяде Паше и узнать про твоего Безымянного. Не переживай, не пропадёт.

Зазвонил телефон.

Саша бросилась к столу, на который она положила телефон, чтобы лишний раз не суетиться с ним в руках.

Мама проводила дочь встревоженным взглядом.

– А, это ты, Нин... Да всё нормально, доехала, да. Нет, не писал... }

Саша ушла в свою комнату.

Мама, прекратив работу на кухне и плотно прикрыв шипящую сковороду, обеспокоенно прислушалась к разговору, доносившемуся из-за неплотно прикрытой двери. }

Вскоре разговор закончился. Мама услышала, как дочь включила телевизор и нашла новостной канал, по которому как раз рассказывали о теракте.

Телевизор замолчал, а из комнаты послышались тихие всхлипывания.

«Не, ну это уже никуда не годится», – подумала мама и, вытерев руки о полотенце, прошла в комнату дочери.

– Сашенька, дочурочка, ну чего ты так распереживалась. Я уверена, что он тебе завтра позвонит. А если не позвонит, я сама ему позвоню, у тебя же есть его номер?

– Ннет, – послышалось приглушённо из-под подушки.

Из прихожей вдруг раздался знакомый шум и весёлый голос:

– Дамы, папа дома! Почему же его никто не встречает?

– Ну вот видишь, Сашенька, папа дома, сейчас он узнает про твоего Андрея.

– Не надо про него узнавать! – Сашино лицо с красными опухшими глазами вынырнуло из-под подушки. – Не надо про него узнавать, всё нормально, мам!

Мама тихо, облегчённо выдохнула, погладила дорогое лицо и сказала:

– Приходи ужинать, уже всё готово.

За ужином папа увлечённо рассказывал о каком-то интересном новом проекте. Мама слушала и задавала вопросы. А Саша, быстро проглотив тушёные овощи и рис с морепродуктами, поцеловала родителей и убежала к себе в комнату, сославшись на усталость.

Оставшись наедине, родители разговорились о Сашином знакомстве и её переживаниях.

– А то, я смотрю, какая-то она сама не своя. Позвоню завтра Паше, узнаю про него, как его фамилия, говоришь?

– Безымянный.

– Главное, чтобы парень дурака не валял, а то я ему дам. Знаю я этих столичных бездельников.

– Ну он не бездельник, – возразила ему мама, – Сашка сказала, что на геолога учится.

– Да хоть на астронавта! Нечего девочке мозги пудрить и нервы трепать. Но позвоню.

– Ты позвони, но только если она попросит, хорошо? И будь ты уж помягче по отношению к её друзьям, ладно, дорогой?

– Угу, – сказал отец, прожёвывая какого-то осьминога, – а с чем этот салат?

IV.

Утро началось рано.

Как, в принципе, и все рабочие будни.

Только с небольшой разницей, ведь это были летние рабочие будни.

Саша встала рано, вместе с родителями. Уже одетая, вышла, потягиваясь, на кухню и пожелала всем доброго утра. От вчерашних переживаний не осталось и следа.

– Доброе, а чего это ты так рано? – поинтересовался у неё папа, который стоял в прихожей у зеркала и завязывал галстук.

– Сегодня ДР у подруги, надо ещё с Нинкой заехать за подарком и к ней на квартиру. Я буду либо поздно вечером, либо завтра утром. Хорошо, папочка?

Папа нахмурился и поправил галстук, намереваясь сказать что-то серьезное, но его опередила мама:

– Да, конечно, только не пей много и осторожнее с мальчиками будь, мы тебя не для всяких проходимцев растили с папой.

– Конечно, мамочка, – Саша поцеловала её и открыла шкафчик, встав на носки.

– Геолог твой не звонил? – словно, что-то вспомнив, спросил папа.

– Во-первых, не мой. А во-вторых, не звонил. И в-третьих, па, откуда ты про него знаешь? – Саша с укором поглядела на маму.

А папа что-то замурлыкал себе под нос и выскочил за дверь, поцеловав «дам» на прощание.

- И у кого же сегодня ДР? – передразнила дочку мама.
- У Даши, я же тебе говорила позавчера, ма! – Саша сделала обиженный вид и пролила немного молока на стол.
- Денег на подарок дать?
- Ну, у меня есть, но не помешают. – Девушка улыбнулась прощающе и бросила на маму хитрый взгляд из-под бровей.
- Mamочка, а ты меня добросишь до Тверской? Мы там с Ниной договорились встретиться.
- Хорошо, но только давай поскорее.

В машине по радио передавали про вчерашний теракт. Мама было переключила на другую волну, но Саша попросила вернуть.

110 } – Как стало известно, сегодня к числу погибших добавилось ещё несколько человек, – говорил сухим голосом радиоведущий. – Специалисты утверждают, что теракт был совершён специально к Дню города – для устрашения населения страны и города. Ни одна из преступных группировок пока не взяла на себя ответственность за случившееся, но безопасность подземок Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов усилена. Станции метро, между которыми произошёл теракт, снова заработали. Жителям города не стоит опасаться за свою жизнь и жизнь близких...

Саша заёрзала и сама переключила радиоволну.

– Ты вот что, Сань, возвращайся сегодня вечером домой. Я заеду и заберу тебя. Видишь, какая обстановка в городе нестабильная: хорошо, дочь?

– Ла-адно, – неохотно протянула Саша и уткнулась в телефон.

– И чего ты нашла в этом своём геологе? – об этом после встречи, покупок и какого-то обязательного женского трёпа спросила в такси у Саши худая, беленькая Ниночка-Нина с большими глазами и почти всегда нахмуренными бровками, из-за чего была похожа на разозлённую красивую куколку. Об этом девушка прекрасно знала и всячески старалась подчеркнуть (добавить: это?) в себе.

– Умный, интересный и какой-то смешной, что ли... – Саша улыбнулась, вспоминая, – и нос красивый, он-то нас и познакомил.

– Да помню, рассказывала, но главное – это ведь чтобы не нос длинный был.

– Ну ты чё, Нин? Ты же ещё вроде не пила. – Саша взглянула на водителя, покраснела сквозь загар и, увидев, что Нина тоже посмотрела на водителя, одновременно с подругой засмеялась.

– И чё, так и не написал тебе ещё?

– Нет, – вдруг резко погрузнев, тихо ответила Саша.

– А я тебе говорила – все парни козлы, а ты меня не слушала!

– Мне кажется, что он не такой, как все! – резко возразила подруге Саша и отвернулась и тут же, что-то вспомнив, повернулась обратно и добавила: – Мне кажется, что здесь не всё просто так, теракт был приблизительно в то же время, что мы с ним расстались.

– Да задолбала ты со своим терактом, Саш. Не может быть такого, ты только с челом познакомилась – и сразу чтобы он погиб.

Саша отвернулась и ничего не ответила.

Молчание затянулось. В такси резко пахло цветами, лежавшими между девушками, негромко играла музыка.

– Ну ладно, Саш, прости, ну ты чё. Я же не знала, что у тебя прям такая любовь-любовь к нему!

– Да даже если и не любовь, Нин, нельзя так к людям относиться, как ты относишься. А если бы я дальше поехала в этом поезде, он ведь мог и не спросить, куда я еду, заболталась бы – и всё, как и он бы в этом поезде погибла. Сегодня вот по радио утром сказали, что ещё несколько человек погибли от травм... – на этих словах разгорячённое спором красивое лицо Саши вдруг всё искривилось и залилось слезами.

Саша отвернулась от Нины и прижалась к стеклу.

– Сашк, ну прости, прости, ты же знаешь, я сама не знаю, что говорю иногда, прости.

Нина прикоснулась к Сашиному плечу, Саша оттолкнула её руку. Сквозь рыдания раздался её голос:

– Бесчувственная ты, Нина, тебя только члены да кошельки интересуют.

Нина обиделась на подругу и тоже отвернулась от неё. Парень, сидевший за рулём, обернулся, взглянул на них, подняв брови, почесал затылок и шумно выдохнул.

До конца дороги девушки молчали.

V.

«178 непрочитанных эсэмэс, снова 178 непрочитанных эсэмэс. Ну почему не 179? Не 180?» – как и большинство современных девушек, Саша не читала многие сообщения, создавая своеобразную коллекцию из них и видимость неусыпного внимания поклонников.

– Саша, ты чего тут одна сидишь?

В комнату зашла высокая, широкоплечая именинница с бокалом в руках и каким-то рыжим парнем на хвосте,

у которого всё лицо было в веснушках, а звали его то ли Коля, то ли Толя.

– Да так...

– Всё ждёшь?

– Ну да...

Даша оттолкнула рыжего парня, закрыла дверь и села рядом с Сашей.

– Слушай, Сань, а ты это, не узнавала, нет ли его в списках?

– Нет, не узнавала, – Сашины глаза снова наполнились слезами, она подняла взгляд на Дашу: – Дашка, я, кажется, люблю его и боюсь очень за него.

Девушка снова зарыдала, уже не сдерживаясь, и бросилась Даше на шею.

– Сашечка, не плачь. Сашенька, ну хочешь, я сама сейчас узнаю у папы и тебе скажу? Да чего я спрашиваю, я сейчас же всё узнаю и скажу тебе.

Даша бахнула бокал о тумбу, стоявшую рядом с кроватью, и вытащила телефон из кармана джинсов.

– Даш, не надо, ты чего, извини, я тебе весь праздник порчу, я лучше сейчас домой поеду и сама всё узнаю.

– Сиди ровно, – Даша была из разряда тех девушек, у кого вся семья была военными, да и к тому же военными, чьи предки не так давно переехали из Сибири и которых, если они что-то начинали, было уже не остановить.

– Алло, папочка, привет, это я... Ага, всё супер, спасибо за подарок, ну конечно, всё хорошо!

Саша всхлипнула на этих словах, и Даша укоризненно взглянула на неё.

– Слушай, пап, тут у меня один знакомый в метро ехал... ну да, ты можешь... ну да, ща... – Даша прикрыла телефон

ладонью и спросила у Саши: «Безымянный же?» Саша кивнула.

– Безымянный Андрей. Да... Безымянный... Хорошо, жду, спасибо, папулы!

– Ну вот видишь! Всё, сейчас папа перезвонит и скажет, я уверена, что всё будет хорошо! – Даша снова села и обняла Сашу за плечи.

114 } Андрей никогда не боялся метро. Воспитанный мамой-одиночкой, он рано привык к лишениям и к тому, что всего в жизни должен добиваться сам. Во время обучения в школе Андрей мало вылезал из дома, только если с друзьями иногда побродить по окрестностям. Но за короткий промежуток времени излазил всё вокруг, и ему это перестало быть интересным. Поэтому он предпочитал сидеть дома и читать либо играть в стрелялки на компьютере, в которые ему мама – учительница в той же школе, где он и учился, – запрещала играть. А летом всегда ехала вместе с ним на море, к своему отцу, где для мальчика был настоящий рай.

03.08.2017

СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ

В большом многоэтажном доме вдруг завыла собака.

Роман проснулся на своём тринадцатом этаже и потянулся к айфону: 5:43 утра. «Что за чертовщина? – подумал он, встал с кровати и пошёл на кухню, чтобы выпить воды. – Ведь у нас в доме никогда раньше не было слышно собаки...» По пути по памяти смахнул с прикроватного столика сигареты с зажигалкой и закурил. «Не-а, не

было, точно говорю!» Вой не прекращался. Чёрное пятно выпрыгнуло из-за угла и чуть не сбilo его с ног. От неожиданности он уронил уголёк с сигареты, неаккуратно выругался и остановился. «Экий чертёнок! И зачем я ей только его дарил?! Ушла и даже не забрала!»

На кухне Рома открыл холодильник, бросил пару кусочков льда в стакан и задумчиво налил воды из кулера.

Собачий вой не прекращался.

«Может, это за окном?»

Он подошёл к окну и посмотрел на двор: падал снег, светил фонарь, моргала лампочка сигнализации в чьём-то красном мини-купере. Собаки на улице не было, да и не мог же так обмануться со слухом. Рома посмотрел на потолок и затаился сигаретой. На духовке мигнуло время: 5:44.

«А ведь сейчас не усну, встать через полтора часа... Ну что за жизнь собачья, в конце концов!» Где-то наверху собака начала протяжно прискуливать.

Он допил воду и потушил сигарету в стакане.

«Проспал. Чёрт!» – Время неумолимо показывало десять минут будущего опоздания на работу или завтрак в Макдоналдсе. Собака уже не выла, но в ушах стоял такой гул, как будто весь вчерашний вечер был проведён за бутылкой.

«Всё-таки завтрак в Макдоналдсе. Этот новый начальник не простит моего опоздания».

Через пятнадцать минут Роман уже стоит у лифта и пытается второпях завязать галстук. Наконец дверца открывается.

– Доброе утро! Тоже опаздываете?

«Человек в лифте! Блин, да ещё и с утра, и я не успел завязать галстук, и это девушка, к тому же красивая!»

– Э-э-э, доброе, как видите...

На этих словах он огорчённо развёл руками и кивнул головой на галстук.

Девушка рассмеялась:

– Давайте я вам помогу с галстуком.

Девушка подошла и сняла его с шеи мужчины. Лифт звякнул и поехал вниз. Молчание становилось тягостным.

– Это всё собака виновата.

– У вас есть собака?

– Нет, у меня нет собаки, только котёнок, и то моей бывшей. Чья-то собака завыла ночью, и из-за неё я проспал.

– О, вы тоже проснулись ночью из-за неё?

– Да, а вы на каком этаже живёте? Она выла выше или ниже вас?

– На семнадцатом, выше, тоскливо так, как будто что-то случилось.

Девушка с Ромой переглянулись.

– Вы сказали, у вас котёнок, это девочка или мальчик?

– Мальчик, пять месяцев, носится как сумасшедший, по ночам пугает, но к лотку уже приучился, это хоть радует.

– Если он вам не нужен, я могла бы забрать его.

Девушка улыбнулась и протянула галстук, на её безымянных пальцах не было колец.

– Мы могли бы обсудить с вами этот вопрос сегодня вечером за чашкой чая или кофе? Заодно получше познакомились бы.

– Сегодня вечером я занята, но вот завтра можно было бы.

Девушка снова улыбнулась и протянула свою визитку. Компьютерный дизайнер. Анна.

– Анна? Очень приятно. Роман.

Рома протянул ей руку, лифт звякнул и остановился, двумя пальцами она осторожно пожала протянутую руку и вышла первой из лифта.

Девушка обернулась:

– Может, вас подвезти?

– Нет, спасибо, у меня своя. «Чёрт, дурак, надо было соглашаться!» Я, кстати, тоже в компьютерной сфере работаю, только в отделе безопасности.

– Правда? Это очень интересно.

Анна с иронией взглянула на Романа из-под бровей и пропустила вперёд перед дверью, ведущей во двор.

– Ничего интересного. Полная скукотень и бесперспективняк. Думаю вот проект один в жизнь запустить, но пока ещё не созрел, да и партнёры нужны.

– Ну что же, созревайте.

Девушка нажала на ключ. Сработала сигналка того самого нового красного мини-купера, который стоял на разогреве.

«Ну и сдался я ей со своей старой тройкой пацанской?»

Девушка взглянула туда, где стоял Ромин автомобиль.

– Ой, а это ваша БМВ! У меня у отца такая же была, только красная и кабриолет. Я часто замечала эту машину и думала, кто же её мог водить.

Где-то в груди приятно разлилось тепло, Рома незаметно расправил плечи.

– Да, это классика, но пора уже менять, думаю что-нибудь посolidнее взять.

– Я бы такую красотку не меняла бы даже. Но у меня своя есть. – Девушка открыла дверь и положила сумку на соседнее сиденье. – Хорошего вам дня, Роман, и не забудьте позвонить!

Дверь закрылась, машина отъехала и сразу взяла большую скорость. На повороте чуть затормозила, озорно мигнула аварийкой напоследок и повернула за угол.

Ошалевший, он продолжал стоять с визиткой в одной руке и чемоданом с пальто в другой и смотреть на то место, где только что скрылся красный мини-купер.

– Похоже, я влюбился! Удивительно!

С этими словами Роман сел в автомобиль и сразу же подскочил с холодного кожаного кресла.

– Фак, всё потому что раньше вставать надо, идиот, ещё от снега очищать и опаздываю!

Но пока щётка смахивала пушистый и лёгкий белый снег с лобового стекла, вышло солнце. Взглянув на него, Рома вспомнил о визитке во внутреннем левом кармане пиджака и улыбнулся. Мысль об этом утреннем неожиданном знакомстве приятно грела сердце.

В небольшом и аккуратном ресторане было полно народу. Но, несмотря на это, было уютно и даже тихо. Анна смотрела на Романа в упор и молчала, плотно сжав тонкие губы. Роман, отодвинув бокал в сторону, смотрел в глаза Анны и тоже молчал. Если бы существовал аппарат, который регистрировал бы токи и энергию, исходящие от людей, то вы почти бы наверняка смогли увидеть небольшие молнии, то и дело пробегающие между лицами и глазами молодых людей.

– Ха! Ты проиграл, я выиграла! Ура! Ура! Ура!

– Я не согласен! Я не моргал, ты просто не выдержала и сдалась первой.

– Ох, ну и джентльмены нынче пошли у нас, ну и ладно, я сама тогда выпью этот бокал.

– Нет, нет, нет, стой! Согласен, проиграл.

Роман залпом осушил свой бокал и подозвал официанта.

– Принесите ещё, пожалуйста, два, мне попался слишком упорный противник.

– Один. Не надо два. Сейчас мы просто будем разговаривать. Я устала от гляделок.

– Ну, тогда один мне и один даме.

Роман взглянул на Анну, а потом снова на официанта.

Официант кивнул головой и ушёл.

– Ну, Наполеон, что там за проект такой интересный?

Роман с укором и хитрецей в глазах взглянул на Анну, задумчиво почесал левую бровь и спросил:

– А доверять я тебе могу?

– 100 процентов. Я – могила.

Анна сделала серьёзное, но в то же время очень забавное лицо и развела руками в стороны на этих словах.

– Ахахах. Ну хорошо, тогда держи.

Роман откуда-то достал большую чёрную папку, на которую было приклеено слово «LOFT», и протянул Анне. Анна взяла папку и взвесила на руке.

– Страниц сто будет, долго работал над ним?

– Всю сознательную жизнь.

Роман рассмеялся и добавил:

– Ну, почти всю.

– Слушай, а можно я возьму его почитать и завтра-послезавтра тебе его верну?

– Бери, конечно, только не потеряй, это уже готовый проект для презентации, есть ещё электронная версия со слайдами и видео.

– Это очень интересно.

Анна с интересом листала папку.

– По крайней мере, то, что я сейчас мельком вижу, вызывает интерес. Обязательно дома поизучаю эту вещь.

– Посмотри, посмотри, тебе, как дизайнеру, этот проект может быть особенно интересен.

– Хорошо! – Анна улыбнулась и, положив папку рядом с собой на столе, внимательно, с хитрецей посмотрела на Романа. – Я помню, ты хвалился тем, что коренной москвич и город знаешь как свои пять пальцев.

– Говорил. Знаю.

– Я вот давно в Москве живу, и за это время мне ещё ни разу никто её не показывал, экскурсию персональную, как говорится, не проводил...

– Хочешь? – глаза Романа вспыхнули огнём. – Я тебе могу столько разных мест показать, о которых ты даже и не подозревала.

Анна встала из-за стола. Поправила на себе платье, посмотрела на небольшие наручные часы.

– Не согласишься, но хочу!

Такси подвезло парочку к их дому ровно к тому времени, когда обычно открывается метро. Роман первым вышел из такси и подал руку Анне. Руку Аня не выпустила, так они, рука в руке, и зашли в дом и лифт, который их познакомил.

На тринадцатом этаже Роман посмотрел на Анну и спросил:

– Это мой этаж, не хочешь взглянуть на кота?

– Ань... Аня, ты слышишь?

– Да.

Собака опять выла, только уже как-то охрипше. В её вое чувствовалось такое безнадежное отчаяние и тоска, что Аня обняла Романа.

– Мне страшно, Ром. Почему она так? Там разве соседей нет?

– Не знаю. Не бойся, мне кажется, что хозяева уехали на пару дней и оставили её одну, вот она и скучает. Постарайся уснуть.

Рома щёлкнул зажигалкой и зашипел поджигаемой сигаретой. Как только звук щелчка перестал отражаться эхом в углах комнаты, собака перестала выть.

– Ну, вот видишь, всё хорошо. Спи.

– Спокойной ночи, спасибо тебе за прекрасный вечер и ночь.

На кровать прыгнул кот и свернулся клубочком в ногах у двух обнявшихся людей.

}
121
}

Анна с Романом вместе одновременно вышли из дверей подъезда. Они оживлённо разговаривали, постоянно перебивая друг друга и смеясь.

Вдруг пара замерла. Прямо перед ними в снегу, на носилках, лежала невероятно худая овчарка, с перегрызенной лапой. В карету скорой помощи, стоящей чуть поодаль, заносили носилки с хозяином собаки, покрытые белой простынёй.

– Не толпитесь здесь, не толпитесь, смотреть не на что тут, – подскочил к ним вдруг бойкий лейтенант, потряхивая увесистым кожаным портмоне.

Роман опять недоумённо почесал бровь.

– А что произошло? Мы просто несколько ночей подряд слышали, как воеет собака, а вчера вдруг прекратила.

– Хозяин умер, вот она и выла, а потом себе лапу перегрызла и умерла. Вот и весь сказ.

Полицейский почему-то постоянно переминался с ноги на ногу и активно жевал потухшую сигарету.

– Вот и весь сказ! – снова повторил он и завершающе выплюнул сигарету на свежий снег. – Расходитесь, граждане, прошу вас. С родственниками умершего мы уже связались. А собака, на то она и собака, значит, преданна была умершему, другом была, раз не смогла перенести потерю. Вот и сказ...

Полицейский, не закончив, постучал по портмоне пальцами и приглашающе показал направление движения.

122 } Анна стояла у своего красного мини-купера и вытирала слёзы.

} – Ты только обязательно позвони мне вечером или заходи в гости.

– Да, хорошо! – Шокированный Роман смотрел на плачущую Анну и не знал, как ему быть.

– И, пожалуйста, обещай мне, что с нашими животными такого не случится!

– С нашими? – переспросил вновь шокированный Роман и тут же поправился: – Да, конечно!

– У меня же тоже кот есть.

Анна, насухо вытерла слёзы, посмотрела на Романа и неожиданно поцеловала его первая.

Потом так же неожиданно села в машину и резко дала с места.

Пошёл мокрый снег.

Он падал на землю, Романа, его тёмно-зелёный БМВ,

странного полицейского и мёртвую, холодную овчарку с перегрызенной лапой.

Снегу было всё равно, куда падать, как и собаке...

14.11.2017

ЗАМЕТКИ В ПОЕЗДЕ

Ну вот, снова три часа ночи, и снова я не сплю. Дурная традиция: сначала спать сутками и этим сбивать нормальный режим, а потом мучиться и вертеться с боку на бок без сна даже в самых роскошных кроватях пятизвёздочных отелей Москвы.

На сей раз я не спал уже в поезде.

Ехал я, как ни странно, не к очередной бабе или в тусовочный, сумасшедший Питер, а в Псков.

В монастырь.

Да-да, я ехал в монастырь.

Как и писал выше, уснуть у меня не получилось.

После стандартного ужина пассажира поезда, состоявшего из лапши быстрого приготовления, авокадо и неинтересного разговора с женщиной, которая сейчас спит на своей нижней полке, я залез к себе наверх, поджал упирающиеся в стенку ноги и попытался уснуть.

Сначала я вяло прислушивался к разговору пьяных ребят в соседнем купе, которые в декабре «за поржать», как один из них сам сказал мне, пошли в поход. Потом слушал разные тембры храпов и сопений пассажиров, которые к двум часам уже спали без задних ног все без исключения. Потом по привычке провалился в грустные размышления, а вслед за ними в депрессию и уныние...

Время шло медленно и как-то натужно, поэтому я слез со своей дешёвой верхней боковой полки, дошёл до проводницы и попросил сварить кофе. Кофе сварить, оказалось, не получится, можно только растворить, и я согласился на растворение. Сел с этим растворённым кофе, шоколадом и печеньями, купленными вместе с кофе, и решил записать всё, что у меня скопилось в голове, и то, почему же вдруг я решил съездить в монастырь.

Только я сел, сделал пару глотков, открыл чистый Ворд, который тут же испоганил парой косых предложений, как поезд остановился, и по коридору побежал усатый мужичок в зимней шапке-кепи и дублёнке, спотыкаясь и натужно сопя. В обеих его руках были большие сумки, которые цеплялись за торчащие ноги спящих пассажиров, и большой новогодний подарок то ли внуку, то ли правнуку. Из купе высунулась молодая проводница и сказала, что остановка только через четырнадцать минут. Мужчина успокоенно выдохнул и вышел в тамбур вместе со своими баулами. Девушка явно меня стеснялась и была достаточно милой, но закрытой. Я посидел немного, постукивая пальцами по ноутбуку, рассматривая закрывшуюся за мужичком дверь и раздумывая, как бы подкатить к проводнице, но тут же сам себя оборвал: «Поехал в монастырь, чтобы избавиться от накопившейся грязи и вопросов, и сразу же возвращаешься к старому?»

Я отпил кофе и с ненавистью и каким-то скрытым воодушевлением снова застучал по клавиатуре старого ноутбука. Четырнадцать минут прошли быстро – в написании предыдущих строк, поедании печенья и свёртывании самкрутки.

Я вышел вслед за проводницей в тамбур, где стоял мужичок в кепи.

Он что-то увлечённо рассказывал проводнице, жестикулируя и улыбаясь.

Я взглянул на подарок и, показав на него рукой, спросил и у мужчины:

– Внуку?

Но вразумительного ответа я не получил. Только узнал, что внуков, или детей, или племянников у него несколько, один в первом классе, другому – пять, а третьему – шестнадцать. Параллельно он продолжал что-то рассказывать девушке-проводнице. В общем, счастлив был мужчина.

Девушка как-то странно на меня взглянула и, заметив, что я с сигаретой, сказала, что покурить не удастся. Я удивлённо узнал почему, она же сказала, что я всё увижу сам.

125

И действительно, на этой станции, под названием Парфино был только снег и заснеженный знак, видимо хранящий на себе название станции. Не было даже перрона.

К вагону подбежала такая же маленькая и суетливая женщина и сразу же обняла мужчину.

– Как я тебя рада видеть, брат!

Я улыбнулся, переглянулся с проводницей и зашёл обратно в вагон.

«Парфино – странное название», – подумал я, когда снова сел за ноутбук.

Проводница нырнула в своё купе и немного прикрыла дверь.

Я почесал нос и заметил, что уныние, депрессия, тоска, отчаяние, хандра, сплин и прочие синонимы и характеристики моего состояния тем временем меня оставили.

Но хорошего было мало. Я ведь знал всех этих подруг очень хорошо. Именно они последнее время мешали мне жить спокойной жизнью и столько раз заставляли думать о суициде. Именно они неусыпно шли рядом с праздностью, бутылкой, наркотиками и развратом. В частности, именно из-за них я и поехал в монастырь...

Неинтересный разговор с женщиной, которая сейчас спит под моей полкой, кстати, был об этом же. «Почему я поехал в монастырь». Ну, точнее, не сразу. Она сначала узнала, куда я еду, а потом уже спросила меня:

– А в монастырь для чего?

– Не знаю, слишком много вопросов, – я рассмеялся. – Для души.

126] Она помолчала. А я уткнулся в ноутбук. Разговаривать не хотелось.

] Ей, видимо, было скучно, и её заинтересовал мой ответ, и она продолжила штурмовать меня подобными вопросами, на которые я отвечал односложно и нехотя.

Под конец она спросила, читал ли я какого-то Шевкунова.

Я, сначала не расслышав, переспросил:

– Шаргунова?

– Нет, Шев-кунова. Он в своих работах отвечает на все те вопросы, которые вас беспокоят.

Я поблагодарил за совет и записал фамилию, параллельно загуглив в е-шный интернет эту же фамилию.

Шевкунов оказался архиереем...

С того самого разговора прошло уже больше пяти часов. А я всё никак не могу сам себе же ответить на этот вопрос.

Почему? Почему я поехал в монастырь?

Не знаю... В городе последнее время мне очень одиноко и тяжело. Люди чаще раздражают, я себя раздражаю тоже. Прошлое тянет воспоминаниями в апатию и бесконечный сон, в котором я пытаюсь уйти прежде всего от самого себя и от назойливых вопросов, от тяжести будущего, неумолимо приближающегося с сессией.

В монастырь я еду ещё и затем, чтобы уверовать, покаяться в своих грехах, очиститься как-то, не знаю.

Сложно об этом писать, гораздо сложнее, чем думать или говорить...

У меня вроде бы последнее время всё хорошо. Я недавно отыграл в свои 19 лет премьеру балета в Большом театре в качестве приглашённого артиста. Меня принимают в ряды Союза писателей Москвы, есть лишние деньги, я крутился в высшем обществе.

Только вот это всё не радует меня. Я сам собой тягочусь. Мне хочется всё послать на три буквы и уехать куда-нибудь на тёплый океан, где все эти назойливые вопросы из разряда «зачем?» да «для чего?» исчезнут. И исчезнет эта ноша постоянного долга кому-то: государству, родителям, семье, институту, Богу (не знаю, есть ли он), себе в конце концов! Не знаю, не знаю, не знаю и не хочу ничего!

Как девочка маленькая, кричу и плачу почти постоянно в душе.

С девушками опять проблемы.

Не понимаю я этих существ.

Не понимаю человека.

Себя не понимаю.

Подъехали к станции, на которой можно будет покурить.

Пойду-ка я покурю и подремлю часок.

Надо постараться уснуть.

Сегодня большой и тяжёлый день предстоит.

Возможно, что именно сегодня я найду большинство ответов на беспокоящие меня вопросы...

16 декабря 2017 года, 4:07 утра.

Поезд Москва – Псков

2016
ПОИСК

Муза! Муза! Муза!..
Раз, раз, раз! Поиск музыки...
Окей, гугл! «Как поймать музу?»
Моя муза объелась арбузов
И упала, испачкавши пузо...

Приблизительно такими были мысли молодого человека лет восемнадцати, расположившегося за столом у компьютера с открытым Вордом. Парень раскачивался на стуле и насвистывал только что родившуюся мелодию.

Он совершенно не знал, о чём ему в этот раз рассказать, что ещё можно поведать миру. Какую новую историю выдаст его мозг. Параллельно он успевал думать, что ему просто необходимо что-нибудь написать, и тем самым доказать себе, что он не зря живёт, что может развиваться и творить. Других мыслей, да и самой Музы, как назло, не было...

Насвистывая, медленно подошёл к окну, руки в карманах. Всё тот же неизменный пейзаж: унылые поля, серое небо, лес на горизонте. Новым было лишь горящее поле, а дым от огня из-за визуального обмана, казалось, держал небо. Терпкий шлейф от сгоревшей травы вошёл в открытое окно, да и при закрытом окне он был бы в комнате, ведь тот, кто хоть раз попадёт за город в период сжигания травы, навсегда запомнит этот всюду проникающий, терзающий горло запах, который напрочь отбивает желание думать и работать.

Но и это было обыденно. Правда, и в этот раз весна, как обычно в этих северных местах, запоздала и траву жгли

не только позже обычного срока, но и несколько раз. Каждую весну, а иногда и лето поле ощущало на себе что-то вроде монгольского нашествия. Травяные джунгли сгорали практически полностью, со всей живностью. Жёлто-соломенное пространство от дома до леса становилось исчерна-матовым.

Юноша упал на кресло, стоящее около окна, и несколько минут неотрывно смотрел на огонь, ощущая некий ералаш в своей голове, который был поразительно схож с этим весенний палом – ярко, но бессмысленно. Он и сам это наконец заметил, пробормотал что-то о смысловых галлюцинациях, снова сел за стол и продолжил раз-расс-расскачиваться на стуле.

130 } Его звали Герман. Он недавно окончил школу и сразу же после сдачи экзаменов, не получая аттестат и серебряную медаль, не отмечая даже выпускного, в буквальном смысле слова удрал из суеты северной столицы, от надоевших знакомых и друзей и даже родителей в маленькую холодную деревню в километрах семидесяти от Питера. Там он надеялся найти тишину, спокойствие, мечтая, что сможет выплеснуть на бумагу всю скопившуюся боль и отвращение к окружающему миру. Он, кстати, мог бы получить и золотую медаль, но последний год почти совсем не ходил в школу. Почему? Герман и сам до конца этого не знал и вряд ли серьёзно смог бы ответить на этот вопрос. Скорее всего, отшутился бы, как он это прекрасно умел делать. Но если подумать, то, может, наш герой просто устал от среды егозящих одноклассников и излишне ответственных, по его мнению, учителей. До сих пор не привык и не смирился с промывкой мозгов, с нотациями, с общешкольными заискивающими пениями гимна уч-

реждения. Герман почти год просидел дома, так сказать, «не выходя из комнаты», читая и пытаясь сочинять. Но по большей части он занимался бессмысленным сёрфингом в социальных сетях и в болотах интернета, а также мечтал, полностью погружаясь в свои фантазии.

Но всё это было где-то вдалеке. Прошла почти неделя, как он одиночествовал, безуспешно пытаясь что-нибудь сделать, как-нибудь выразить переполнявшие его чувства и мысли на бумаге.

«О чём бы написать? А если об этом? Хорошо! Но тогда как мне об этом написать?» – как бы спрашивал его взгляд, направленный на пустую белую страницу и прыгающий чёрный штрих курсора.

Этот своеобразный танец штриха напомнил ему о жёлтом утреннем мигающем светофоре в каком-то маленьком городке Белоруссии, где он был совсем ещё ребёнком. Следом в памяти возник другой светофор, который тоже остался вечно жёлто-мигающим, но на этот раз уже где-то в Прибалтике. Городок был почти такой же маленький, но улочки другие: узкие, извилистые, несколько веков назад вымощенные камнем, не требовавшим привычного ежегодного ремонта. И сразу же появилось солнце, вползающее на взгорок в конце улицы, которая стремилась к безмятежному только в тот час рассвета синему морю и заканчивалась небольшой пристанью. Жизнь в этот миг была просто мостовой, мокрой от ночного дождя, вездесущим летним ароматом роз, который, казалось, создавал сами бутоны, а не наоборот, настолько он был густым... Да... Тогда повсюду думалось и жилось...

Вспомнил он и загорелую блондинистую девушку с дерзкими, весёлыми, озорными глазами. Её звонкий,

счастливый смех. На него нельзя было не ответить улыбкой. Герман ощутил себя на той улице. Ему казалось, что он снова рядом с той загорелой девушкой, поражённый открывшимся перед ними видом – искрящееся солнце медленно поднималось из-за кромки моря. Огромное, оранжевое, горячее, оно заливало всё этим волшебным светом. Узенькая улочка, да и всё в тот момент вдруг стало золотым. Как и тогда, сейчас по правой руке Германа побежали мурашки. Но не держал он своей рукой руку той златоволосой девушки. Не последовало потом того неожиданного, сказочного поцелуя...

Нет, девушка не забыла его. Это он намеренно избегал её, старательно вычёркивая из памяти. Он боялся привязаться к кому-либо, потерять свою свободу. Он считал, что этим его ограничат, хотя ограничивал он себя только сам...

Сейчас Герман неподвижно сидел за столом. Его широко раскрытые глаза лучились добротой. Весь он, казалось, застыл и сейчас вот-вот то ли расплачется, то ли рассмеётся детским, беззаботным, счастливым смехом.

Вдруг всё поменялось. Насмешка и презрение опять овладели им. «Ерунда какая-то! – громко проговорил он. – Пойди ещё поплачь теперь». Он метнулся со стула к окну. «Чёртовы люди! Руки им девать некуда, каждую весну одно и то же, дышать невозможно!» – раздражённо воскликнул он, не обращая ни к кому, а точнее обращая лишь к одному человеку – к себе.

Да, именно к себе. К странному юноше с более чем странным именем. Почему его так называли? Почему его, полностью русского парня, родители которого появились на свет в маленьком городке под Ярославлем, а их предки

были чистокровными славянами, назвали именем с какими-то европейскими корнями? Герман знал ответ на этот вопрос и из-за этого ещё больше мучился другими, вытекающими из этого вопроса.

Да, Герман не знал, почему его родители, переехав в Санкт-Петербург, вдруг заболели европейщиной. И не знал, почему все люди вдруг, попав в одну из столиц, в один момент считают себя какими-то полубогами, а в питерском случае ещё и европейцами. Почему намеренно забывают истоки? Почему на вечерах родители нарочито подчёркивают какие-то несуразные, где-то выисканные тысячные доли крови какого-то немецкого мясника?

Герман недавно только понял, почему всё-таки это случается. Он читал книгу об Иване Бунине, там автор, затрагивая корни Бунина, рассказал очень интересную вещь – с древних времен вся верхушка: дворяне, ранее бояре, – специально придумывала себе псевдоевропейских родственников и предков. Так же и семья Бунина, как и сам Бунин, выискивала такие корни и считала себя дворянами. Да, пускай они даже самого низкого класса, но ДВОРЯНЕ – чтоб им, ЕВРОПЕЙЦЫ – мать его...

Это отделение от так называемой черни, крестьян, мерзких славян у любого русского заложено в крови, а стоит ему выбиться в люди, как сразу же этот стыд выходит наружу, и он изыскивает способы, чтобы как-то прикрыться, раскраситься в сине-звездочный флажок. Да, конечно же, были и есть исключения, и их достаточно много, Герман их знал и любил, как, например, Есенина. Именно поэтому Герман не понимал своих родителей, которым не нравился Есенин, которые называли друг друга Мери и Майкл, вместо привычных и родных Маша, Миша...

За окном неспешно темнело. Зарево словно оттачивало черты Германа. Высокий лоб от отца, длинные светлые волосы, как у мамы, небольшой нос с горбинкой, обретённой когда-то в детской уличной потасовке, тонкие, красивые, плотно сжатые губы. Вот он – наш Герман. Почти десять лет занятий прыжками в воду сделали его тело красиво сложенным. Многие девушки восхищались его фигурой и мышцами, а парни завидовали. Но спорт в одиннадцатом классе Герман тоже бросил. Ему было тяжело находиться среди спортсменов. Да, там были неплохие ребята, и ему нравилось общаться с тренером, но основная масса была по-юношески похотливой, недалёкой и безнравственной. Сначала он просто стал реже посещать тренировки, но тело не выдерживало нестабильную нагрузку. Он начал уставать ещё больше и, не видя смысла в продолжении занятий спортом, попрощался с тренерами и ушёл.

А началась эта хандра гораздо раньше, скорее всего, уже в десятом классе. За это время он не совершил почти ничего дельного, только растерял практически весь накопленный опыт, знания, уважение к нему других людей, утратил свою харизму. Перестал верить в Бога, в людей, в добро, в любовь. Превратился в циничного человека с непонятными перспективами.

Может, это во многом было связано и с тем, что его рассказы и стихотворения никто не брал в печать. Отвечали по-разному: «Сыро», «Слабо». Герман возвращался и работал: правил, заново осмысливал, искал повторения и ошибки. Снова шёл к редакторам. Говорил, показывал, ругался, спорил. Но ему отвечали: «Это никому не нужно, это никому не понравится, это глупо, слишком запутанно и сложно. Неуместные, некорректные вопросы, они оби-

дят людей, они заставят их задуматься. В общем, не подходят они нам, парень». Положение немного спасала мысль и память о Рубцове, которого очень долго не печатали, не издавали, говоря: «Это не то» и «Нам не нужны «деревеньки со звёздами»». Но всё равно после каждого нового похода Герман шёл домой усталый, с опущенными плечами. Запирался в комнате и не выходил из неё днями. Мать считала сына наркоманом, отец – психом. Слава богу, у них росла разбалованная младшая дочь, которая показывала отличную работу в школе и была вроде послушной девочкой, с пригретым уже заранее папочкой местечком в его компании. Но при этом она уже гуляла с взрослыми парнями.

Но речь здесь всё-таки идёт не о маленьких избалованных мажорках, а о нашем Германе и его внутреннем мире, в котором он и сам замечал изменения, и надеялся, что вся эта циничность проявляется только лишь внешне, как некая защитная реакция на окружающий мир, и не отравляет его внутреннюю, глубоко скрытую истинную сущность. Верил, что внутри, под маской, ещё живёт настоящий Герман – добрый, открытый, совсем не злой. Но всё чаще он не справлялся с двойником – весёлым, бесшабашным бабником и мажором. Иногда в самый неподходящий момент маска спадала, и ему становилось нестерпимо больно. Одним словом, он – запутался между ними. Иногда ему хотелось бросить все попытки разобраться в мире, попытаться помочь остальным людям. Бросить пустые мечтания, поступить в финансовую академию, ездить на кабриолете и протирать штаны в офисе у папки. Короче, стать как все – шаблоном. Но настоящий Герман не мог этого допустить, он страдал, и мучился, и посто-

янно возвращал с помощью памяти современного нам юношу в маленького Германа, который помнил все трудности, все проблемы, который ещё тогда, в детстве, научился видеть мир с разных сторон, замечать те вещи, которые обычно незаметны обыкновенному обывателю...

Этой осенью Герман влюбился в девушку – красивую, умную. Его поразило при первой же встрече, как много общего у них. Она даже смеялась в точности таким же смехом, как и он. Но прошло несколько месяцев, и вместо восторженного Германа, поющего песни во славу жизни и любви, и захлёбывающегося от колоссального потока энергии, направленного им на своё увлечение (он писал короткие рассказы и стихи), мы видим подавленного человека с опустевшими глазами, не понимающего, почему же он больше не испытывает тех чувств, которые были раньше. Почему он ненавидит её, эту девушку, которой совсем недавно клялся в вечной любви? Почему он не хочет больше целовать её красивые губы и смотреть в любящие синие глаза, которые, кстати, почему-то посерели, утратив весь цвет? Зачем он говорит ей мерзкую фразу: «Нам нужно расстаться!»? Куда, в конце концов, делась эта непонятная и необъяснимая любовь? Он опять же не знал этого, не понимал и, наверное, страдал даже больше, чем брошенная им девушка...

И да, конечно же, почему ему всё-таки не пишется? Почему он так боится этого белого листа с дрыгающимся чёрным штрихом, который в усталых глазах теперь стал похож на прыгающего чертёнка... из-под когтей которого порой выскакивают фрагменты, не желающие почему-то дозреть:

«Он родился в метель. Снег шёл крупными хлопьями и совсем не по-весеннему. Он мёл и мёл, падал и падал, за

окном роддома номер 45 в это же самое время весеннего последнего снегопада громко кричала женщина, рождая в муках мальчика.

Его назвали обыкновенным именем, какие совершенно случайно и так же обыкновенно встречаются на всём постсоветском разбитом и разгулленном пространстве.

Он учился в обыкновенной школе с обыкновенным названием «средняя общеобразовательная» и получал совершенно обыкновенное образование.

Но учился он необыкновенно, с усердием, читал, размышлял, записывал и плакал от вопросов, не имеющих ответов, за троих, может, даже за пятерых, а может, и за весь мир.

Его били и не признавали в кругу обыкновенных школьников. Его презирали, стебали и не понимали.

Он сдал все экзамены и уехал в столицу, оставив за спиной глупый город в глубинке со своими дурацкими законами и вынеся оттуда огромный опыт и необъятные амбиции. Поступил на бюджет суперкрутого вуза, и с этого момента мы начнём поподробнее.

Этого мальчика звали Саша, или Александр – совершенно обычное имя, не так ли?

Родился он в городе Захудинске, в какой-то непонятной области, боюсь наврать сейчас, но, по крайней мере, он сам всем так об этом говорил».

Тем временем Герман уже вышел из комнаты и начал быстро собираться. Выскакивая из дома, по привычке похлопал по карманам: телефон, деньги, ключи, сигареты – всё на месте. Забежал в гараж, который находился прямо под домом, вскочил на велосипед, который ему

подарил папа на четырнадцатилетие. Несколько усилий, и вот – Герман уже за воротами. По привычке глянув налево, он крутанул педали и помчал по дороге.

Ветер бил в лицо, развевал длинные светлые волосы, обжигал щёки, резал немного прищуренные глаза. И если бы сейчас вам удалось заглянуть в эти увлечённые глаза, то ни одной мысли вы бы не прочитали в них, увидели бы только обыденную грусть и наслаждение от скорости. Ведь верно: «Какой русский не любит быстрой езды?»

Герман ошибался, думая, что здесь, за городом, в одиночестве, ему будет легче. С одной стороны, да, не было никого, кто мешал бы ему думать; с другой – когда он оставался один, ему становилось ещё тяжелее, писать он не мог: мыслями постоянно возвращался в прошлое, рефлексировал. Выход был один – просто что-нибудь делать, но в своём безволии и работать он не мог.

Колёса велосипеда, непрерывно толкающие землю, издавали негромкий гул, приятный для слуха. Сейчас Герман не помнил ни о чём, его глаза, слух, обоняние, руки, ноги, весь он сейчас – это скорость.

И вот – очередной резкий поворот, который он так любит. Привычный наклон велосипеда. Бешеная скорость. Глупый и сумасшедший азарт. Безумный огонь в глазах. Чуть приоткрытый рот.

Неожиданный протяжный звук клаксона автомобиля. Визг тормозов. Удар. Потом ещё, только мягкий, почти беззвучный...

Остывающее тело, нелепо раскинув бесчувственные руки, лежит на земле.

Герман вдруг резко проснулся оттого, что голова упала с подставленной руки. Его глаза, всё ещё не отошедшие до

конца от потрясения, полученного во сне, были широко открыты и устремлены на белую страницу с прыгающим чёрным штрихом, поначалу принятую за тормозную полосу, оставленную автомобилем.

И правда, звуки издавала машина: где-то за пределами дома, на проселочной дороге, кто-то настойчиво сигнализировал. Герман дёрнулся было посмотреть, кто там такой надоедливый, но вдруг его осенила простая мысль – рассказать о самом себе, рассказать всё, как оно есть. Каждый произошедший с ним случай или историю. Герман понял, что, поступив так, он не только опять начнёт работать, но и поймёт, что же с ним такое происходит.

Штрих перестал мигать. На его месте начали появляться буквы:

«Разобравшись в себе, в своих ошибках, в том, что довело меня до такого состояния, – набирал на клавиатуре Герман, – я смогу очиститься от лишних мыслей и постоянного возвращения к прошлому. Это позволит мне перестать думать только о себе, и я снова смогу писать так, как писал раньше, даже лучше!»

Уже с нового абзаца Герман стал знакомить себя с самим собой: «Я много путешествую по России. Был, пожалуй, в самых её отдалённых землях. Видел самую настоящую её глубинку.

Этим летом я побывал в селе Н. Это историческое место. Именно оттуда выходят корни моих предков. Там родился мой дедушка. Село находится на чернозёмных землях, в нём была раньше начальная школа, которая закрылась несколько лет назад, есть церковь, почти полностью разрушенная, но кажется, что её начали реставрировать. Огромное село теперь совершенно пустое. Почти все жи-

тели уехали в город, остались только бабушки и дедушки, которые помнят имена всех, кто жил и живёт в этой деревне. Они знают истории каждой фамилии, семьи. Которая когда-либо жила здесь».

Это была попытка автопортрета. После этого он начнёт вспоминать каждую, по его мнению, значимую историю. Он будет анализировать события и выводить своего героя из создавшейся психологической ситуации, из лабиринта, где стенами были воспоминания, мысли, чувства и эмоции.

140 } За окном медленно догорало поле. Солнце клонилось к закату. Первые соловьи потихоньку начинали уже щёлкать и переливаться. Вездесущий запах горелой травы уже постепенно вытеснял приятный и волшебный аромат цветущих роз, которые росли прямо под окном комнаты Германа. А в этой самой комнате сидел молодой человек, забывший про всё в мире и самого себя: он работал – писал и тем самым создавал себя заново. С каждым новым предложением к нему приходило понимание и очищение. Alter ego уже больше не могло взять верх над его настоящим, искренним «Я».

«Смотришь так порой в окно. Сидя, вдаль уставишься. Безымянный олух, что ль? Видишь, падает с дождём морось снега бесконечно в свет дорожных фонарей. Замечаешь бестолково суетящихся людей и рычащие машины, зря сигналиющие, злые. Иногда, сквозь пелену недоснега, отмечаешь полуобморочно башню, контур падающий 20 и 4/7 горящий ской-останк...

Ну так вот, сидишь и, значит, видишь все эти манёвры отвлекающие, прямо под окном своим, эта комната не хуже, чем другие здесь такие, в этом старом, безобразном

и печальном здании, населённом, как ни странно, в большинстве своём такими безобразными же, но – молодыми, в большей части очень серыми людьми, нет, скорее, даже серый не подходит, а такими тускло-людо-блесновато слишком тёмными людьми, каждый-каждый, пусть не каждый, а всего второй по счёту, но себя считает раз-два... раз-два, раз-два Ге-ни-ем...»

А ведь муза всё-таки пришла...

Да, немного странная и не по-гугловски необычная. Но разве она может быть другой?

01.07.2016 (доработано в 2017 г.)

1 курс Литературного института им. А.М. Горького,
семинар Ф. Нагимова

СНЕЖНЫЕ ШАЛОСТИ

141

Серо-пепельное небо. Идёшь не спеша, в голове отрывки из песен. Сотни спешат на работу. Тысячи – по делам. Миллионы проснулись, умылись и полетели в разные края этого города. Только один ты стоишь у метро и как бы со стороны наблюдаешь эту спешку. У тебя есть ещё время, и спешить совершенно незачем.

Дома забыл наушники. Но этот, кажется, обидный, а для кого-то провальный факт, который может определить расклад начинающегося дня, тебя нисколько не трогает. Скорее, ты даже рад тому, что слышишь, видишь, воспринимаешь город в это тёплое, совсем не зимнее утро. К тому же в твоём рюкзаке почивают Маяковский с Набоковым, и мысль об этих двух мастерах, которые лежат, дожидаясь того момента, когда именно твои глаза войдут в русло повествований, созданных ими

когда-то для привередливого читателя, а может, и по велению их сердца, греет тебя.

В метро обычная утренняя сутолока, она тебя мало волнует. Ты хочешь поскорее войти в вагон и наконец-то открыть уже одного из счастливцев. Читаешь стихотворения одного из Владимиров, поддаёшься его суровой, повелительной ритмике и, отвлѣкшись, замечаешь, как же приятно осознание того, что тебе не нужно спешить, потому что просто-напросто ты никуда не опаздываешь.

Ты идёшь по улице, странно – на ней ты сейчас совершенно один. Это тебя даже занимает. Нравится мысль, что только ты сейчас топчешь асфальтированную дорожку. Небо из серо-пепельного вдруг, хмурясь, превращается, кажется, прямо-таки в огромную грозовую тёмную тучу. Но какая же гроза в феврале? Конечно же, начинает идти мелкий снег. Великолепно! Скрывшись ненадолго в недрах дома, где ждѣт тебя заданная ещё позавчера задача, и снова вынырнув после её решения на улицу, сразу и не осознаёшь перемену. Вроде бы та же улица, всё так же не по-московски пустынно и тихо. Но нет! Меньше чем за полчаса она изменилась, став пушистой и белой-белой, светило бы ещё солнышко – глаза бы резало. Со снежно-белого неба, похожего на огромное покрывало, падает такой же, как и само небо, снег – мохнатый и мягкий. Это тот самый снег, который, попадая на твоё лицо, сразу же тает и стекает щекочущими каплями.

Почитав другого Владимира, погрузившись в романтическую атмосферу его произведения, ты остро понимаешь, как замечательно всё вокруг. Наверху – белое. Внизу – белое. Дома, наполовину скрытые снегопадом, – белые. Автомобили – белые. Даже человеки, такие хмурые, на-

пряжённые – тоже неожиданно белые, запорошенные хулиганистым снежком. Ты вдруг осознаёшь, как же ты всё это любишь. Смотришь в злюче-колючие людские лица и хочется этих людей обнять, увидеть на их лицах улыбки, сказать, даже прокричать им: «Что же вы, дураки, этакой красоты не видите! Упорно не видите и не радуетесь ей?!» Но они тебя не слышат, только бросают сутулые взгляды на тебя, улыбающегося ловителя снежинок.

Снежок полетел в знак, на котором пешеход из палочек и кружочка переходит через другие вроде бы лежащие палочки. Теперь у него снежная шапка. Весело! Как же весело! Вот бы снова и снова не забывать замечать эту красоту и по-детски беззаботно радоваться ей.

17.02.2016

В РОССИЙСКОЙ ГЛУБИНКЕ

143

Я живу в Подмосковье. Многим моим знакомым москвичам может показаться что в глуши. Но я много путешествую по России с семьёй и знаю, что такое настоящая глубинка.

Летом я побывал на родине моих предков, в Нижегородской области, в селе Неледино. Тут родился мой дедушка, Иван Петрович Лукин, ветеран Великой Отечественной войны, здесь похоронены мои прадеды. Их могилы я отыскивал на полузаброшенном сельском кладбище. Населённое прежде село сегодня опустело. Люди давно уехали в город. Мой дед с родителями выехал в Нижний Новгород ещё до войны. Сегодня здесь живут только старушки. Они помнят имена всех, кто жил здесь, знают историю каждой фамилии. Неледино находится на благодатных, прежде пахот-

ных чернозёмных землях. Оно было огромно по тем временам. Сегодня его протяжённость почти пять километров. Дома стоят в два ряда на взгорье, которое когда-то, много веков назад, было берегом большой реки. Там – на другом берегу – леса, в которые мне с папой удалось сходить за грибами. Правда, собирал грибы скорее только отец, я же просто ходил по прекрасной берёзовой роще, фотографировал и наслаждался красотой природы.

Папа давно не был на родине, и мы заблудились на самом въезде в деревню. Остановились перед памятником бойцам, погибшим в Великой Отечественной войне. Меня поразило, что при таком безлюдье у мемориала несколько рабочих скашивали бурьян. Была середина лета. Памятник на глазах становился ухоженным. Мне стало интересно, чьи же имена увековечены на стальной стеле. С удивлением и восхищением обнаружил около двадцати моих однофамильцев – родственников.

Напротив стелы, в зарослях кустарника, виднелось одноэтажное здание, похожее на клуб советских времён. Легко перепрыгнув через низенький полинявший забор, я пробрался к бывшему входу в здание. На стене увидел выцветшую на солнце табличку и понял: это бывшая начальная школа. Ещё несколько лет назад здесь были учителя и их ученики. Я вспомнил про то, что в моих подмосковных школах происходит то же самое: учиться некому, школы объединяют, укрупняют, а в итоге закрывают.

Услышал гудок автомобиля – это папа звал меня посмотреть на фундамент разрушенной после революции церкви. Позже в нескольких километрах отсюда мы увидели возрождающийся храм, причём работы начались совсем

недавно, заметно было, что помещение храма очищают от мусора и запустения.

Это было одно из моих впечатлений от провинции. Мы с папой искали дом нашей троюродной тётки и случайно наткнулись на однофамильцев, они оказались нашими дальними родственниками. Именно тут я понял, почему на кладбище и стеле так много моей фамилии. И опечалился тому, что некогда такой огромный род сейчас вымирает, как и село, которое он, возможно, основал, потому что ещё у протопопа Аввакума, родившегося в соседнем селе, можно прочесть упоминания о моих предках – Лукиных.

В селе Неледино я словно почувствовал в воздухе дыхание веков. И как бы это пафосно ни звучало, это было именно так!

Осенью был я в Ясной поляне – Тульском крае. Не глубинка ли это? Воскрешённое имение Толстого навело меня на мысли о пути к возрождению через культуру, через память о прошлом, через почтение к предкам. Мне было радостно видеть, с какой любовью потомки великого писателя возвращают яблоневый сад, как ухаживают за огромной, сегодня исторической усадьбой. Сколько живности населяет её, сколько людей ежедневно посещает этот памятник русской души! А о могиле Льва Николаевича я вспомнил в девственных лесах Карелии, где я был прошлым летом. Ухоженная зелень могилы писателя почти по-тургеневски сливалась с природой.

Ту же самую природу я увидел в Карелии, когда пожил без света и прочих городских благ, в палатке, ощущая, как сложно прожить, добывая пищу и удобство своим собственным трудом. У меня часто возникало ощущение, что

146]
] в мире никого больше, кроме нашей походной группы, нет. Вокруг лес, реки, огромные ледниковые валуны, невдалеке финская граница, близость которой можно заметить по выброшенным финским пачкам от сигарет. Тут же заброшенный железнодорожный мост, на котором мы с ребятами разглядели надписи солдат, строивших его в 50-х годах. Я посчитал, сколько лет эта надпись просуществовала на почти неиспользовавшемся железнодорожном объекте. Шестьдесят пять лет краска оставалась на бетоне и, может быть, ещё столько же пробудет там. Но даже эта надпись, которая, возможно, пережила своего автора, не вечна. Меня захлестнули мысли о недолговечности человеческого бытия, мысли о предках, о стране, в которой миллионы таких надписей, в которой – мне ещё долго, может быть, жить. Надеюсь, что и мой след останется на страницах книги её истории. Может быть, там, в самой её глубинке – на том мосту, без которого невозможно представить соединение прошлого и будущего, природного и всюду проникающего человеческого, и живёт память о прошлом.

А ещё я влюбился в железнодорожную станцию Свирь у Онежского озера в Ленинградской области. Я по странному стечению обстоятельств ночевал там в начале лета, ожидая поезда на Москву после продолжительного путешествия на яхте от Москвы до Ладожского озера.

А возвращаясь из Карелии, ночью вышел с другом подышать воздухом на одной из остановок и с удивлением обнаружил – ту самую примечательную для меня станцию, которой, как я выяснил, в этом самом 2016 году исполняется 100 лет.

Именно так создается будущее.

КРЫМ-ТЧК ФИЛЬМ-ТЧК-ТЧК-Точка

Кто-то из классиков сказал, что с каждым веком Человек становится ленивее и нелюбопытнее... Возможно, но мне, видимо, повезло. Меня слишком часто спрашивают обо всём на свете. Иногда просто чувствую себя «ходячей Википедией».

Бывает, например, спрашивают: «А где можно насладиться настоящим кино?»

Я, честно говоря, часто затруднялся с ответом. Трудно с лёту сказать: где, когда, во сколько можно посмотреть «настоящее кино» и насладиться им.

Нет, я, правда, иногда отвечал: «Дамы и Господа, советую вам посмотреть короткометражное кино. Пусть даже дома. В короткометражках вы увидите современное живое искусство». Именно тогда они требовали уточнений: «Ну, а где же можно восхититься твоим «настоящим», «живым» и «современным» искусством, кроме как у себя дома?»

147

Возможно, что при каждом новом таком вопросе я опять не знал бы, что ответить людям. Но тут подошло время VI международного кинофестиваля «Точка в бесконечной вселенной», где под открытым небом показывают фильмы чуть ли не круглосуточно.

Причём, проводится фестиваль на берегу Чёрного моря, в Крыму, недалеко от Севастополя. Точнее – палаточный городок фестиваля расположится в живописном месте, именуемом мысом Сарыч.

Море, воздух, солнце, кино... позавидовать можно!

Все участники кинофестиваля живут в палатках, едят здоровую пищу, приготовленную собственноручно (либо, при желании, питаются в кафе, которые тоже есть на

территории фестиваля), смотрят фильмы, различных российских и зарубежных режиссёров, знакомятся и общаются друг с другом, – в общем, весело и интересно проводят время.

Если ехать со своей палаткой, то удовольствие это достаточно недорогое – с 12 по 15 августа, т.е. за трое суток нахождения на территории кинофестиваля и почти непрерывного кино, надо заплатить от 1000–1500 рублей (точные данные можно узнать на сайте организаторов). А желающие просто культурно оттянуться без туристического напряжения могут взять палатку у организаторов кинофестиваля, приплюсовав к этому 3-разовое питание, всё вместе обойдётся на двоих человек в сутки всего в 3000 рублей.

148 } Кроме показа художественных игровых кинофильмов }
будут проводиться показы анимационных фильмов. Программу детской сцены представит артист и режиссёр Никита Добрынин со своим проектом «Волшебный театр».

Необычно ещё и то, что на фестивале не будут награждаться или выделяться отдельные работы, на нём нет жюри. Организаторы считают все произведения равными, рассчитывают, что каждое в равной степени достойно внимания.

По рассказам участников кинофестиваля, которые были на нём раньше, люди ездят туда семьями, берут с собой друзей и знакомых. По их словам, относительная отдалённость от цивилизации и городов, близость с морем, создают непередаваемую атмосферу единения искусства и природы.

С нетерпением жду, когда уже окунуться в эту благотворную среду.

По итогам обещаю писать свои репортажи о каждом дне VI кинофестиваля «Точка в бесконечной вселенной».

А если там так здорово, как об этом пишут, то буду просить всех Дам и Господ советовать своим друзьям и знакомым посетить эту «Точку» на крымской вселенной.

31.07.2016

ПОЧЕМУ?

Почему я решил стать писателем? Недавно тоже такой вопрос задавал, интересовался. Я вообще человек с приколами, любознательный то есть. Собственно говоря, мылся тогда в душе в общаге, а на постаменте банка с шампунем стояла, вот мне и захотелось узнать у неё, почему она именно банка с шампунем и как ей вообще живётся на этом свете. И знаете, что произошло? Сейчас очень интересную историю расскажу! Банка заговорила мужским голосом, превратилась в плотно намыленного мужика с достаточно длинными волосами, тоже в пене, и, взглядом оценив с головы до пят моё ничего, послала меня куда подальше и прямо со вспененной головой почему-то ушла.

А теперь на секундочку представьте, что руководитель творческого семинара Фарид Нагимов, усердно намыливая голову, вдруг решит узнать у меня, простой ёмкости с шампунем, почему я, собственно, решил стать ею. Почему я не бутылка со спиртом, оливковым маслом, ядом? Почему не бочка с радиоактивными отходами, почему не бутылка вина на дне какого-то пролива в затонувшем корабле, наконец? Почему всего лишь обыкновенная ёмкость с шампунем? И знаете, я бы, наверное, не стал уходить с намыленной головой и тем более посылать его. Нет. Я бы

сделал такую драматическую паузу, многозначительно причмокнул и сказал бы: «Фарид, я не решал, меня таким сделали. Выбора не было, такой я – и всё».

Именно поэтому на вопрос, почему я решил стать именно писателем, а не кем-нибудь другим, я отвечаю: «Я не решал, меня так сделали, я чувствую себя именно таким, правда, нахожусь ещё в самом начале своего пути. Я, так сказать, бутылочка молодого вина на книжной полке между книгами всяческими».

Что я тут ещё могу сделать сам с собой? Вспениться! И выбить пробку, сдерживающую меня, своими дерзкими молодыми силами!

Да я, скорей, бутылка молодого шампуня!

21.09.2016

ТАПОЧКИ

Однажды историю мне рассказал один незнакомый таксист, как ни странно для Москвы – русский. Выглядел он лет на сорок пять, точнее трудно сказать: темно тогда было. Вёз он меня за город, в аэропорт. По направлению дороги справа был бесконечный лес, слева тоже, за кромкой леса, где-то не слишком далеко – дома, некие ульи, соты, много их, очень много было, даже создавалось ощущение стены. Стояла и светила эта стена в непроглядную темноту амбразурами окон. Всегда эти окна давили на меня своей неизвестностью. Кто знает, что на самом деле за ними происходит, хотя, по сути, ведь обыкновенная жизнь, такая же, как и везде, протекает, но я сейчас не об этом. Фары жёлтого таракана, в котором я мчался навстречу будущему, иногда выхватывали стоящие на обо-

чине машины. Внутри таракана было молчание. Неслышно стучал дождь по стеклу. Негромко играл шансон. Я был усталый, обеспокоенный предстоящим полётом и немного пьяный. Дождь усыплял.

Но вдруг, проезжая мимо очередного автомобиля, около которого стояли два человека, водитель неожиданно начал свой рассказ.

«Мы вот все молчим, молчим, а это зря, – сказал мужчина за рулём, по первому взгляду человек явно потрепанный жизнью, пьющий, это сразу видно, я уже даже по затылку научился определять таких, да и на перегар мой он внимание обратил не просто так – улыбнулся загадочно, когда я садился в такси, и шуточку какую-то забавную выкинул. – Зря молчим. Жизнь пройдёт – разговоров стоящих мало. А историй забавных, которые задуматься заставляют, – ещё меньше. Ну так вот. Парня молодого положили в психбольницу, а он сбежал оттуда. А нашли его уже за городом, на скоростной трассе. Лежал бедняга в одном тапочке, мы его плёнкой чёрной накрыли и погрузили в мою карету, я тогда ещё в труповозке работал. Отличная работа, скажу тебе!»

После этих слов он то ли закашлялся, то ли засмеялся, но как-то не по-человечески, точнее, по-человечески, но не по-живому. Это был смех тяжёлый, как раз как кашель, и грустный. Никогда я до этого и после не слышал такого ужасного смеха-кашля. Отсмеявшись, он продолжил: «А эта зараза тогда опять, как назло, сломалась. Вот так я и узнал этот смертельный рассказ, случай ли, во время того когда ждали другую скорую и эвакуатор.

Ну так вот. Девчушка, как сейчас помню, тогда стояла около бабского такого, маленького, дорогого автомобиля,

аварийка включена была. Вокруг лес, а за лесом дома многоэтажные вокруг еле виднелись. Дождь лил, не тот, что как из ведра, а такой мерзонький, противный, как будто липкий, ну такой же точь-в-точь как и сейчас. Эх, и похоже же всё. А это, парень, кстати, самый опасный дождь для водителя.

Ну так вот. Менты крутились вокруг, и психолог тоже был – старый такой, лысый дядька – успокаивал девчоночку, а она ему всё одно верещала: «Он позвонил! Он позвонил, просил помощи, а я ведь не поняла! Я ведь не виновата, испугалась я его!» А тот отвечал ей что-то негромко и постоянно морщился, как будто от зубной боли.

Ну вот именно во время этого вынужденного перерыва психолог у меня огня попросил, а заодно и рассказал мне всю ту историю с самого начала.

Парень действительно как-то умудрился сбежать из психушки и пошёл по трассе. По дороге стопанул бабульку на остановке, отнял телефон и начал названивать бывшей девушке своей, той девчужке, значит. Ну так вот, по знаку дорожному определился, где он, сказал ей и шантажировал тем, что, если она не приедет и не заберёт его, сейчас же жизнь свою покончит.

Она и прискакала, перепуганная. Но глупая такая баба, ведь вместо того чтобы его успокоить, в машину посадить, начала звонить в ту больницу, чтобы приехали и забрали его, ведь человек-то уже не тот, что раньше с ней был. Внешность та, а внутри личность-то другая, смекаешь? А может, просто дурочка испугалась того, что псих рядом с ней, ведь для многих психушка – это как приговор.

Ну так вот. А ему-то, пускай он даже псих реально был, жизнь такая сумасшедшая не нужна, так вот он

и бросился под машину. А в итоге, что мы имеем? Вроде и человек погиб, и девушка травму душевную получила, а ведь всё из-за фигни какой-то. Из-за нескольких дурацких слов и ненужных, даже скорее непродуманных, поступков. Глупо».

Сказал это мне таксист и замолчал.

Сон как рукой сняло. В окно смотреть стало противно и немного страшно. Я разглядывал слабо освещённый затылок таксиста и размышлял о его словах, представлял, как эта трагическая история, а возможно, и не одна, отразилась сначала в его глазах, потом в голове, а уже после этого осела тугим чёрным мазутом на душу и залепила всё самое светлое и прекрасное в жизни. Думал и о том, почему именно ему рассказали. Для чего? Зачем?

Приехали наконец в аэропорт, пробились сквозь молчание, мысли и липкую, «мерзонькую» воду. Принимая от меня деньги, таксист посмотрел на меня взглядом такого потерянного человека, ищущего в тебе единственное спасение, соломинку, что мне стало ещё тяжелее. Посмотрел он на меня и сказал вдруг ещё несколько слов, которые запали мне глубоко в душу, туда, где у людей всё самое сокровенное хранится: «Ты, парень, молодой, а уже пьёшь! Надеюсь, что хоть с праздника едешь, а не просто так губишь синюю или, не дай Бог, с горя какого заливаешь. Ну так вот. Ты прости, если обидел, но я ведь историю эту не просто так тебе рассказал. Ты ведь думай, что говоришь и что делаешь, ведь каждое твоё самое мизерное словечко, каждый шутливый поступок может убить, а может и, наоборот, спасти. Если встретимся, я тебе ещё историю расскажу. А то, быть может, и за жизнь свою накапаю. Глаза у тебя хорошие, парень. Ну так вот. Лети давай. Не бо-

лей! И жизнь свою зазря не трать, а то как я будешь – таксистом – или, ещё хуже, будешь в одном тапке на шоссе валяться под пелёночкой». После этих слов он опять засмеялся своим странным кашляющим смехом и протянул руку. За всю эту странную поездку я не сказал ни слова. И после слов этих, ошарашенный непонятно чем даже для меня, головой только кивнул, пожал ему руку и ушёл.

Часто я потом эти слова ещё вспоминал, часто, и всегда не к месту.

В самолёте тогда я совсем не спал и ещё больше, чем даже тогда в такси-таракане, думал о человеческих жизнях, в частности о жизни этого странного и, возможно, несчастного таксиста, о других несчастных жизнях, на которые этот мужчина успел насмотреться.

Больше его я уже никогда не встретил, а так хотелось ещё увидеть его, послушать. Постараться понять во всей многогранности, как же люди живут на этом свете. И да, наверное, обнять его прокуренное тело, ведь тепла и понимания, наверное, он желал. Тепла человеческого.

А спустя неделю, когда я, обмытый морем и обвеянный южными ветрами, кажется, совсем забыл эту историю, мне неожиданно приснился сон: сумерки, липкий холодный дождь, оживлённая скоростная трасса, вдали многоэтажные дома и два силуэта на обочине, около машины с включённой аварийкой. И пронизывающий голос над всей этой мокрой полумрачной картиной: «Ну так вот. Давай! Лети!» Резко я тогда проснулся от неприятного и странного оцепенения, которое сковало всё моё тело. Страшно стало мне тогда и от знакомого прокуренного голоса с хрипотцой, и от картины этой. А больше всего,

наверное, оттого, что и у этой пары в моём сне встреча может закончиться тоже трагично.

Испугался я. Также испугался.

31.10.2016

СРЕДА

По правде говоря, мне было жутко неудобно, как в новых брюках, которые на размер меньше, но ты их всё равно купил, так как они были на распродаже и, вообще, они классные.

Не поднималась рука постучать. И не верилось, что я стою здесь, так как ещё вчера был в России. Не важно. Может, она вообще не дома или, и того хуже – дома, но не одна. Мысли мотались туда-сюда, подобно челночному бегу, и комок во рту был настолько огромный, что если бы я смог его проглотить, то заработал бы несварение желудка.

Я стучу.

Она открывает.

Блеять, лучше бы она выронила эту кружку из рук или неожиданно вздохнула, да что угодно: отбила чечётку, сказала – мудак, повисла у меня на шее, чем то, как она отвела вниз глаза. И я понял, что, находясь в шаге, люди всё равно могут быть очень далеки друг от друга. Вообще, человек – очень странное существо. Чтобы его сделать счастливым, нужно у него забрать всё, а потом вернуть хотя бы половину. Ладно, это всё чушь. Мы-то с ней были близки. Это у нас с ней не хватало на ужин денег, это у нас болели ноги от каждодневных прогулок.

Я захожу в её новую квартиру. Да, конечно, тут всё со вкусом, хорошо, что ты выбрала именно Прованс. Но, мо-

жет, ты спросишь, какого чёрта я тут делаю?! Я же не за хлебом выходил в магазин. Меня не было полгода. А ты хватаешься за всё подряд, устраивая какой-то хеппенинг, паршиво сыгранный.

Вижу, как ей неудобно, как она ошарашена. Она построила уже свою жизнь без меня. Не верила, что я смогу вернуться. А я не верил, что блядские полгода могут так поменять нас.

– А у тебя есть что-то новое из стихов, прочтёшь? – И параллельно она печатает что-то в ноутбуке. Я знаю, что она пишет и кому. Мистеру Икс, чтобы он сегодня не приходил.

– Давай лучше сходим в одно местечко и выпьем вина, нам так будет легче, – предложил я.

156

Я веду её туда, где мы впервые пили вино. Ресторан переделали, возможно, у него теперь другой хозяин. Везде висят фотографии знаменитостей, которые были сделаны ещё в детстве. Везде красные стены, темно, бордель чистой воды. Она говорит:

– Какое интересное место!

Я знаю, что врёт. Просто хочет заполнить пустоту молчания.

– Мы здесь с тобой впервые напились.

– Да? Я стесняюсь, – шепчет она мне на ухо.

Интересно, это любовь, если не видишь человека и особо по нему не скучаешь? Живёшь своей новой жизнью, которая больше напоминает диссоциативную фугу. Делаешь завтрак, пьёшь по пятницам. А тут раз – снова встретились, и будто опять всё, как раньше. Эй, Бог? Слышишь ты меня? Ты ведь не мог так всё продумать. Хотя,

как сказал мой друг, «если Бога нет, то и ушей у него нет тоже».

– Фишка ресторана в том, что у нас подаётся еда, которую любили в детстве есть знаменитости, – объяснила нам официантка.

Я смотрю на неё, и она как нарисованная. Как будто я под мескалином. Я ещё не испытывал такого сильного флешбэка.

Она заказывает мидии.

– Отличный выбор! Это была любимая еда Стэнли Кубрика.

Не понимаю уже, откуда поступает голос.

Мне приносят мелкую картошку с корочкой.

– А это любимая еда Джареда Лето!

Врут, ну как пить дать врут. И мы уже на улице. Я даже не успел выпить.

Да что тут вообще происходит?

Она берёт меня за руку и прижимается ко мне сбоку. Медленно один дом передаёт эстафету другому. Мы ведь до сих пор хотя бы любим прикасаться друг к другу. На душе тепло, как от первой рюмки коньяка. Понимаю, что всё нереально. Скоро меня ждёт утро.

23.12.2016

2015

ДВЕРЬ В УТРО

Я знаю, каждый хоть раз в жизни встречал или встретит рассвет – с любимой или один, за городом или в городе... И солнце медленно взойдёт над кромкой моря, леса, озера, пустыни, улицы. Это воспоминание с трепетом и нежностью сохранится на сокровенной полочке в памяти. Такое утро сделает весь день прекрасным, а может изменить и всю жизнь!

Но чаще утро бывает тяжёлым. Тебя гнетут раздумья о глупой суетности нашего мира, о праве взрослеть, мудреть и замечать то, чего не замечал прежде...

158 | Твоё лицо в зеркале – непроставшиеся глаза, включенные волосы, мешки под глазами, ты стараешься не замечать этого во время утреннего туалета. Чай, бутерброд, и вот ты уже идёшь по улице.

Ты вдруг заметил: толпа несётся куда-то, сбивая саму себя, опадает в метро, с нетерпением ждёт поездов, машинально читая новости из бесплатных газет, которые они только что взяли из рук очередного городского новичка или неудачника. Разобраться в этом непросто, лицо вряд ли обратило на себя их внимание.

«Этот мир, к сожалению, окончательно сошёл с ума! – утверждаешься ты во мнении. – Если в нём уже строят кинотеатры для бомжей!» Ты узнал это из первой полосы той самой бесплатной газеты, которую лысый мужик небрежно теревит своими маслянистыми руками, пробегая такими же маслянистыми глазами по этим «бесплатным» строчкам. Да, интересен не тот факт, что, вместо того чтобы бороться с возрастающим количеством бездомных

и нищих, для них строят кинотеатры, а то, где этот «читатель» оставит газету. Урна ли будет одним из её новых пристанищ на пути к печи, или улицы сами с ней разберутся? Ты вряд ли узнаешь это, ведь ты не Бог, не вездесущ. Но сегодня я разрешаю тебе взглянуть и проверить свои догадки. Ты видишь, как «читатель», выходя из метро, оставляет газетёнку на проходных турникетах. Довольный, ты, к счастью, уходишь в другую сторону...

Здесь тебя обязательно увлечёт вопрос деградации. Люди при деньгах и неплохих намерениях до сих пор не могут создать чётко работающую мусороперерабатывающую систему с заводами, мусорными бачками, сортировочной и прочей ерундой, вплоть до выработки энергии.

Вспоминаешь: «мир дураков» – высказывание классиков, наверное, про вас писано (смеюсь я в твоей голове). Один «злой гений» бормочет про всё это, сидя напротив тебя в вагоне метро. Другой обдумывает и рассуждает об этом же самом, сидя в уютном министерском кресле за 30 км от этого вагона, стремящегося по подземелью в закольцованную даль. Фишка в том, что они побормочут, каждый на своём месте, а всё так же и останется! Здорово, правда?

Ты удивляешься. Думаешь о том, как здорово перетекают мысли одна в другую. Вспоминаешь, что отвлёкся на несущественную мелочь, которая заставила злиться. Я напоминаю тебе – ты думал о тупости. Да! Люди тупеют на глазах, страшно заглядывать в них, потому что ты видишь там отражение игр, в которых они собирают алмазики в пары, а странный снеговик (из этой же игры), держащийся, как наркоман, радуется за них так, как будто они защитили докторскую степень. «Бред», – сказали бы предки лет тридцать назад, но сейчас это твоя реальность!

Ты выходишь из вагона и топчешься по коридору метро. Замечаешь – люди похожи на пингвинов: идут, качаются в разные стороны и молчат (общаются со своими снеговиками). Улыбка промелькнула в твоих глазах.

Но вот ты и на эскалаторе, бесконечно длинном и медленном. Он странно успокаивает твой невыспавшийся мозг, которому нужна порция кофеина, чтобы наконец-то проснуться. Но музыка в метро, по-твоему, такая же глупая затея, как и само утро в городе, она опять заставляет нервничать, хотя предназначена была успокаивать. Ты неожиданно шуришься от громкого звука. Твои барабанные перепонки почти рвутся от голоса контролёра эскалатора, дающего идиотскую, по твоему мнению, инструкцию: надо, мол, за поручни конструкции держаться. Возникает ощущение, что ты в первый раз в метро. Мне оно тоже нравится. Ты замечаешь, как полторы сотни людей медленно и размеренно, продолжая свои познавательные разговоры со снеговиками, переложили сумки и взялись за поручни.

Ты веселеешь, думаешь о том, что надо бы и позавтракать, а то загрызёшь кого ненароком. Вместе с такой же безумной, толкающейся толпой русских, «россиян», украинцев, белорусов и прочей живой массы, протискивающейся к выходу.

Солнца нет. Я постарался. Небо – серое. Дома – серые. Асфальт – серый. Ты заперт в сером ящике, наполненном вонючим дымом дешёвых сигарет, смогом, запахом мочи, бензина. Ты окружён городом.

Ты прячешься в кафе, точнее в забегаловке, чтобы поесть и записать накопившиеся мысли. Но тебя постоянно отвлекает мелодия попсовой музыки, звучащая в ней.

Обнаруживаешь, что начало этой заграничной песни взяли под один из молодёжных хитов этой страны. Грустишь, злишься. «Везде фейк, обман, надувательство чистой воды! – думаешь ты. – Все пытаются тебя обвести вокруг пальца, а ты безуспешно пытаешься не следовать этой глупой традиции, скорее даже правилу, без которого, видимо, не выжить». Правильные мысли, думай, злись, выливай злость на бумагу. Ты можешь это делать, а кто-то – писать музыку, рисовать. Каждый по-своему. Не копи в себе. А город – он везде такой, просто мало кто это уже замечает так болезненно, как замечаешь ты.

Дальше было ещё веселей – ты встретил бывшую одноклассницу, помахал ей ручкой издали, но не стал подходить ближе. Ну и правильно, зачем тебе слышать традиционное: «Как ты изменился!». Захотела бы, сама бы подошла. Девочка состроила мину, какую ты видел каждый день несколько лет назад во время общения с ней в школе. Ты уже отвык от неё. Ловишь себя на мысли, что она-то совсем не изменилась – так же слишком много позволяет себе: попинывает ногой, трогает твои вещи без разрешения. Жалеешь, что сел рядом. Не хочется вставать, скоро твоя остановка, безуспешно пытаешься вернуть утренний сон, прислонившись к окну. Но, к сожалению, тебе мешает какой-то философ в летах и в кожанке, который ведёт интеллектуальную беседу с твоей одноклассницей.

«Страшная страна, страшное время», – говорит он ей. Далее ты слышишь, как он размышляет вслух на радиационно-магнито-западные темы, как он «учит» её тому, что у тебя в стране ещё лет пятьдесят-сто ничего не изменится. Эти лестные отзывы о Европе и Америке. По его

жителейскому мнению, там можно на доллар или евро прожить день, купив себе нормальной еды, и вообще шиковать. Ты раздражаешься. Конечно, такого обоснованного бормотания прежде ты не слышал. Зло думаешь о том, что, вместо того чтобы объяснить девчонке, почему так происходит, почему радиационно-ельцинские свалки именно у тебя в стране, а не в Европе и почему «двадцать лет строится эта больница», мы сидим и бормочем, опускаем свою страну, то есть себя любимых. Ты уже встречался недавно с подобной ахинеей (только с более богатой лексикой). Сам вспоминаешь об этом, усмехаешься над капитаном яхты, на которой ты плавал недели две. Он тоже был любитель «попускать» страну и русского. Правда, боцман – разумный человек – вроде переубедил его. Но надолго ли?..

162

Ты продолжаешь удивляться этому тоже лысеющему «читателю». Думаешь, как просто люди ведутся на глупую форму, обложку, обёртку из СМИ и интернета, где им ежедневно промывают мозги подобным ералашем. Понятно, что мысли они имеют соответствующие. Ты ругаешься внутри себя, параллельно записывая мысли в блокнот: «Фонит, видимо, у него в голове, раз он говорит, что Россия вся радиационная и везде трещит», – смеёшься. – «А в Европе и Америке видать, всё хорошо. Странные люди...»

Ты вспоминаешь, как накануне смотрел тяжёлый, грустный фильм и после опять сидел в своих пасмурных тучках на балконе. Ты размышлял о кино, которое оставило неприятный осадок в душе, думал о поступлении, о предстоящей учёбе, друзьях, недругах, смысле жизни. Каждый новый день, обильно смазанный и пропитанный

лицемерием, лицедейством, очень тяжело переносится твоей чуткой душой и сердцем. Ты вспоминаешь «День сурка», вяло улыбаешься: «Как всё там легко, не то что у меня...» – думаешь ты. Да, вся эта нервотрёпка полностью отключает твой разум.

Я-то это понимаю, ведь я вижу тебя насквозь. Вижу, как ты устал заставлять себя каждый день вставать по утрам, приближать конец обучения в школе, выпускной и неминуемые экзамены. Да, ты уже перегорел в ожидании финала. Прогорел, подобно свечке в сказке Андерсена, которая так долго ждала, когда же её зажгут.

Ты бежишь из вагона, вылетаешь на поверхность и резко отпрыгиваешь от весёлого парня, которого сразу не заметил. Он раздаёт листовки с таким порывом, как будто на дуэль вызывает: «Кому дверь??? Вам? Вам? Вам дверь?»

}
163
}

Эти слова почему-то вселяют надежду, хоть ты сначала и отпрянул от него. Но теперь тебе весело. Вот она – дверь в утро!..

Ты нашёл дверь в свой мир. Можно жить дальше. Я тебе пока не нужен...

19.09.2015

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

Он летел экономклассом в Москву из командировки. Он никогда не любил эти долгие полёты, он боялся высоты. Он боялся всего. От перелётов ему всегда становилось плохо. Впрочем, как и в этот раз.

– Порфирий Николаевич, Порфирий Николаевич, – с трудом услышал он голос пожилой соседки сквозь пустоту, накопившуюся в ушах.

– Порфирий Николаевич, вам плохо? Может, позвать стюардессу?

И, не дожидаясь ответа, нажала кнопку.

От Порфирия Николаевича пахло дешёвым дезодорантом, эспрессо и самолётными бутербродами с ветчиной.

Он был низок и толст. Когда, сопровождаемый стюардессой, он шёл по самолёту, казалось, что он не пролезет в проход и нелепо застрянет там. Лицо его было серым, может, от плохого самочувствия, может, из-за дешёвых сигарет, которые глупо торчали из нагрудного кармана его серой, под стать лицу рубашки.

– Мы посадим вас в бизнес-класс, дадим таблеток и витаминов. Если что-то потребуется ещё, зовите, не стесняйтесь.

Он стоял чуть поодаль, привалившись к стене, пока стюардесса просила о чём-то худого, тонкого, аккуратного мужчину в дорогом костюме.

– Садитесь, пожалуйста. Вам не холодно? Принести плед?

Толстый покачал головой и утонул в кресле бизнес-класса.

Тонкий мужчина, сидящий напротив, зарылся с головой в ноутбук и как будто не замечал его.

Толстый уснул. Проснулся вскорости оттого, что тонкий мужчина активно тряс его за плечо и говорил: «Порфирий, голубчик, сколько лет, сколько зим, просыпайся скорее, поздоровайся же с другом детства!»

От него пахло коньяком, сигарами и модными духами. Тонкий только что отобедал и, будучи навеселе, видимо, под влиянием выпивки, говорил громко и медленно.

– Порфирий, дружище, неужели не узнаёшь своего старого школьного товарища Мишу?

– Батюшки! – мигом проснувшийся толстый затряс протянутую ему руку.

– Коньяку мне и моему другу детства! – крикнул развязно тонкий и обратился к толстому: – Ну, как ты поживаешь? Где работаешь? Кем? Рассказывай мигом!

Толстому явно похорошело: лицо его из серого цвета стало розоватого оттенка, глаза стали влажные. Он был ошеломлён внезапной встречей.

– Миша, не ожидал, не ожидал такой неожидан... такой великолепной встречи. Вот это сюрприз! Да как я живу? Всё хорошо, вот юристом работаю, каждый месяц посылают в даль всякую, от которой мне только худо становится. Зарплата оставляет желать лучшего, но да чёрт с ней! Я веду несколько блогов в интернете, жена учительствует и на дому занимается с ребятами музыкой. На фортепьяно, понимаешь ли, играет, да всё так хорошо, так хорошо, слушаешь иногда – и всю юриспруденческую печаль как рукой снимает! Пробиваемся кое-как. Сын есть – Руслан зовут. Хороший сын. В аэропорту встречают всей семьёй, познакомлю обязательно.

Принесли коньяк. Толстый, заметно нервничая, отпил большой глоток и закашлялся.

Тонкий рассмеялся.

– Ты всё такой же торопливый и беспокойный, как и был. Так в интернете чем же промышляешь?

Толстый, отдышавшись и покрывшись пятнами, начал рассказывать про свой блог в ЖЖ, как иногда берут рекламу. От блога незаметно перепрыгнул к своей кошке

Мурке, недавно окотившейся десятью котятами, которых совершенно не знает, куда деть.

Самолёт незаметно начал снижаться, стюардесса попросила пристегнуть ремни. Толстый опять посерел, прекратив разговор, спрятался в кресле, поминутно вытирая вспотевший лоб, и слушал тонкого, который рассказывал ему о своих интересах.

– Я, понимаешь ли, тоже из командировки лечу. – Толстый понимающе закрыл глаза и покраснел. – Всё в делах, в делах весь.

Толстый невнятно что-то прохрипел в ответ и подмигнул обоими глазами.

Самолёт приземлился, толстый вскочил, сбив стюардессу и зацепив рукой чей-то кейс.

– Миша, в аэропорту обязательно познакомлю со своей семьёй, – сказал толстый, извиняясь перед стюардессой и одновременно поднимая чей-то кейс. Толстый удалился, протискиваясь через сиденья, под добродушный смех тонкого.

– Конечно же, я жду тебя у самолёта! – прокричал вслед ему тонкий, пытаясь перестать смеяться.

Тонкий давно получил свои вещи. Толстый же стоял, дожидаясь своих, нервно подпрыгивая на месте.

– А вот и моя семья... Это вот жена, Камила... мусульманка, сколько ни пытался изменить её веру, ничего не выходит... А это сын мой, Руслан, ученик пятого класса. Это, Русечка, друг моего детства! В одной школе учились!

Руслан хотел было поцеловать отца, но, немного подумав, только обнял.

– В одной школе вместе учились! – продолжал толстый, торопясь и заикаясь. – Такой же красавец, как и был! А стал

ещё благороднее, как вижу! Ах ты ж, господи! Я всё о себе да о себе! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я-то уж женат, как видишь, да потомство имею. При этих словах он потрепал по плечу стоявшего рядом Руслана.

Руслан, немного подумав, нахмурил чёрные брови и спрятался за спину отца.

– Кем же ты можешь быть? Директор банка? Судья?

– Нет, дорогой мой, – сказал тонкий. – Я недавно стал заместителем министра внутренних дел России.

Толстый вдруг покраснел, посерел, побледнел и опять покраснел. Подпрыгнул на месте и искривился широчайшей улыбкой. Казалось, что он превратился в жареный гриб, настолько он съёжился, сузился и сгорбился... Его чемоданы, сумки, зонт съёжились, сморщились, превратились в такие же жареные грибы, как и их хозяин... Двойной подбородок его жены стал пятерным; Руслан же вытянулся во весь рост и застегнулся курткой до глаз, ещё надёжнее спрятавшись за отца...

}
167
}

– Я... Очень приятно! Друг, можно сказать, детства – и вдруг в такие высоты, в таких министров превратились! – Толстый опять подпрыгнул и прихлопнул в ладоши. Смуться от этого, он опять посерел.

– Да ладно тебе! – поморщился тонкий. – Что ты расхлопался? Мы же друзья детства! Приглашаю вас всех к себе на выходные! Тебе, кстати, могу и с работой подсобить...

– Да что вы! Не стоит! – захрюкал толстый вдруг. – Понимание и столь неожиданное внимание такой личности... вроде луча света в наше тёмное царство...

Жена закачала головой, но казалось, будто качается не только голова, но и всё тело и все её десять подбородков.

Тонкий начал возражать, но толстый опять подпрыгнул и хлопнул в ладоши. Лицо его выражало такую сладость, а кривлянья его были так неприятны, что заместителю министра внутренних дел стало нехорошо. Он отвернулся от толстого и подал ему на прощанье руку.

Толстый хлопнул по руке и прихрюкнул от удовольствия. Жена его тоже прихрюкнула. Руслан ещё выше застегнул курточку, защемив молнией нос, и удивлённо айкнул. Подошедший водитель тонкого медленно уносил вещи. Замминистра ушёл. Толстая семейка была удивлена столь приятной встречей.

29.09.2015

ИСПОВЕДЬ

168

За всю жизнь я не сделал ничего путного. Я, как раньше говорили, был лишним человеком. Но всё же перед смертью сказал слова, которые потом один человек записал и превратил в рассказ, который мне очень нравится. Может, ради него я и прожил всю эту никчёмную, по сути, жизнь. Но для начала я кратенько расскажу о ней.

Я родился в семье бизнесменов. Бизнесменами была моя мать, а отец, хоть и был чрезвычайно талантлив и успешен в этом деле, будучи азартным человеком, деньги больше тратил. Были уже традицией ежемесячные его глупые, ненужные долги. Только после его смерти я узнал, что он посещал подпольное казино, делал различные ставки, спорил по каждому поводу, проигрывая сотни тысяч. А каждые полгода улетал «в командировку» – неизменно в Вегас, из которой его обычно выкупала моя мама. Но через год после кончины отца похоронили и мою мать,

которая, несмотря на жестокие битвы с отцом, не перенесла потери.

Юность моя была грустной. Родители меня любили, но от этого мне не становилось легче. Отец, как я уже сказал выше, в собственном доме не имел никакой власти. Будучи до конца преданным своему разорительному и постыдному влечению и ясно сознавая, что не в силах отказать от этой страсти, он старался, по крайней мере, своим смирением – ангельски скромным и незаметным – заслуживать снисхождение и понимание жены. Мама же действительно старалась как будто не видя переносить мужнин порок. Но всё же при каждой ссоре она не забывала ему бросить в лицо, что если бы не ребёнок (мне всегда очень не нравилось это «прозвище») и общее дело, которое позволяет ей жить безбедно, то она давно бы кинула этого «безнравственного и слабого тунеядца». Отец редко вступал с ней в пререкания и споры и старался поскорее удалиться в свой кабинет, в котором в последний год жизни очень часто ночевал. Там же он позднее и умер.

Отец очень любил меня, но, бывая дома редко, свою любовь и ласку проявлял чаще украдкой, думая, наверное, что недостойн называться отцом. Будучи уже самостоятельным молодым человеком, я с трепетом бережно вспоминал, как он иногда (это было довольно нечасто) приходил ко мне в комнату, когда я уже засыпал, садился рядом со мной и рассказывал мне разные истории. Обычно он не заканчивал их. Ежедневная защитная усмешка его сменялась такой сердечной улыбкой, когда он смотрел на меня. Его глаза, светившие карим добрым светом, окружённые благородными морщинами, излучали такую сильную отцовскую любовь, что я кидался к нему на шею, обнимал

и целовал его в щёки и колючую, сырую от слёз бороду с криками: «Папка, папулечка, пожалуйста, не плачь!» Папа не мог остановиться, тыльной стороной ладони нелепо смахивая воду, обильно струившуюся из глаз. Я тоже принимался плакать, и он гладил меня по спине рукой, утешая и приговаривая: «Ничего, ничего, всё пройдёт!» Даже сейчас, находясь между небом и землёй, грустно и трудно вспоминать об этом!

Мама же, обращалась со мной всегда ласково, но строго и холодно. Такие в детских сказках иногда встречаются мачехи и нравоучительные матери. Она любила меня. Я – нет. Да, я избегал моей умной и серьёзной матери и очень любил слабохарактерного и порочного отца.

Мама умерла в ночь, когда мне исполнялось тринадцать лет. Зимой. В январе. Помню, был страшный мороз. Поэтому брат матери решил кремировать тело покойной. Мама, успокоившаяся только после смерти, была не против. Дядя забрал меня к себе.

Дальнейшее моё взросление и становление было скучным и неинтересным. Во всём похожий на старшую сестру, дядя был серьёзным, малообщительным и занятым человеком. Поэтому с наступлением совершеннолетия я без труда покинул его дом, получив достойное наследство и переехав в дом, в котором я вырос. Я вёл праздный образ жизни, просяживая деньги налево и направо. Устраивая обильные пиршества с друзьями. Но друзья и пиршества закончились вместе с деньгами. Вынужденный продать огромный родительский особняк с живописным участком у реки, я переехал в город, поступил в университет и пытался работать по профессии. Просуществовав всю свою оставшуюся жизнь, довольствуясь

несчастной односторонней любовью, тусовками, алко-голем, небольшой зарплатой и деньгами с проданного особняка, я умер, не оставив никакого следа, не самореализовавшись и ни разу до конца не прочувствовав жизнь: зелёную траву под ногами, запах весны, свежее дыхание январского мороза. Я умер в больнице в тридцать лет от рака. Начав курить в месяц смерти моего отца, а в дальнейшем просаживая по две-три пачки в день, бросил только за месяц перед смертью.

Умирал, как я уже рассказывал, в больнице. За несколько дней перед смертью, сильно сдружившись с доктором и одновременно писателем, который лечил меня, я, нередко со слезами на глазах, рассказал ему всю мою глупую жизнь, всё более утверждаясь в том, что прожил её никчёмно.

Доктор человек был уже немолодой, лет так пятидесяти шести. Когда-то он был красивым брюнетом, но со временем волосы его начали седеть, и к моменту нашей встречи они были цвета первого снега, именно первого. Тот самый первый снег с проталинками, в которых ты иногда замечаешь чёрную сырую землю. С первой же нашей встречи я удивлялся тому, насколько его глаза были схожи с глазами моего отца. Они были умными и добрыми. Из них словно струился свет жизни и желание всех вылечить, всем помочь. По жизни малообщительный, с доктором я вёл долгие разговоры.

Доктор в разговоре напоминал мне о вере, и я, подумав и вспомнив, что я крещёный, да и испугавшись ада, попросил его пригласить ко мне священника на исповедь. На время исповеди доктор хотел было уйти, но я просил его остаться, и он не отказал мне. После смерти я всяче-

ски напоминал ему о том, что хорошо бы записать услышанное, дав мне вторую жизнь хотя бы в произведении искусства. И вот я, заново рождённый из-под пера писателя и доктора, рассказываю вам свою нравоучительную исповедь.

24.10.2015

ГОРКИ

172 | Детство, где ты, моё детство? словно человек, проснувшийся от страшного сна, в испуге щупающий себя, чтобы убедиться, что он ещё жив, я так же тревожно оглядываюсь по сторонам в поисках яркого, детского света внутри меня и затем вздыхаю с облегчением, понимая, что мои детские годы ещё со мной, что я ещё ребёнок. Всё ещё рядом, здесь, подле меня: мой тёплый дом, моя заботливая семья, моя уютная школа, мои знакомые учителя, мои любимые друзья. Да, кто-то может задаться вопросом: «Почему он называет самых близких ему людей, его семью, лишь заботливыми, а друзей любимыми?» Просто у меня сейчас такой возраст. Я нисколько не принижаю достоинств моей семьи, она великолепна, прекрасна, может, лучшая на свете, потому что, какими бы мы ни были, в нашей семье всегда царили любовь и понимание. Но этот очерк не о них, потому что наступает моя юность, время, когда я постепенно начинаю познавать этот мир не только через книги, фильмы или рассказы старших поколений, но и на своём личном опыте, через свои глупости и ошибки, без которых не обойдётся ни один живой человек. Этот очерк о людях, с которыми в последнее время я становлюсь всё ближе и ближе, о моих дорогих одноклассниках.

Давайте заглянем внутрь нашего коллектива. Так кто же мы такие? Мы обыкновенные шестнадцатилетние подростки, начинающие ощущать на себе первые дуновения свободы, доверия и уважения к нам старших. Это обычная, давно известная всем история: большой коллектив, и все в нём такие разные, и каждый по-своему уникален. Но тем она и потрясающа, что всем так знакома и что её может пережить любой человек. Мы живём, учимся, смеёмся, иногда мы остаёмся в школе после занятий, чтобы поболтать, узнать друг друга лучше, порой – чтобы помочь нашему классному руководителю со школьными делами и с работой по улучшению нашего класса. А бывают дни, когда мы собираемся все вместе после уроков вне школы и волшебным образом проводим время. И я хочу рассказать вам об одном из таких вечеров.

Это было совсем недавно, в феврале. Был вечер выпускников, и наш класс должен был выступить на сцене в честь этого события. За несколько дней до концерта наш режиссёр спрашивала, кто из нас сможет остаться до восьми часов в пятницу. Самые занятые сразу отказались, самые ленивые и хитрые придумали, как бы тактично съехать с этой темы, а самые ответственные согласились, ведь мотивацией было то, что это очень важно для гимназии и что они никак не могут её подвести. Но ответственные тоже делились на два типа: одни согласились, потому что для них это не составляло труда и они вполне могли выполнить эту задачу, то есть по собственному желанию, а другие согласились по неумению отказать, из-за связанности моралью и долгом, а между тем в мыслях твердили: «Чего это я остаюсь, а вон те нет? Будто мне вечером в пятницу нечем заняться». Зависть и досада на занятых

и хитрых. Но им не стоило расстраиваться, ведь вечером их ждала лучшая награда.

Перейдём непосредственно к пятнице. Уроки кончились, кто-то из участников на время ушёл домой, а кто-то остался в школе. Те, кто остался, уютненько сидели в классе, пили чай с соком и вели между собой миленькие беседы. Они обсуждали кино, книги, отвешивали разные шуточки, а затем стали погружаться в воспоминания. В такой атмосфере всегда приятно поностальгировать, в особенности с людьми, с которыми у вас есть общие добрые воспоминания и радостные, вместе пережитые моменты жизни.

174 } Шесть часов постепенно подступали, и все участники уже собрались. Мы пошли в актовЫй зал и сразу зашли за кулису. Прошло минут двадцать, и представление началось. За кулисами мы слышали всё происходившее на сцене: как выступали наши завучи, как вёл концерт наш шепелявенький одноклассник (многие задавались вопросом, как его вообще поставили на роль ведущего, но справился он неплохо), как пели и танцевали. Мы смотрели друг другу в глаза и тоже плясали, громко хихикая и шаркая по полу, под знакомые мотивы, звучащие в зале. А между тем к нам приставили контролёра, который должен был следить, чтобы за кулисами не издавалось ни звука. Это была взрослая женщина, светловолосая, среднего роста и комплекции, в официально-деловом наряде, щёки её были припухлы, словно две пампушки, а светлые глаза искрились каким-то весельем. Да, мы шумели, громко говорили, и она постоянно шикала, цыкала на нас, поднося указательный палец к губам, и делала нам замечания, но в то же вре-

мя снисходительно смотрела на нас и сама улыбалась и посмеивалась.

Концерт подходил к концу, и остался лишь наш, последний номер. Мы вышли на сцену, думая, что на нас будет смотреть большая публика, а оказалось, что сидело меньше половины зала. Мы быстренько отыграли свой номер и ушли. После этого мы ещё немного побродили по школе, будто бы выполняя наши обязанности дежурных и следя за гостями (но зачем следить за взрослыми людьми?), потом поболтали с классным руководителем по поводу проблем в нашем классе и уже через полчаса стали собирать вещи.

– Пойдёмте на горку? – предложил я, оглядывая ребят и не желая в таком настроении покидать друзей.

– Да поздно уже, – говорили одни.

– Да, завтра дел много, – подхватывали другие.

В таком случае стоит лишь одному человеку поддерживать идею, и все потихоньку согласятся. Так и случилось:

– Хватит вам, ребята, сегодня вечер пятницы! Как можно идти домой?

Так ценой небольших усилий мы всё-таки собрали группу из тринадцати человек и отправились на горки. Шли мы с четверть часа и, добравшись, скинули свои сумки и рюкзаки на землю, а затем начали решать, кому ехать первым. Недолго думая, наш бравый друг кавказских кровей, словно лев, повёл свой прайд за собой и первый на вернулся на льду с криками: «Детка, давай за мной!» И так постепенно робевшие и озябшие девушки начали съезжать с горки друг за другом. Веселье началось.

Сначала мы ездили по одному, потом начали собираться кучками, смех лился, все улыались и радовались. На са-

мой вершине горки нужно было искусно проползти, чтобы не поскользнуться, но многие всё равно падали и отбивали свои мягкие места, но это было неважно, все словно не чувствовали боли, словно хотели получать её, так уж было приятно. Мороз был сильный, ветер дул ужасно, но нам, с раскрасневшимися и вспотевшими лицами, было не до этого, мы уже собрались в целый паровоз и стремительно падали вниз, теряя вагоны, которые слетали с пути раньше времени, оставаясь по бокам дороги. Кто-то ещё не успел выбраться с трассы, а сверху уже неслись с криками «Посторонись, осторожно!» поднявшиеся ребята. Они врезались в нашу кучу, сталкивали только вставших и начинали безудержно хохотать. Поднимаясь наверх, мальчики, пользуясь превосходством в росте и силе, спихивали девчонок вниз, а те как бы пытались удержаться, хотя сами понимали, что им не устоять. Но некоторые особо крепкие, нет, не то, чтобы удерживались, но им удавалось прихватить хоть одного мальчика с собой.

Перчаток у меня не было, и я, взглянув на свои кроваво-красные руки, решил засунуть их в карманы и немножечко постоять. В это время мимо нашей компании насторожённо прошёл маленький мальчик с зелёной ледянкой, и одна из наших девочек (та, что особо крепкая), увидев это, решила войти к мальчику в доверие. Это было похоже на программу «В мире животных», когда пытаются привлечь пингвина рыбой, так же и наша одноклассница, протянув к ребёнку руку, начала с ним ласково и глуповато сюсюкать и выпрашивать у него ледянку. Мальчик посмотрел на неё, словно на сумасшедшую, и только чтобы от неё избавиться, он расстался со своей любимой ледянкой. Та, гордясь своими коммуникативными

способностями, не теряя ни минуты, подложила под себя эту доску и понеслась вниз, держась за ручку, на огромной скорости. Все мы очень смеялись над этой сценой.

После этого мы ещё долго катались совершенно разными способами. То парами, то тем же паровозом, то шеренгами и линиями, то безобразными кучами, то вниз головой, то на спине, то подкручиваясь, то сидя, то на ногах. Я полностью отбил своё тело и приморозил руки и ноги, вся одежда моя была мокрая и в снегу. Но тут вдруг я смутно стал видеть вдалеке какое-то красное пятнышко. «Что-то знакомое, – подумал я. – Может, Глеб. Да нет, какой там, не он». Но ребята начали кричать: «Глеб! Глеб, иди к нам», и я понял, что это он. Мы набросились на него, а он, ошеломлённый, увидев нас, зачем-то начал убегать, смеясь и проклиная нас всеми чертями. Затем мы догнали его, и он, выбравшись из сугроба, куда мы его запихнули, начал кататься с нами.

} 177 }

Какое счастье я испытал тогда: вот они, мои друзья, некоторых нет сейчас, но ничего, значит, так надо. Я был так рад тому, что нам удалось наконец-таки вырвать наших вечно занятых всякими курсами и занятиями одноклассников на волю, что сейчас все наслаждаются ребяческим смехом и весельем, что мы смогли показать самим себе, что мы ещё дети.

После этого мы пошли в ближайшее кафе, выпили по чашечке кофе, согрелись и, с благодарностью и любовью посмотрев друг другу в глаза, разошлись по домам в великодушном расположении духа.

Детство, где ты, моё детство? Я не сплю, я чувствую: ты здесь, ты рядом, в моей памяти и в моём сердце, совсем близко.

29.10.2015

Я ПРИНЁС ВАМ КОФЕ

Жизнь вообще грустная и тяжёлая штука. Сегодняшний день мог бы быть и хорошим, но всё же под вечер я сломался из-за того, что понервничал и начал злиться на глупую бюрократическую российскую систему. Но всё-таки, как бы ни был тяжёл день, со мной произошёл интересный случай и у меня состоялся интересный диалог, который стоит отметить и записать.

На лекцию я опоздал: ходил за кофе. Преподаватель глянул на меня тяжёлым и презрительным взглядом. И сказал что-то вроде: «Ну ладно уж, заходи». На лекции мы с подружкой и вправду иногда бывали слишком шумными, поэтому под конец лекции у преподавателя, вследствие первого или в совокупности с последним фактом (он будет ниже), преподаватель вышел из терпения и он сделал замечание. Вышел же он из терпения из-за того, что подружка уронила пустую бутылку и, доставая её, создавала массу неудобств окружающим и жуткий шум. Сергей Александрович (кстати, преподавателя зовут именно так) заметил:

– Вы всю лекцию мешаете проведению занятия, сбивая его ритмику и совершенно не входя в его такт.

Я отвечал (по глупости):

– Извините, но сейчас эту ритмику сбиваю не я, а моя соседка. Прошу извинить её.

– Не надо сваливать на других людей вину за свои промахи.

– Так я и не сваливаю...

– И говорить о другом человеке в третьем лице, да и обращаться «соседка» очень некрасиво и неуважительно!

– Так это же было сказано в качестве шутки...

Здесь я развёл руками, моё лицо выражало крайнее удивление, а на губах и в глазах бегал язвительный бес смеха.

– И не надо оправдываться и спорить!

– Так я и не оправдываюсь! – При этих словах я усмехнулся и покачал головой.

– А сейчас вы чем занимаетесь?

Я на это опять усмехнулся и, положив голову на парту, замолчал.

Друг посоветовал купить ему и себе кофе и принести на следующее занятие со словами: «Я принёс вам кофе с извинениями за своё хамство и грубость». Так и сделаю. А впредь надо быть умнее!

13.10.2015

МЕЛОДИЯ ДОЖДЯ

179

Капли били по лицу и закрытым глазам человека. Он слушал, как начинается дождь, медленно и неуклонно возрастала его сила. Маленькими и редкими каплями он словно извещал мир о том, что сейчас с неба прольётся вода. Ветер, словно испуганный зверёк, сжался до крошечных размеров и спрятался. Исчез. Хоть листья деревьев шумели, как при сильном ливне, капли нечасто попадали по человеку. Он ловил их губами и смеялся. Он был счастлив. Счастлив оттого даже, что мог видеть серое, тёмное, ночное небо. Слышать спрятавшийся ветер и шум дождя по мокрому и пока ещё зелёным листьям. Ощущать тёплые капли, лениво, медленно, словно нехотя, падающие с неба на лицо. Этот приятный массаж успокоил и уложил на самое дно души все его проблемы. Непотушенная сигарета

улетела куда-то в темноту. Оно и не важно. Сейчас важнее это сближение с природой и ощущение чего-то необычайного. Природа открывает свои тайны. Нужно только поймать этот момент. Насладиться им, понять что-то необычайно важное, что сейчас понял человек.

Как важно искать в каждом прожитом дне красоту. Видеть её всегда. А не задыхаться в поисках того, как лучше, побольше и полегче удовлетворить свои потребности.

Я – художник своей жизни, как и человек, который сейчас уходит по аллее, медленно ступая по разноцветному ковру кленовых листьев. Он улыбается, ведь он творец, созидатель. Он гораздо умнее всех тех, кто впустую задыхается в тесных стенах кабинетов. Ведь его голова и руки работают не вхолостую. Дождь для него не неприятность. Он вскинул голову к небу, с которого сейчас опять проливается новая порция воды.

Все люди в городе боятся дождя, боятся, что он промочит их и без того мокрые от бессмысленности головы. Не боятся дождя только дети, которые ещё не потеряли эту связь с природой, да художники, писатели, музыканты – одним словом, созидатели, конструкторы своего собственного мира.

Творчество для них – это потребность, они не видят смысла в пустом просиживании жизни. Когда другие боятся, они любят, отдаются полностью со страстью, присутствующей лишь творческой личности.

Они всегда путешествуют, даже во сне, ведь их сны – это новый девственный мир, в котором они проживают каждый раз новые невероятные истории, а они подчас чувствуются полностью, как будто это реальность. Сон

художника чист и многогранен. Как и само сознание творца...

Но их аккорд для окружающих лишь пустота, которую они никогда не услышат, которую никогда не прочувствуют, которая никогда у них не переродится в мелодию. Её способен услышать лишь такой же человек. Я не такой, как вы. Я слышу её каждый день, каждый час, каждое прожитое мгновение. Услышал и сейчас сыгранную уже мелодию дождя в уходящем счастливом человеке...

16.10.2015

10 «А»!

Как же приятно посидеть после уроков в своём родном классе, в окружении чем-то занятых одноклассниц и учителя, не жалеющего ни секунды своего свободного времени, только лишь чтобы просветить, сплотить столь любимый ею коллектив. В каждом слове, написанном на доске, в каждом шкафу, обогащённом книгами и различными символами побед учащихся здесь обитателей, в каждом растении, взлелеянном и выращенном заботливыми руками, чувствуется любовь и преданность неутомимого классного руководителя.

Уже совсем созревшие девушки, цветущие и привлекательные, неосознанно радуются этим минутам, проводимым ими в благом труде и в окружении добрых и ласковых подруг. Кто-то из них с серьёзным видом сидит за столом, рисуя на бумаге для стенда и внутренне улыбаясь блаженству картины домашнего очага; кто-то суетливо перемещается по всему кабинету с блестящими, большими, широко раскрытыми голубыми глазами, делая дела то

в одном углу комнаты, то в другом, и при этом неуклюже, но очень мило споткнувшись и ударившись о парту; кто-то, занятый умственной работой, сидя рядом с чутким преподавателем, под руководством которого всё возможно, разбирает только написанные олимпиады; а кто-то занимается уборкой этого волшебного и гостеприимного места под названием «класс».

Но все они бросают свои дела, чтобы посмотреть видеозапись, сделанную во время их недавней поездки. Они улыбаются, смеются. В эти секунды они по-настоящему счастливы.

И я здесь, я рядом, наблюдаю эту столь согревающую сцену нашей жизни. Меня зовут, и передо мной стоит выбор: быть с ними и погрузиться в эту атмосферу счастья или так и остаться сторонним наблюдателем чужой радости, не тревожа человеческого покоя.

Жаль, что здесь не все. Нет громкого хохота мальчишек, так не хватает их шумной и порой утомляющей шаловливости. Хотя, может, так и надо.

В этом году этот класс только сформировался, и теперь сюда прибыли новые гости. Кто-то, может, прохладно, а возможно, и враждебно отнесётся к новичкам, не согласившись с тем, что теперь мы едины. Но я с чистой доброжелательностью и с уже образовавшимся за эти полтора месяца чувством привязанности к ним могу сказать, что мы их ни на кого не променяем и ни за что их не обидим. И теперь я с искренней гордостью молвлю наше имя: Ю «А»!

ОНА ЕЛА ЯБЛОКО

Вокзалы. Они вводят меня в отчаяние, заставляют задать себе вопрос: «Для чего?» Толпы людей, их уставшие глаза, руки с деньгами и документами, сутолока, споры всегда очень утомляют меня. Люди суетятся, спешат куда-то, впрочем, как и везде в городе. Может, поэтому такие места вызывают у меня отвращение.

Если бы вокзал был человеком, он был бы самым несчастным существом на свете. Представьте, каждый день смотреть огромными застеклёнными глазницами на этих торопящихся людей (тысячи приезжающих и уезжающих), но никто никогда не остановится ни на секунду, чтобы поприветствовать его, отдать дань почтения. Прокходной двор...

Но это всё лишние сантименты.

Сегодня утром, когда я спешил к вокзалу, меня здорово позабавил один случай. Я шёл по магистрали. Несмотря на раннее утро, уже жутко пекло. Я смотрел на мир из-под насупленных бровей: слишком плохо начинался день. Утренняя ссора с отцом, потом серьёзный разговор с мамочкой. Правда, плюсом был Чарли Чаплин и вкусные блины. Но Чарли остался дома на телеэкране, а блины уже успели перевариться, и живот, урча, напоминал мне, что неплохо было бы снова подкрепиться. С таким настроением с животом, бровями, солнцем и грустными мыслями, неся тяжкую ношу, хоть и медленно, но неуклонно продвигались к цели.

Моя левая, а то и частенько подключавшаяся правая рука неустанно находилась в положении, параллельном дороге, просто я так голосую. Но, как и следовало этому месту и времени суток, народ не особо жаловал меня сво-

им вниманием, поэтому я шёл и наслаждался угрюмой толпой россиян, неторопливо идущих на работу на местный завод.

Капля за каплей отчаяние уже стало пробивать меня, хотя я упорно продолжал голосовать, притворяясь подбитой птицей. Тогда и появился серебристый автомобиль с двумя ангелицами на передних сиденьях. Замигал поворотник, машина стала медленно съезжать на обочину. Моему счастью не было предела. Я так обрадовался милотвидным девушкам и надежде добраться с ними до станции, что подпрыгнул на месте и первый раз за утро улыбнулся. Но машина медленно и коварно проползла мимо и свернула направо.

184 } Направо! Представляете, какое я испытал разочарование? Смех девушек был слышен из-за закрытых стёкол, судя по их довольным, злорадным лицам, вид у меня был растерянный и расстроенный.

Контраст и переход от одной эмоции к другой были столь замечательными, что немного после я и сам рассмеялся, представив эту картину со стороны. Но в тот миг я стоял сконфуженный и обиженный на шутниц.

Позднее в голове промелькнуло сравнение: миниатюра – Америка, ковбой у «однорукого бандита». Вот впервые в его жизни на табло высвечиваются три семёрки. На лице американца мы видим сначала недоумение, испуг, потом дикую радость, огромные счастливые глаза. Он ликует! Но, когда ковбой на седьмом небе от счастья, машинка щёлкает, и «семь» сползает вниз...

Приблизительно такое же, забавное со стороны состояние было у меня в тот миг. А звонкий смех девушек долго звучал в моих ушах.

Но этот случай меня развеселил. Я продолжал птицей парить по дороге, размахивая сумкой, улыбаясь и смеясь про себя забавному случаю.

Мои старания, а может, весёлую безобидность заметили люди на белом «Ауди» и довели до моей конечной цели. Водитель – не особо разговорчивый, но доброй души человек – уже вёз одного пассажира, в противоположность ему – чрезмерно болтливого. Он непрестанно удивлялся тому, что его подвезли, несмотря на то что он не голосовал. Неизвестный был уже в летах. У него были голубые наивные глаза. С большим увлечением он за пять минут рассказал мне про себя, про мать, к которой ехал в больницу, и про то, как она запрещает навещать её. Такая искренняя сыновья забота о матери тронула меня, хотя, мельком посмотрев на него, сразу не подумал бы ничего такого. Всё-таки как многогранен человек!

185

Весёлая болтовня немного смутила. Видимо, заметив это, он, пожелав удачи, распрощался со мной. Причём исчез он незаметно, прямо в стиле хорошего триллера. Бывают же такие люди...

Прошло часа три, может, чуть меньше.

Я бежал, спотыкался, задевал людей, причиняя им неудобства, в общем, спешил. Поезд отходил меньше чем через четверть часа, а я даже не знал, где его искать. Я проклинал всё на свете и ругался на себя. Навстречу мне попадались хорошие люди, которые, замечая мой растерянный вид и испуганные глаза, указывали мне дорогу и улыбались, поторапливая. Мои кеды отстукивали ритм, который не вливался в общую дробь мерно шагающих людей. Бежал один я. Наконец-то вижу поезд. Вагоны номер 13, 12, 10. Девушка-проводница. Улыбка. Билет.

Я сижу. Перевожу дух, устало кладу паспорт и билет на столик, снимаю очки, здороваюсь со старушкой, сидящей напротив. Она улыбнулась в ответ. Помолчав чуть-чуть, шумно выдохнув, начал разговор:

– Фух, чуть не опоздал!

Она, продолжая улыбаться, ответила:

– До отправления ещё целых 15 минут!

Её улыбка подкупила меня.

Согласившись с ней, погрузился в размышления. «Она напоминает мне ту самую старушку из экранизаций русских сказок», – вдруг осенило меня. «Как же её называют? Сказительница!» – вспомнил я и устало откинулся на спинку сиденья.

186 | «...Ещё целых 15 минут». Она мирно ела яблоко и, продолжая улыбаться, расспрашивала меня обо всём сразу. «Всё-таки мы живём в сказке! – думал параллельно я. – И сказка эта со своими волшебными причудами».

Бабушка доела яблоко и, заметив мой усталый вид, приняла такую же расслабленную позу.

Я закрыл глаза...

«Сказка весь мир. Сказка. Просто люди перестали это замечать», – подумал я и улыбнулся глупо и, наверное, наивно, совсем не думая о том, что подумают обо мне окружающие.

Глядя на бабушку, которая ела яблоко, я вспомнил, что вся наша жизнь, по которой я пробежал в течение дня, началась именно с женщины, которая тоже когда-то давно ела яблоко...

МАШЕНЬКЕ

Любовь.

Я долго не верил в неё.

Я смеялся над теми, кто что-то пытался рассказать мне про то, что происходит с человеком под действием этой маленькой весны.

Я не верил и смеялся.

Я был так глуп тогда.

Я не понимал, как это прекрасно и свято.

В моей голове сейчас постоянно звучат слова из песни «Просто такая сильная любовь», но под действием эмоций и чувств слово «сильная» стало «странная».

Да, как вы поняли, я полюбил. Полюбил всерьёз и в первый раз.

Я не могу понять, что со мной. Не могу поверить, что это происходит именно со мной. Меня накрыло новое и доселе неизвестное мне чувство: я как будто пьян, как будто нахожусь под действием наркоза.

Её улыбка и смех завораживают меня. Жду их с нетерпением морского берега, который мечтает о приливе в часы отлива. Жду с нетерпением соловья, который находясь зимой в дальних тёплых странах, в мечтах о любимой русской весне посвящает ей песни.

Её глаза цвета предгрозового неба – они великолепны. Я полностью погружаюсь и растворяюсь в них. А когда наши взгляды пересекаются, то теряю голову.

Я люблю её, каждую частичку её тела и всю полностью. Я кинулся вниз головой в этот известный мне ранее только по описаниям чудесный океан любви. Я бесповоротно и окончательно понял одно – я люблю её такой, какая она есть.

Люблю её смех, волосы, руки. Мне плохо, когда её нет рядом. В груди что-то томительно и больно сжимается, когда я по какой-либо причине не могу поцеловать её разозлённые губы, обнять или взять за руку.

Когда она обижается, мне кажется, что всё потеряно, что больше я не смогу жить. Я готов извиняться миллион раз за малейшую глупость с моей стороны, а извиняюсь я только перед дорогими мне людьми, перед теми, за чью жизнь я боюсь.

Все мои мысли только о ней одной. Я постоянно и везде ищу запах её тела. Мне хочется постоянно держать её в своих объятиях, прикоснуться губами к волосам, щекам, губам.

188 | Я схожу с ума от одной только мысли, что она меня не любит.

| Но это не так. Я чувствую, что это взаимно, ведь у неё точно так же что-то болит в груди и с силой сжимается от счастья, от волшебства, сказочности и невероятности происходящего.

Её мысли, смех, чувства, слова такие же, как у меня. Мы понимаем друг друга с полуслова. Мы никогда не можем выиграть друг у друга, когда играем в смешную, детскую игру «Камень, ножницы, бумага». Ведь она словно моё отражение.

Она любит и слушает такую же музыку. Она так же независима от мнений этого грязного мира. Она невероятно красивая и чудесная девушка. Я хочу постоянно быть с ней рядом.

Раньше я не любил осень.

По странному стечению обстоятельств именно в этом году я прочувствовал всю прелесть и красочность этого

времени года. Я впервые узнал, с каким ярким треском горит сентябрь. Впервые услышал, с каким ленивым щелчком сбрасываются листья, и увидел, как они грациозно парят в утреннем морозе октября. А в ноябре я впервые познал чувство бескрайней любви.

Раньше ноябрь был, наверное, самый мой нелюбимый месяц, после февраля.

Но теперь я люблю его так же сильно, как люблю мою девушку, именно в этот месяц, первого числа, началась наша история. Сейчас он мне кажется огромным 30-дневным другом, богом, существом, которое исполняет желания.

А по сути, это один из тех великолепных месяцев, когда происходит переход из одного времени года в другое. Деревья уже без листьев, голые, как моя душа под взглядом любимой. Ещё не так холодно, но по иногда ударяющему морозу чувствуется приближающаяся зима. А он, проказник, играет с нами и заставляет терпеть до настоящего снега, до декабря.

Первый раз я увидел её 31 октября на перроне вокзала. Мы ехали в одном поезде, в один город. Сложно сказать, что я подумал, когда впервые разглядел её взгляд и насмешливую улыбку. Могу сказать только одно: когда я вошёл в вагон, то ни разу до утра не вспомнил о её существовании, ни разу не подумал, что эти небрежно брошенные взгляды выльются во что-то более глубокое.

«Что же это за город?» – спросите меня вы.

Скажу одно: это замечательное место с великой историей и великолепной архитектурой. Я влюбился в него с первого моего приезда, когда я был ещё совсем малышом и плакал оттого, что устал и не хотел гулять по его ночным улицам с моими дорогими родителями.

Когда я подросток, то захотел остаться там навсегда, врати в гранит, который омывает Нева. Стать серым пасмурным небом над Петропавловской крепостью. Пронизывающим ветром, который, кажется, так и хочет то ли сдуть тебя в вышеупомянутую реку, то ли слиться с тобой в единое целое и понести тебя, показывая каждый закоулочек и рассказывая каждую необыкновенную и завораживающую тайну города.

Как вы поняли, этот город – Санкт-Петербург, или Петроград, или Ленинград, кому как нравится.

Как я уже говорил выше, я всегда любил этот город, всегда говорил о моих чувствах к нему с непередаваемым восхищением.

190 | Но теперь, когда я с уверенностью могу сказать, что люблю эту девушку, то могу утверждать, что во многом помог в этом и Петербург, который открыл её для меня. Он стал тем самым сказочным местом, в котором и случается обычно волшебство.

Тогда я полюбил его ещё сильнее, проникся чувством уважения к нему, как к волшебнику. Увидел в нём не только прекрасный город с многовековой историей, но и доброго старшего товарища, который никогда не предаст. Я наконец-то увидел и до конца познал необъятную душу «Петра творенья». Узнал, на какие шалости он способен.

Он вместе с ноябрём подарил мне любовь, прося только о взаимности. Я верю, её мне подарит моя девушка – самая лучшая на свете.

Я люблю тебя, Машенька.

17.11.2015

Тан рас, а
у бугги ед.

1

Расскажи о событиях,
которые произошли
в России, а именно
о своем рожденьи
ебем, о своем
учении в группе
страны, так как
каждый человек
на Земле.

Всегда помните,
что вы живете в мире
и при этом вы
вместе; мы все
вместе и это то

о своем рожденьи
ебем и о том, что
в группе страны
в которых и
наших.

Помните, что
каждый человек
имеет право —
беза каких-либо
и ему нечего
— это то, что
всегда и никогда
не и никогда

он слова на
Расскажи.

КИНОСЦЕНАРИЙ

ПИСЬМО

Реж. вариант

ИНТ. ТЕАТР. КУЛЬМИНАЦИЯ СПЕКТАКЛЯ

Зрителю открывается театральная сцена, на которой происходит кульминация спектакля (пока ещё не ясно, какого именно, станет понятно – тогда подберём музыку в начало фильма).

КАМЕРА пролетает над головами театральной публики, показывая действие на сцене, залетает на сцену и показывает зрителю действие спектакля сверху; разворачивается, опускается на сцену и начинает медленно возвращаться к театральной публике.

Теперь зритель видит происходящее глазами актёра, находящегося на сцене.

КАМЕРА медленно начинает приближаться к Серафиму, сидящему в первом ряду, рядом со своими одноклассниками. Мы видим лицо Серафима. Глаза его устремлены на сцену, по звукам зритель догадывается, что на сцене что-то произошло нехорошее.

Глаза Серафима крупным планом. Вдруг Серафим резко зажмуривает глаза. КАМЕРА гаснет вместе с закрытием глаз Серафима. Зритель видит тёмный экран, звук постепенно угасает.

ИНТ. КОМНАТА СЕРАФИМА. УТРО

Поверх угасающих театральных звуков (возможно, звуки аплодисментов) накладываются звуки природы – пение птиц.

Тёмный экран постепенно светлеет. Одновременно с громким звуком падающего с крыши снега зритель снова видит крупным планом глаза Серафима, освещённые дневным светом. Они открываются и смотрят прямо в камеру.

Здесь на камеру уже наложен эффект, делающий все цвета приглушёнными и не такими яркими, как обычно.

КАМЕРА медленно поднимается над лицом Серафима. Зритель видит мальчика полностью.

Некоторое время мальчик лежит в кровати без движения, затем резко поднимается на кровати, берёт с кресла, стоящего рядом с кроватью, шерстяной свитер и натягивает его через голову на голое тело.

КАМЕРА всё это время медленно опускается на уровень нормального человеческого взгляда.

Серафим чихает.

КАМЕРА, вместе с этим чихом медленно поворачиваясь, показывает зрителю комнату Серафима. Шкаф с книгами, белые стены с картинами, дверь, затем письменный стол. До зрителя доносятся звуки – люди готовят завтрак за дверью. Зритель также слышит, как одевается Серафим.

КАМЕРА показывает зрителю почти всю комнату Серафима. И в то время, когда она показывает письменный стол Серафима, мы уже видим, как одетый Серафим стоит у стола и смотрит за окно комнаты.

КАМЕРА показывает Серафима, смотрящего в окно, сбоку медленно снимается эффект приглушённости красок, так же медленно приближаются глаза сбоку.

КАМЕРА разворачивается к окну. С камеры полностью снимается эффект приглушённости красок, они кажутся зрителю красивыми, ярко выраженными.

Зритель видит пейзаж с птицами, ярко искрящимся снегом, солнцем и сосульками. Зритель слышит звук отодвигающегося стула и шуршание бумаги.

КАМЕРА теперь разворачивается к Серафиму. Снова накладывается эффект приглушённости красок.

Зритель видит мальчика, который торопливо пишет что-то на бумаге. Вдруг Серафим резко поднимает голову и взгляд на камеру. Серафим смотрит прямо на зрителя. Потом поднимает взгляд выше камеры, жмурится от солнца.

СЕРАФИМ (чесет затылок, говорит сам себе). «Нет! Нет!». (Черкает на листе, рвёт его и вырывает новый.)

Серафим продолжает сидеть за столом, держа в правой руке ручку, и с недоумением смотрит на чистый тетрадный лист. В это время зритель слышит звук открывающейся двери.

КАМЕРА разворачивается, и зритель видит, как бы через Серафима, старшую сестру Полину, которая заходит через дверной порог.

ПОЛИНА (складывает руки на груди и опирается на косяк). Серафим, доброе утро, давно проснулся? Пора собираться и выходить на завтрак.

КАМЕРА отодвигается, и мы видим спину Серафима и Полину в двух разных концах экрана.

СЕРАФИМ (вдруг при словах Полины начинает быстро писать что-то на бумаге). Да, хорошо, я скоро выйду.

Полина меняет позу и хочет пойти к Серафиму за спиной. Серафим закрывает написанное рукой и смотрит снизу вверх на Полину.

КАМЕРА приближается, мы видим лица брата с сестрой в профиль, они напряженно смотрят друг на друга. Полина смотрит на брата сверху вниз.

ПОЛИНА. Что ты пишешь?

СЕРАФИМ (почти огрызаясь). Письмо пишу, не мешай, пожалуйста. Я сейчас приду.

Полина несколько секунд смотрит на брата, разворачивается и уходит.

КАМЕРА, следуя за сестрой, не показывает того, как за ней закрывается дверь. Всё это время мы видим лицо Серафима, который следит за тем, как уходит сестра. Зритель догадывается по звуку, что дверь закрылась.

КАМЕРА приближается к Серафиму и поднимается над его головой. Мальчик перечитывает написанное им. Зритель не видит, что написано на листе. (Возможно, что он увидит только первую фразу: «Мама!».)

Серафим осторожно кладёт ручку на стол, закладывает лист в тетрадь. Встаёт из-за стола и идёт прямо на камеру.

ИНТ. КУХНЯ, ГОСТИНАЯ. ВСЁ ЕЩЁ УТРО

КАМЕРА пропускает Серафима и вместе с ним выходит в зал. Зритель видит спину, голову Серафима и завтракающих людей. За столом находятся Полина и ещё несколько человек. Все они, кроме Полины, смотрят на него испуганно и на некоторое время прекращают есть.

КРЁСТНАЯ. Доброе утро, Серафим!

КАМЕРА разворачивается вместе с Серафимом. Зритель видит приближающуюся Крёстную, которая за руку ведёт Машу – младшую сестру Серафима. (Крёстная улыбается грустно, но одобрительно. Глаза Маши заплаканы, она постоянно шмыгает носом.)

СЕРАФИМ (не улыбается). Доброе утро, Крёстная.

КАМЕРА разворачивается на его словах, Крёстная с Машей проходят мимо, мы видим лицо Серафима.

Крёстная усаживает Машу за стол и накладывает овсяную кашу Маше и Серафиму.

КАМЕРА медленно объезжает стол и останавливается за спиной Крёстной и Маши, которую кормит Крёстная. Напротив мы видим Серафима, который быстро съедает свою кашу и встаёт из-за стола.

КРЁСТНАЯ (подносит ложку с кашей ко рту Маши, которая капризничает и не хочет есть). Серафим, покушай ещё, день долгий будет, а на улице мороз.

СЕРАФИМ (ставит тарелку в посудомоечную машину). Спасибо, Крёстная, но я уже сыт. (Серафим быстро уходит в свою комнату, ни на кого не смотря.)

КАМЕРА следует за Серафимом. Серафим заходит в свою комнату, дверь закрывается перед камерой. На двери висит восклицательный знак.

КАМЕРА медленно приближается к нему.

Затемнение экрана.

НАТ. АЛЛЕЯ, ДОРОГА К ХРАМУ. ТЕМ ЖЕ УТРОМ

Пасмурная погода (возможно, что всегда будет солнце, попробуем несколько вариантов).

КАМЕРА стоит в начале аллеи. Аллея очень длинная. В конце аллеи появляются люди. Они медленно идут по снегу. Постепенно они приближаются к камере и проходят её. Люди идут молча, каждый смотрит себе под ноги, лица их напряжены и суровы. Самым последним идёт Серафим, он ведёт Машу за руку. Маша больше не плачет. КАМЕРА следует за Серафимом с сестрой.

КАМЕРА сначала опаздывает, а потом обгоняет их и показывает лица брата и сестры. Их глаза.

КАМЕРА постепенно обгоняет всех людей, идущих по дороге. Мы видим лица каждого из идущих. Мы видим, как крестная идёт рядом с Полиной и отцом Серафима. Они идут первыми. Зритель внимательно смотрит на их лица.

Всё это время играет классическая музыка (скорее всего, что-то из третьего фортепианного концерта Рахманинова или «Времена года» Чайковского – «Январь», но это не точно).

Вдруг КАМЕРА разворачивается, и мы видим церковь, около которой очень много машин.

Люди так же по очереди проходят мимо камеры и заходят в церковь.

КАМЕРА заходит в церковь после людей.

ИНТ. ЦЕРКОВЬ. УТРО

Внутри церкви толпится народ.

КАМЕРА сразу же после попадания в церковь взмывает в воздух над людьми, и нам показывается роспись внутри храма (в другом храме снимать будем внутреннее убранство, не в нашем).

КАМЕРА медленно плывёт по кругу и вдруг опускается прямо перед Серафимом.

Серафим продолжает держать за руку Машу. Вдруг он на что-то внимательно смотрит. Зритель заинтересовывается.

Серафим отпускает руку Маши и смотрит на Крестную, стоящую рядом с ним. Она смотрит туда же, куда и Серафим. Потом смотрит на Серафима, кивает одобрительно и берёт Машу за руку.

КАМЕРА отодвигается от Серафима, и мы видим, как он идёт к отцу.

Постепенно, по мере приближения Серафима, его шаг замедляется. Почти в самом конце пути он замирает и поднимает голову на отца, смотрит на него и осторожно дотрагивается до его руки. Отец смотрит на сына сверху вниз.

КАМЕРА медленно приближается к ним и поднимается в воздух, кружась. Нам показывается, как они стоят вдвоём, глядя друг на друга, окружённые толпой людей.

КАМЕРА медленно размывает, происходит затемнение.

НАТ. ЭЛЕКТРИЧКА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

КАМЕРА некоторое время размыта (либо нам показывается окно с проносящимся видом), мы только слышим голос женщины, объявляющей следующей станцией Тучково. Затем электричка начинает движение.

КАМЕРА фокусируется на Серафиме, который смеётся вместе со своими одноклассниками над какой-то шуткой; отдаляется от ребят и движется дальше по вагону, заглядывая в каждый из проёмов с сиденьями, где сидят люди и занимаются своими делами. Кто-то читает, кто-то спит, кто-то слушает музыку в наушниках. Где-то сидят бабульки, обсуждающие зиму и морозы, болтающие о каких-то насущных делах. В конце вагона сидит группа студентов, которые смеются над рассказом парня о его любовных похождениях. Шум электрички, голоса ребят, бабулек и детей создают общий шум любого вагона.

КАМЕРА начинает возвращаться к Серафиму и его одноклассникам, которые прощаются с ним. Классная руко-

водительница внимательно смотрит на Серафима. Серафим перестаёт улыбаться.

КЛАССНАЯ РУКОВОДИТЕЛЬНИЦА (стоит рядом с лавкой, на которой сидит Серафим, у неё обеспокоенный вид и взгляд). Серафим, доедешь до дома – напиши эсэмэску, хорошо?

КАМЕРА показывает нам общий план. Мы видим учительницу и мальчика посередине экрана.

СЕРАФИМ (кивает). Да, хорошо, напишу. До свидания!

КЛ. РУК. (поезд замедляет ход, открываются двери, дети выходят). До свидания! Папе поклон передавай!

СЕРАФИМ. Хорошо! До свидания! Надеюсь, что ещё съездим так же на спектакль!

Классная руководительница улыбается и выходит.

КАМЕРА приближается к Серафиму, который прижимается к стеклу, прикрывает одной рукой стекло, чтобы лучше видеть ребят, а другой машет.

КАМЕРА останавливается на уровне стекла и показывает эмоции Серафима. Он улыбается, машет рукой.

Поезд начинает движение. Голос объявляет следующей станцией Дорохово. Мальчик откидывается на кресле, достаёт телефон и что-то пишет кому-то. Некоторое время он погружён в это занятие. В вагоне стало потише (ушли студенты, бабки остались, так что слышен только шум электрички). Серафим отрывается от телефона и смотрит на своё отражение в стекле.

КАМЕРА становится под таким ракурсом, что видно спину и голову мальчика и отражение его лица в стекле. Серафим хмурится.

КАМЕРА медленно приближается к Серафиму. Вдруг мальчик опять резко смотрит прямо в камеру, его глаза блестят, как будто он готов заплакать.

КАМЕРА достаточно быстро отодвигается назад. Мальчик снова смотрит на своё отражение.

КАМЕРА продолжает снимать мальчика с того же ракурса. Поезд замедляет движение, голос снова объявляет: «Дорохово». Мальчик встаёт, берёт портфель в руку и идёт в тамбур.

КАМЕРА идёт впереди него, у самых дверей пропускает Серафима, он открывает дверь в тамбур, камера снимает его спину. Двери открываются. Мальчик выходит.

НАТ. ПЕРРОН, УЛИЦА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

КАМЕРА выходит вслед за ним, отодвигается и сразу же показывает общий план. Под фонарём стоит отец, одетый в чёрное длинное пальто (возможно, что в военную форму при параде), смотрит на мальчика, который держит портфель руками за лямки и смотрит на отца. Идёт снег. Несколько секунд стоит полная тишина, прерываемая только урчанием стоящей электрички.

Двери закрываются. И в этот же момент всё приходит в движение. Отец делает шаг навстречу к Серафиму, Серафим делает шаг навстречу к отцу.

ОТЕЦ (кашляет в бороду и протягивает руку, чтобы взять портфель). Ну как съездили?

СЕРАФИМ (отдавая портфель и подстраиваясь под шаг отца). Хорошо съездили – весело было.

ОТЕЦ. А что за постановка была?

СЕРАФИМ. Я же тебе говорил уже, пап!

ОТЕЦ (снова кашляет в бороду). Да? Гм, точно-точно, припоминаю, ты мне это уже говорил.

Некоторое время отец с сыном идут молча.

КАМЕРА едет перед ними.

СЕРАФИМ (смотрит на отца снизу вверх). Ну, пап, ну чего ты молчишь! Как дела? Мы завтра поедem к маме?

Во время вопроса КАМЕРА ещё сильнее отдаляется от пары, и мы видим общий план: машину с заведённым двигателем, а в другой части экрана – идущих отца с Серафимом. Серафим смотрит на машину и обгоняет остановившегося отца.

КАМЕРА показывает общий вид. На станции пустота. Только отец с сыном и автомобиль. Автомобиль в левом углу экрана, Серафим посередине, отец в правом углу экрана.

Серафим оборачивается, чтобы задать вопрос, и видит остановившегося отца. Почти подбегает к нему.

КАМЕРА быстро едет вместе с ним. Мы видим отца с сыном сбоку, на заднем плане видно расфокусированный автомобиль.

СЕРАФИМ (дёргает отца за руку). Папа, почему ты остановился? Что случилось, пап? (Отец смотрит на Серафима.)

КАМЕРА из-за спины Серафима показывает нам лицо отца, по его щеке течёт слеза, падает на бороду и застывает кристалликом.

СЕРАФИМ. Папа, не плачь, пожалуйста, мама ещё слаба, но обязательно выздоровеет, помнишь, ты мне это вчера говорил? Она же выздоровеет?

КАМЕРА на этих словах отъезжает на прежний ракурс, и мы видим, как Серафим обнимает отца, лицо Серафима обращено на камеру, глаза зажмурены.

Отец отстраняет сына, опускает портфель на снег, снимает очки и медленно, неуклюже вытирает тыльной стороной руки свои глаза.

КАМЕРА показывает все действия отца из-за спины Серафима. Затем он опускается на корточки, положив руки на плечи сына. Лица Серафима и отца становятся на один уровень.

КАМЕРА, после совершённых действий и того, как отец опускается на корточки, максимально приближается к ним, так, что мы можем разглядеть одежду отца и профили обоих.

ОТЕЦ. Серафим, ты же уже большой мальчик. Будь мужчиной. Мамы больше с нами нет.

КАМЕРА при этих словах отдаляется и быстро начинает кружиться вокруг отца с Серафимом, постепенно теряя фокус и темнея.

(Возможна резкая, тревожная музыка на этих словах, надо подумать, посмотреть варианты, скрипка отодвигается, дальше закручивает музыка.)

ИНТ. САЛОН АВТОМОБИЛЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Возможно, что в салоне автомобиля тихо играет музыка Павла Кашина (альбом «Эйфория», варианты песни: «Земля», «Жизнь устала», «Вера имени меня», «Сердце Льва» и др.).

КАМЕРА направлена на дорогу, работают автомобильные дворники, падает снег, который создаёт ощущение туннеля, в котором едет автомобиль. Дорога почти пустая.

КАМЕРА медленно переводится на водителя, который внимательно смотрит на дорогу. Здесь зритель слышит всхлипы плачущего Серафима.

КАМЕРА разворачивается назад, зритель видит отца, одной рукой он обнимает прильнувшего к нему Серафи-

ма, а другой, опираясь плечом на дверь, прикрывает своё лицо. Серафим плачет, вздрагивая всем телом. Он весь как будто прячется в отце.

КАМЕРА медленно приближается к Серафиму. Затем к его ушам. Зритель видит его маленькие уши, почти на весь экран.

В этот момент раздаётся спокойный, красивый женский голос.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Вот не станет меня – будешь ко мне на могилку приходить, хоть цветочки иногда приноси.

На этих словах Серафим вздрагивает. Мы слышим кричащий голос Серафима.

ГОЛОС СЕРАФИМА. Мама, что ты такое говоришь! Тебе не стыдно?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. А тебе, Серафим, не стыдно?

КАМЕРА начинает отодвигаться, и в этот момент Серафим зажимает уши обеими руками. Его тело бьёт мелкая дрожь.

КАМЕРА отодвигается настолько, что мы видим отца и Серафима почти полностью.

Отец ещё крепче обнимает Серафима рукой и сильнее опускает голову на руку.

Постепенно Серафим успокаивается и убирает руки от ушей. Отец убирает руку от своего лица и смотрит на прижатую к нему голову сына.

КАМЕРА показывает нам лицо отца. Он будто хочет что-то сказать, но не решается.

ОТЕЦ (внимательно смотря на Серафима). Серафим... мы сейчас заедем в церковь... попрощайся с мамой. Завтра будет много людей, возможности побыть с ней наедине больше может не быть. Хорошо, Серафим?

Серафим качает головой и ещё сильнее зарывается головой в пиджак отца.

КАМЕРА всё сильнее отдаляется от отца с Серафимом, выходит за стекло автомобиля. Мы видим машину спереди. Идёт снег, она едет, играет песня Кашина «Сердце льва», возможно.

КАМЕРА постепенно отдаляется от машины так далеко, что экран темнеет.

ИНТ. ЦЕРКОВЬ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. НОЧЬ

КАМЕРА медленно показывает нам пустую церковь. (Это уже в нашей церкви снимать будем.) Слышно, как шипят горящие свечи, полумрак, люстра притушена или выключена совсем. Монотонно читает молитвы монах. Посередине церкви стоит гроб на подставках с длинными ножками.

КАМЕРА показывает нам гроб только после того, как зритель погрузится в эту новую атмосферу.

Серафим стоит на пороге, мы видим мальчика со стороны гроба. Сначала фокус камеры на гробе, потом на мальчике.

КАМЕРА начинает медленно приближаться к мальчику. Серафим с огромными глазами, не снимая шапки, начинает медленно приближаться к гробу.

КАМЕРА приближается к мальчику и начинает кружиться вокруг него. Звуки молитвы и шипение свечей становятся очень сильными и искажёнными, периодически краски становятся очень блёклыми или, наоборот, яркими.

КАМЕРА продолжает кружиться и отдаляться от мальчика. Картинка заднего фона становится размытой, как

при быстрой скорости. В один из таких кругов мы видим, что мальчик уже стоит у гроба и смотрит на маму.

КАМЕРА в этот момент останавливается и резко поднимается вверх. Мы сверху видим мальчика, стоящего у гроба. Мальчика и гроб освещает круглый сноп света (возможно).

Мальчик первый раз недолго смотрит на маму. Он отводит взгляд и смотрит на икону.

КАМЕРА опускается на уровень глаз Серафима, мы смотрим в его глаза, потом смотрим на икону Николая Чудотворца.

КАМЕРА медленно возвращается к мальчику, он смотрит на маму опять.

КАМЕРА приближается к гробу. Зритель видит усопшую и Серафима одновременно. Серафим опять отводит взгляд.

Сзади появляется тень. Тянется рука, которая снимает с Серафима шапку. Мальчик резко оборачивается.

КАМЕРА меняет своё положение.

Теперь мы видим с другой стороны: гроб на заднем плане (в центре экрана), у гроба стоит мальчик и смотрит снизу вверх на священника.

КАМЕРА приближается: мы видим лицо мальчика.

СЕРАФИМ (почти шёпотом, как на исповеди). Как же так, отец Сергей? Такого же просто не может быть! Отец Сергей, скажите, Бог что, разве не видел, что я... что мы... без мамы не можем жить?

КАМЕРА переходит на лицо священника.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Тише, тише... конечно, видел, но... Он же мудрее нас всех. Господь видит и предвидит всё, значит, не случайно он забрал её к себе. Значит, так правиль-

но, и Он ещё докажет это. Помни, Серафим – всё, что ни свершается – всё к лучшему... как это порой ни больно принимать.

Священник протягивает мальчику шапку. На этом моменте мы видим уже общий план, как и в начале диалога.

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Поцелуй маму, не бойся, она ждала тебя дольше всех.

КАМЕРА снова поднимается вверх, и мы видим, как священник отходит от мальчика и гроба. Загорается белый круг света, в котором стоит мальчик и гроб.

КАМЕРА медленно опускается до гроба.

Серафим кладёт руки на край гроба и наклоняется к матери, целует её.

КАМЕРА опускается на уровень Серафима. Серафим через некоторое время поднимается, мы видим его красные от слёз глаза.

КАМЕРА становится рядом с Серафимом, на камеру накладывается эффект, делающий всё расплывчатым и нереальным, Серафим осторожно дотрагивается до руки матери и трогает её, почти сразу же он отдёргивает руку, но через некоторое время снова дотрагивается до руки.

КАМЕРА возвращается на тот ракурс, где нам видно и Серафима, и усопшую, мальчик наклоняется к матери, плачет и шепчет.

СЕРАФИМ. Мама, прости! Мама! Мама, вернись, пожалуйста! Пожалуйста, вернись... Мама, вернись...

КАМЕРА опять начинает медленно закручиваться вокруг них. Здесь громче начинает звучать молитва (слова надо подобрать).

КАМЕРА делает круг и возвращается к мальчику, который лежит на груди у матери.

Мальчик встаёт, вытирает слёзы, не отрываясь смотрит на мать. Потом ещё раз дотрагивается до её руки и спокойно целует маму в щёку. После, не оборачиваясь, быстрым шагом идёт к порогу.

КАМЕРА пролетает над гробом и следует за Серафимом.

У порога стоит священник. Общий план, на заднем фоне дверь.

СЕРАФИМ (возможно, что этой сцены не будет, она не так обязательна). Отец Сергий, как молиться сейчас? (Очень размеренно и спокойно говорит это.)

ОТЕЦ СЕРГИЙ. Перед сном произноси: «Господи, упокой душу новопреставленной мамы моей и даруй ей Царство Небесное», – и этого достаточно будет. Ты ведь её сын. Твоя молитва слышнее всего и понятнее будет.

Священник улыбается, мальчик кивает и толкает перед собой дверь.

}
209
}

НАТ. УЛИЦА. НОЧЬ

КАМЕРА выезжает из-за спины Серафима, и мы видим, как внизу, заложив руки за спину, ходит отец. Он одновременно с выездом камеры видит мальчика и подходит к лестнице, ведущей в церковь. Мальчик тоже подходит к лестнице и стоит наверху.

КАМЕРА отъезжает, показывая зрителю этот кадр: мальчик наверху, отец внизу. Отец протягивает руку, мальчик спускается и берёт отца за руку.

КАМЕРА следит за тем, как они уходят по дороге.

КАМЕРА отдалается в другом направлении, и мы видим зимнюю церковь, стоящую на холме и освещённую со всех сторон. Затем происходит затемнение экрана. После это-

го мы видим пару людей, идущих за руки, это отец и сын. Некоторое время они идут молча.

КАМЕРА приближается к ним.

СЕРАФИМ (опуская голову). Папа, скажи, как она погибла?

ОТЕЦ (после некоторого молчания смотрит вперёд). Авария была почти около нашего дома. Фура врезалась в мамин автомобиль сзади. Его вынесло на встречную полосу под другой автомобиль. Мгновенная смерть.

СЕРАФИМ (поднимает взгляд на отца). Но мама... но она ведь такая целая...

ОТЕЦ (наклоняет голову). Да. Она не должна была погибнуть. Водительское место гарантировало жизнь даже при таких двух сильных ударах.

СЕРАФИМ (продолжая смотреть на отца). Так почему же она погибла?

ОТЕЦ. Я не знаю, сынок... (Сильно кашляет, прикрывая рот кулаком.) Она последнее время жаловалась на то, что сильно устаёт. Вот, видимо, Бог её и услышал...

Отец продолжает говорить, в это же время мы смотрим на Серафима, он смотрит на камеру, мы слышим голос священника, который тихо повторяет, как на заезженной пластинке.

ГОЛОС СВЯЩЕННИКА. Значит, так правильно, значит, так правильно, значит, так правильно...

ОТЕЦ. Она отвезла вас с Машей в школу и возвращалась домой. Купила вам апельсинов и печенья, любила вас так обоих...

Серафим вырывает руку и убегает впереди отца.

КАМЕРА следит за ним, трель из слов священника прекращается. Он смотрит на отца и кричит.

СЕРАФИМ. Ну а почему вы сразу не сказали мне с Машей о том, что мама погибла? Почему я об этом узнал последний? Почему не отвезли нас к ней сразу?

КАМЕРА продолжает следить за Серафимом. Зритель слышит, как отец начинает движение.

КАМЕРА показывает отца, обходящего мальчика.

КАМЕРА теперь за спиной Серафима, мы следим за отцом. Он плечом открывает примороженную калитку и, не оборачиваясь, глухо отвечает.

ОТЕЦ. Прости, мы решили, что так будет лучше для вас обоих. Хотя мне казалось, что ты и сам уже обо всём догадался...

Серафим стоит некоторое время и смотрит на ссутулившегося отца. Потом быстрым шагом подходит к отцу, берет его за руку и заводит в дом.

Калитка металлически звонко стучает. За забором щёлкает выключатель. Фонарь шипит и гаснет.

КАМЕРА всё это время остаётся на том же месте, где стоял Серафим.

ИНТ. ДОМ, ГОСТИНАЯ. НОЧЬ

КАМЕРА медленно спускается по лестнице со второго этажа. В доме очень много людей, шум разговоров и какой-то кухонной готовки идёт фоном. Входная дверь открывается, и на порог входит Серафим, в руках он держит портфель. Серафим встаёт на порог и смотрит на людей. Шум в доме становится тише: почти все люди прекращают разговаривать. Серафим снимает с себя куртку и снова окидывает людей испуганным и в то же время немного злым взглядом из-под бровей.

КАМЕРА обходит Серафима и становится как бы немного сбоку от него. Серафим наклоняется, чтобы взять портфель, и вдруг видит женские тапочки, стоящие около лестницы, именно в этот момент мы слышим голос Крёстной, которая направляется к Серафиму.

КАМЕРА начинает плыть, все звуки вокруг опять искажаются, делаются ненатуральными, Серафим вдруг начинает быстро идти, здесь съёмка идёт от первого лица, вокруг Серафима много людей, рук, голосов, кто-то несколько раз зовёт Серафима по имени (голос очень похож на тот, что был в машине).

КАМЕРА кружится и показывает нам всё справа и слева и постоянно движется к двери с восклицательным знаком.

212 | Наконец Серафим продвигается к этому пульсирующему восклицательному знаку, дёргает дверь, забегает в комнату.

| КАМЕРА здесь обгоняет Серафима, и закрывается дверь. Звуки сразу как будто выключаются.

ИНТ. КОМНАТА СЕРАФИМА. НОЧЬ

Серафим стоит, прижавшись к двери.

КАМЕРА отодвигается в конец комнаты.

Комнату пробивает лунный свет, который освещает и Серафима, он стоит, прижавшись к двери, раскинув руки в форме креста, и смотрит в камеру, он тяжело дышит.

Одной рукой Серафим ищет выключатель, чтобы включить свет, но тут его взгляд падает на лунный свет. Он перестает искать выключатель и медленно идёт к кровати, снимая с себя одежду. Он падает на кровать, забирается под одеяло и сжимается в позе эмбриона.

КАМЕРА находится в этот момент за его головой, Серафим смотрит на стену.

Раздаётся робкий стук в дверь, она открывается, на стене появляется женский профиль, освещённый светом.

КРЁСТНАЯ. Серафим, здравствуй, к тебе можно?

СЕРАФИМ (глухо, как будто сквозь подушку, сквозь слёзы). Да.

КАМЕРА немного разворачивается. Мы видим, как женщина садится на край постели и смотрит на Серафима. Она осторожно дотрагивается до его спины и гладит её, потом голову. Серафим, тяжело вздрагивая, вздыхает и поворачивается к Крёстной.

СЕРАФИМ. Но ведь такого же не может случиться? Это только в снах и в книгах происходит.

КРЁСТНАЯ (придвигается ближе к мальчику). Нет, Симочка, в жизни такое происходит гораздо чаще, именно поэтому пишутся книги и снимаются фильмы, чтобы люди узнавали, как такое может случиться.

СЕРАФИМ (быстрая, сбивчивая речь на одном дыхании). Знаешь, крёстная, мы сегодня были в театре, и там, на сцене, актёр плакал, и у него это так естественно получалось, что некоторые мои одноклассницы тоже заплакали. А я знал, что он врёт, поэтому и не плакал, хотя хотелось, очень уж грустная история была, ну и мальчик я, а нам вроде не полагается. (На этом месте он горестно усмехнулся по-взрослому и сразу же по-детски всхлипнул вслед. Вздохнул опять и продолжил на одном дыхании.) А сегодня, когда я увидел слёзы папы, самые что ни есть настоящие, таких я никогда ещё не видел раньше, мне плакать очень захотелось, но не плакалось совсем, только сделалось страшно-страшно, потому что, навер-

ное, раз такое в жизни случается – совершенно нечаянно и случайно: живёшь себе, живёшь, никого не трогаешь, а потом бац – и тебя случайный человек берёт и так же нечаянно, а может, и не нечаянно, может, он в шутку, берёт, может он специально берёт и – убивает. Как жить тогда? Как жить, если любой встречный может убить? Если каждый день ты можешь умереть?

КРЁСТНАЯ (после небольшой паузы). Жить дальше, Сима. Жить дальше, и верить в лучшее, и предостерегаться от таких случайностей максимально. Предостерегать и себя, и близких и постоянно помнить об этом и напоминать всем, тогда ничего, может, и не произойдёт. Но всё в мире неслучайно, запомни это, Симочка, всё взаимосвязано, и без прошлого – нет будущего. Только вот жить в прошлом нельзя. Жить нужно сегодня, думая о завтра, помня вчера.

СЕРАФИМ. А у тебя это получается?

КРЁСТНАЯ (удивлённо). Что именно?

СЕРАФИМ. Жить сегодня, думать о завтра и помнить вчера?

КРЁСТНАЯ. Плохо, но у тех, кто живёт по такому закону, всё обязательно получится, поверь мне.

СЕРАФИМ. Но от кирпича с крыши никто всё равно не обережёт.

КРЁСТНАЯ. Если ты жить будешь в лесу и никогда больше не будешь рядом с местами, где есть крыши с кирпичами, то ты можешь быть спокоен. (Крёстная тихо смеётся.) Видишь, какой ты умный, сам на всё ответы находишь. Ты уже совсем взрослый, папе сейчас твоя помощь очень будет нужна... А жить нужно просто даже ради того, что мама твоя всю себя в тебя, сестёр твоих и папу вкладыва-

ла. И младшую сестрёнку Машеньку не обижай. Она ведь даже и не поняла, что произошло. Крепись, Сим.

СЕРАФИМ (почти шёпотом, отворачиваясь к стене). Лаадно... Завтра будет ещё один день, в котором нужно жить по этим дурацким законам и случайным правилам. (Далее сонным голосом, как у Малыша из «Карлсона».) Спокойной ночи, крёстная, спасибо тебе, ещё посиди рядом, ты мне совсем не мешаешь.

КРЁСТНАЯ. Спокойной ночи, Симочка.

КАМЕРА клонится набок и закручивается вокруг них. (Действия камеры ещё надо продумать.)

ИНТ. ЦЕРКОВЬ. УТРО

КАМЕРА, медленно кружась, спускается из-под купола церкви. В ней очень много людей, посередине стоит гроб. Недалеко отец, и рядом с ним сын.

}
215
}

КАМЕРА постепенно опускается на уровень лиц и медленно объезжает всех вокруг. В конце концов она останавливается перед Серафимом.

Серафим смотрит за камеру, потом, осторожно взглянув налево и направо, достаёт из кармана одну перчатку и вытаскивает из неё письмо, перекладывает в карман брюк и смотрит на отца.

КАМЕРА меняет ракурс. Серафим дотрагивается до руки отца и зовёт его.

СЕРАФИМ. Пап, папа!

Отец смотрит на сына и опускает голову.

СЕРАФИМ. Только ты не умирай, ладно?

Отец, как стоял в наклонившемся положении, так и остаётся стоять в нём.

КАМЕРА быстро приближается к его лицу, тут церковный хор начинает петь так тоскливо и протяжно, чуть не крича, и начинает плакать Маша.

Отец быстро разгибается и, посмотрев на сына, отвечает ему.

ОТЕЦ. Ты чего это выдумал, мы ещё таких дел с тобой наворотим вместе. (И, взглянув куда-то в сторону плача, который сразу прекращается, кладёт руку на плечо сыну и замирает.)

КАМЕРА медленно отъезжает от них. Серафим, ободрённый ответом, стоит, немного приосанившись, и уверенно смотрит в окно.

КАМЕРА отъезжает от людей, вылетает в это окно и всё дальше и дальше отдаляется от церкви. Всё это время мы слышим либо пение церковного хора, либо музыку Рахманинова.

НАТ. КЛАДБИЩЕ. УТРО

КАМЕРА всё дальше отдаляется от церкви и пролетает над кладбищенским лесом, к которому уже подходят люди.

КАМЕРА опускается, и мы видим, как у вырытой могилы стоит гроб, кто-то плачет, но отец с сыном стоят и с серьёзным видом смотрят на него. Ярко сияет солнце, снег блестит, ясно, что на улице мороз.

Священник читает молитвы, все крестятся, Серафим с отрешённым видом тоже иногда крестится, и вот гроб опускают в могилу, мы видим и слышим стук его о замороженную землю. Съёмка идёт из могилы, на краю могилы стоит Серафим и заглядывает в неё. Вдруг лицо Сера-

фима меняется, он отпрянул от могилы. Мы слышим его внутренний голос.

СЕРАФИМ. Как я мог забыть?

КАМЕРА снимает его уже отдельно на поверхности, он тянется рукой к карману и достаёт письмо. Смотрит на него широко раскрытыми глазами. Затем смотрит на могилу и делает порывистое движение к ней. Раздаётся голос матери: «Стой!» Серафим замирает, в его руке письмо, в глазах слёзы, он смотрит, не отрываясь, на могилу. В это время в могилу начинают бросать комья замёрзшей земли, которые невыносимо стучат по крышке гроба. Этот звук усиливается. Серафим зажмуривает глаза. Звук становится очень громким и навязчивым. Изображение начинает кружиться и идти световыми пятнами. Серафим сжимает руки в кулаки и письмо вместе с ними, подносит руки к ушам.

217

Изображение продолжается, звук становится приглушённым, вдруг мы слышим...

ГОЛОС СВЯЩЕННИКА. Всё, что не свершается, всё к лучшему!

Звук исчезает совсем.

Серафим медленно открывает глаза, смотрит на руки, с усилием разжимает их, письмо выпадает на снег. Слышно пение хора: «Вечная память, вечная память...».

КАМЕРА опускается перед Серафимом и показывает нам, как падает письмо, в слоу-мо, затем поднимается и снимает его снизу, так, что наверху только деревья и небо.

КАМЕРА начинает кружиться вокруг Серафима, который смотрит на голубое небо без облаков, оно становится без эффекта съеденных красок.

СЕРАФИМ (*тихо шепчет*). Мама, я больше никогда ничего не забуду!

КАМЕРА поднимается над Серафимом, показывая нам небо, затем снова обращается на землю.

Мы видим, как на кладбище стоят только Серафим, две сестры и отец. Они смотрят на недавно зарытую могилу. Возможно, играет музыка. Экран делается небесно-голубым.

Фильм заканчивается.

После титров возможна последняя сцена.

Мы слышим звук падающего снега. Внезапно появляются закрытые глаза Серафима. Как в первой сцене с пробуждением. Он просыпается, открывает глаза.

Экран становится чёрным.

КОНЕЦ.

Редакция 26.12.2017, Москва

ПРИ

ЛО

ЖЕ

НИЕ

Этот ситилайт был размещён в г. Севастополе в июне 2023 года в числе 72 плакатов, посвящённых памяти воинов-героев, участников СВО

**ПОЭТ-ВОИН,
МОРПЕХ
ИВАН ЛУКИН**

224] *«Вне зависимости от того, какие у них (участников СВО. – Прим. ТАСС) будут награды или есть, это люди, которые рискуют своим здоровьем и жизнью ради людей и детей Донбасса, ради России. Они все герои, именно так: каждый подвергает свою жизнь смертельной опасности, идёт на это сознательно. И относиться к ним нужно именно так, как к героям».*

В.В. Путин (заседание Госсовета 25 мая 2022 года)

Гвардии матрос 810-й отдельной гвардейской ордена Жукова бригады морской пехоты Иван Борисович Лукин – разведчик-пулемётчик, талантливый поэт, прозаик и сценарист, актёр, студент Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей Москвы – погиб в Мариуполе 14 марта 2022 года во время выполнения разведывательного рейда в тылу противника (район завода «Азовсталь», ул. Гравёрная, д. 2).

На долю Ивана выпала непростая судьба. Ранняя смерть матери не могла пройти даром для творчески одарённого юноши. Эту первую серьёзную боль он выразил в рассказе «Письмо», который собирался экранизировать, но не успел.

ЛУКИН ИВАН БОРИСОВИЧ

05.04.1998, Москва – 14.03.2022, Мариуполь

Воин-поэт, актёр, член СП Москвы,

кавалер ордена Мужества

Севастополь. День присяги. 02.08.2020

Почему морская пехота?

Потому что «чёрные береты» – солдаты уникального рода войск. Морская пехота умело действует в трёх стихиях: на воде, на земле и в воздухе. «Чёрные береты» могут десантироваться с парашютом, высаживаться на боевой технике с десантного корабля, наступать по суше. А значит, и требования к ним повышенные: выносливость, крепчайшее здоровье, физподготовка – на отлично. В обучение входят медицинская, инженерная, тактическая, топографическая подготовка, владение стрелковым оружием, рукопашный бой, прыжки с парашютом.

Присягу Иван Лукин принял 2 августа 2020 года. Торжественное мероприятие проходило в Севастополе на территории Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея».

Севастополь. День присяги, 02.08.2020.
Музейный историко-мемориальный комплекс
«35-я береговая батарея» в Казачьей бухте

Его жизнь коротка, но полна яркими событиями. Иван родился в Москве в многодетной семье писателя Бориса Ивановича Лукина. Его дед, Иван Петрович Лукин (1919, с. Неледино Нижегородской обл. – 2000, Нижний Новгород), – ветеран Великой Отечественной войны, был награждён боевыми орденами и медалями. Прадед, Пётр Николаевич Лукин (1891, с. Неледино Нижегородской обл. – 1972, г. Бор Горьковской обл.), – кавалер ордена Ленина, награждён за обеспечение непрерывной работы паромной переправы на Волге в годы войны 1941–1945 гг.

Уважение к предкам, знание истории своей семьи и её роли в жизни России закладывалось в сознание Ивана с детства. В его домашней библиотеке были книги мировой и отечественной классики. С книгой Иван не расставался ни на службе, ни на фронте. В своём дневнике он акцентировал внимание на необходимости постоянного чтения и саморазвития.

Иван все школьные годы прожил в Подмоскowie. Профессионально занимался водным поло в СДЮШОР г. Рузы.

Водное поло, игровой момент. Медали, завоёванные
в составе команды Московской области

В составе сборной команды Московской области по водному поло неоднократно завоёвывал золотые, серебряные и бронзовые медали первенства Москвы, Спартакиады учащихся России, участвовал во многих всероссийских и международных турнирах. Выполнил нормативы на I спортивный разряд по виду спорта «водное поло» и на золотой значок Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

232

Окончил в 2016 году Нестеровский лицей с золотой медалью и музыкальную школу с красным дипломом по классу испанской гитары и вокала (Московская обл., г. Руза).

Стипендиат губернатора Московской области за выдающиеся успехи в учёбе и спорте.

Ещё в школьные годы Иван опубликовал в журнале «Нева» эссе «Два писателя и соловьи», посвящённое жизни и творчеству писателей-фронтовиков Е.Л. Войскунского и М.А. Дудина.

АТТЕСТАТ

О СРЕДНЕМ ОБЩЕМ
ОБРАЗОВАНИИ

С отличием

05024001951154

Дата выдачи

24 июня 2016 года

Как многообещающий актёр был замечен режиссёрами: несколько сезонов участвовал в спектаклях Московского музыкального театра «Геликон-опера», на сцене Государственного академического Большого театра России, снимался в кино.

234 } В 2016 году с прозаическими публикациями в различных журналах России поступил в Литературный институт им. А.М. Горького.

} На 3-м курсе ушёл в академический отпуск по собственному желанию.

В военкомате осознанно выбрал морскую пехоту в Севастополе (Крым, 810-я отдельная гвардейская бригада морской пехоты, в/ч 13140).

Фойе театра «Геликон-опера» перед спектаклем

После нескольких месяцев срочной службы Иван перешёл на контракт сначала в десантно-штурмовую роту, а чуть позже – пулемётчиком в десантно-разведывательную роту.

Многому научился Иван в армии; кроме профессионального владения своим оружием и навыков разведчика, за время службы совершил восемь прыжков с парашютом. В составе своего подразделения участвовал как в учебных, так и в боевых специальных операциях. В составе своей роты был в Северной Осетии, в центре подготовки разведподразделений, находившихся в зоне контртеррористической операции.

Во время охраны государственной границы России наполнил большое количество разведывательных задач, что позволило правильно оценить возможности противника.

За успехи в боевой подготовке Иван Лукин был отмечен нагрудным знаком «Отличник ВМФ».

Перед очередным прыжком с парашютом

В ночь с 23 на 24 февраля подразделения морской пехоты 810-й бригады в составе контингента Вооружённых сил РФ были задействованы в специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины с 24 февраля по 14 марта 2022 года.

Эти 20 дней оказались разделены на три части. С 24 февраля по 3 марта – освобождение территории Херсонской области и г. Мелитополя. Краткий перерыв с 4 по 7 марта, когда морпехи вышли в Крым на переформирование. И третий период, самый сложный, – штурм и освобождение Бердянска и Мариуполя, в результате акватория Азовского моря получила статус внутренней российской.

Гвардии матрос Иван Лукин принял участие в боях за Мелитополь – боевые действия продолжались с 24 февраля по 2 марта 2022 года. ВС РФ продвигались с территории Крымского полуострова двумя батальонными тактическими группами.

Утром 25 февраля 2022 года российские войска вошли в город и заняли здание районной администрации. Охрану аэродрома в Мелитополе осуществляли морские пехотинцы 810-й бригады, в составе которой находился гвардии матрос Иван Лукин. Благодаря этому с 28 апреля 2022 года российские войска смогли использовать аэродром для боевых вылетов самолётов Су-25 и вертолётов Ка-52 и Ми-8.

Фронтовая обстановка питала воина-поэта новыми впечатлениями. В его записной книжке появлялись творческие замыслы; что-то ему удалось завершить, что-то так и осталось в черновиках.

Снаряжён. Готов к бою

В ночь с 7 на 8 марта 810-я бригада получила приказ выдвинуться в направлении Мариуполя, блокировать его и установить над ним контроль. Входить в Мариуполь морские пехотинцы начали утром 10 марта с разных сторон, ликвидируя огневые точки противника на окраине города, а затем освобождая один за другим девятиэтажные жилые дома и территорию частного сектора.

240 | В истории СССР есть знаменитый на весь мир Дом Павлова. Там во время Сталинградской битвы почти два месяца героически держала оборону группа советских бойцов. | В Мариуполе была похожая ситуация. Одна из батальонных тактических групп 810-й бригады, которая заходила 13 марта с восточной стороны города, получила задачу разблокировать заминированный автомобильный мост, ведущий к заводу «Азовсталь». Морпехи и группа бойцов спецназа ГРУ, оказавшись в окружении, были вынуждены занять круговую оборону в одном из ближайших к мосту домов (ул. Гравёрная, д. 2), отражая постоянные атаки превосходящих сил противника. Штурм продолжался несколько дней.

Скоро в поход

Об этих днях в интервью рассказал морпех 810-й бригады, Герой России с позывным «Струна»: «Самый запомнившийся бой?» – «Разные были ситуации. Например, когда четверо суток просидели в одном доме в окружении. Это было в самом начале спецоперации, тогда ещё многого не знали и не умели, были очень самоуверенны». – «О чём думали в тот момент?» – «Там шутили больше. Особенно в таких случаях, когда удар вражеского танка по дому... Мы его видим, но достать из РПГ не можем. Остаётся только шутить над «прилётками». В окружении были ребята из разных подразделений. В моменты отдыха сидели общались, обменивались номерами, приглашали друг друга в гости: «Да у меня там...» – «И у меня тоже дома это...» – «Приедешь – такое застолье устроим!» – «И я к тебе приеду».

*Мариуполь. 13 марта 2022 г.
Начало атаки противника на российскую
разведгруппу*

В течение суток с 13 марта по утро 14-го разведчик-пулемётчик Иван Лукин постоянно находился на боевом посту, участвовал в зачистках прилегающей территории и разведывательных поисках, отбивал атаки танков противника в составе боевой тройки (гранатомётчик, пулемётчик, снайпер; снайпер и пулемётчик отсекают пехоту, а гранатомётчик поражает бронееобъект), постоянным пулемётным огнём сдерживал превосходящего по численности врага, грамотно меняя боевые позиции, тушил возникающие в здании пожары, помогал раненым, защищал жизни мирных жителей, укрывшихся в подвале здания. По отзывам бывших с ним в те дни однополчан, Иван проявил себя как профессиональный и бесстрашный воин.

Минута покоя

Ранним утром 14 марта российские бойцы попытались вырваться из окружения, но из-за ураганного огня врага были вынуждены отойти на прежние позиции. Гвардии матрос Иван Лукин прикрывал отход своего подразделения, что спасло жизни почти всех участников прорыва. Погибли только два пулемётчика – Иван Лукин и Евгений Бухарин (умер от ран через день), оба они были сражены пулями снайперов.

Дом этот теперь принято называть мариупольским «Домом Павлова». О его героической обороне уже слагают песни, пишут стихи, снимают фильмы.

Фотописьмо с фронта

Лукин Иван Борисович за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при исполнении воинского долга, Указом Президента России № 174 от 31.03.2022 награждён орденом Мужества (посмертно).

248 }
} 8 мая 2022 года после отпевания гвардии матрос Иван Лукин похоронен с воинскими почестями на кладбище села Архангельское Рузского района Московской области.

На траурном митинге выступили заместитель губернатора Московской области, военком Московской области, глава Рузского городского округа, заместитель начальника штаба 810-й бригады.

*Морпех Иван Лукин – кавалер ордена Мужества
(посмертно). Фотомонтаж*

Память о войне-герое увековечена на родине.

Постановлением № 2991 от 13.07.2022 главной улице в селе Архангельском (Рузский городской округ Московской обл.) присвоено имя Гвардии матроса Ивана Лукина. Там же установлен памятный камень с мемориальной доской.

250 } Мемориальные доски, посвящённые Ивану Борисови-
} чу Лукину, размещены на зданиях Нестеровского лицея
и Космодемьянской школы в Подмосковье.

«Парты Героя» Всероссийского патриотического образовательного проекта размещены в Нестеровском лицее (торжественное открытие состоялось 09.12.2022) и Космодемьянской школе (торжественное открытие – 01.03.2023).

Мемориальный камень на улице Гвардии матроса Ивана Лукина

Мемориальные доски на зданиях Космодемьянской школы и Нестеровского лицея, где учился Иван

25 июля 2022 года отец война-героя и сестра Полина посетили место гибели Ивана в Мариуполе. Ими были собраны артефакты с места боя: пулемётный короб и лента, кобура, гильзы – и с разрешения погранслужб привезены домой.

252 | А 10 сентября в Мариуполе состоялся концерт-реквием «Во имя жизни – Мариуполь», организованный Управлением делами Президента РФ при поддержке Министерства обороны, в его программе прозвучали стихи Б.И. Лукина из книги «Отец солдата», посвящённые сыну и участникам СВО, в исполнении заслуженного артиста РФ А.Я. Михайлова. На концерте присутствовал и отец Ивана Лукина.

Рассказали о подвиге гвардии матроса Ивана Лукина и на Севастопольском телевидении. Телеканал НТС (Независимое телевидение Севастополя) в цикле «Сыновья России» выпустил фильм «Морской пехотинец Иван Лукин». Премьера состоялась 30 октября 2022 года.

25.07.2022. Отец солдата и сестра Полина у мариупольского «Дома Павлова». Место гибели морпеха Ивана Лукина во время пятидневной героической обороны в окружении

В городе-герое Севастополе произошло ещё одно событие: 75 кипарисов обрели имена погибших в ходе СВО воинов ЧФ. Перед аллеей установлен памятный камень с мемориальной табличкой, на которой написано: «Аллея Героев заложена 20.11.2022 в память о защитниках Отечества в ходе СВО». Своё место в строю есть и у именного деревца гвардии матроса Ивана Лукина.

Отец Ивана постоянно публикует произведения сына, рассказывает о его жизни. В одном из очерков можно прочесть:

254 | «Иван рано начал писать стихи. Со стихами и небольшими зарисовками он участвовал в семинаре для школьников в Литературном институте им. А.М. Горького.

***

Жизнь – это хрупкая чашечка,
сделанная из фарфора.

В ней и хранится душа.

Эта чашечка может разбиться или потеряться.

Берегите её.

Прячьте подальше от ветра и чужой руки.

Около 2012 года

Севастополь. 20.11.2022 г. Аллея Героев

В Литературном институте он выбрал себе творческий псевдоним ИВАН СОЛОВЕЙ. Поэтому все посмертные публикации его произведений выходят под именем Иван Соловей (Лукин).

В первые дни СВО он пишет стихи, но не успевает их завершить, от большинства стихотворений остались только отрывки:

***

Я видел смерть, она была вот здесь –
На расстояньи вытянутых пальцев,
И чувствовал дыхание судьбы,
Иль это крыльями махал мой ангел.

Иван был человеком верующим, воцерковлённым. С малых лет – постоянный прихожанин церкви Архангела Михаила в родном селе, а по праздникам батюшка благословлял его для звонов на торжественных богослужениях. Отсюда и его последние слова перед штурмом Мариуполя: «Наше дело правое. С Богом...», – и стихи:

Разведчик-пулемётчик

***

Я гуляю, кручу самокрутку –
мирной жизни лишь пять минут.
До победы – мечты и задумки.
Снаряжусь, помолюсь – и в путь.

На войну мне теперь дорога.
Я успел лишь одно понять:
этот путь мне завещан Богом,
этот путь созидает меня.

258

В записной книжке морпеха Ивана Лукина на странице за 30 октября 2021 года читаем: «18:43. Добрый вечер. Лежу в длинной казарме на границе. Сегодня день рождения мамы. За время службы я стал старше, и время стало идти быстрее. Увидел Россию в разрезе, познал масштабность... Что же, буду заглядывать в дневник и в собственные работы почаще. Сегодня продолжил заниматься психологией, завтра продолжу изучение хронологии становления психологии и вообще, пока нахожусь здесь, буду погружаться в эту науку.

Разведка. Поиск

Не скажу, что стал умнее, но жизненного опыта прибавилось, знание людей прокачал, социализацию, прыгнул с парашютом, наловил кучу идей и сюжетов, героев – пора записывать. Лучше узнал себя, принял ряд решений по дальнейшей жизни, отсеиваю лишнее, устанавливаю внутренние принципы».

260 }
Разбирая архивы для книги произведений Ивана, его отец нашёл стихотворение, написанное сыном 17 марта 2017 года.
}

Отец гвардии матроса Ивана Лукина так рассказал об этом:

«Тема стихотворения довольно глубока и тяжела для восприятия, хотя написано оно ещё с по-юношески не оформившейся силой. Воскресив в памяти историю создания, расскажу, как появилась эта тема в жизни Ивана, москвича, студента Литературного института.

*Пасха Христова. Крестный ход, 2018 г.
Церковь Архангела Михаила, с. Архангельское*

В середине второго курса, во время зимних каникул, сын поехал на Псковщину, в Крыпецкий монастырь. Место это ему было хорошо известно, потому что почти 10 лет мы всей семьёй регулярно посещали святыни спрятавшейся в лесной глуши Иоанно-Богословской Савво-Крыпецкой обители. Наверное, поэтому именно в монастырь направила его душа.

Сын поехал помолиться, поговорить с настоятелем, обдумать свою дальнейшую жизнь, в которой к тому времени у него накопилось немало казавшихся неразрешимыми вопросов. Так он определял смысл поездки вслух.

Помню, что, будучи ещё в дороге, он прислал мне сообщение, в котором рассказывал, как всю ночь в поезде проговорил со своим ровесником, возвращавшимся после контузии с территории ЛДНР; а ещё Ваня спросил моё мнение о возможности своего ухода добровольцем на фронт.

Впечатления от этого знакомства он сразу же попытался выразить в виде дневникового очерка о встрече с ровесником-фронтовиком. Этот очерк и стал основой для стихотворения «Баллада о Скрипаче».*

* «Балладу о Скрипаче» читайте на стр. 22

Симферополь. 2021 г. Студия звукозаписи.
Создание композиции «Облака»

Теперь можно уверенно говорить – Иван предчувствовал, что жизнь окажется короткой. Вот и жил на всю катушку на любом избранном поприще, будь то профессиональный спорт, музыка, театр, кино, литература... армия, подвиг.

***

На земле, смешанной с порохом,
не видно травы,
только грязь, только поросль
мелких капель зимы.
По зиме тянет красная, неясная синь –
то расплакались пули и осколки мин.
А война так беспомощна...
И безжалостно кровь
убегает из гордых, непокорных голов.
Будет страхом смеяться
этот горький удел.
Где бы ни был – не прятался
в протяжении вен...

Прекрасно зная, что слова сбываются, очень осторожно заносил на бумагу стихи. Но поэт не может молчать, такое его предназначение на земле – рассказывать стихами о жизни и её смыслах.

(Б.И. Лукин, из будущей книги «Жил-был сын»)

Москва. Телецентр «Останкино». 7 марта 2023 г.
Б.И. Лукин перед записью передачи о сыне

На митинге-концерте «Слава защитникам Отечества!» 22 февраля 2023 года в «Лужниках» президент России Владимир Путин начал свою речь словами: «...одна из самых известных молитв начинается со слов «Отче нам»: «отче» – отец, и в этом есть что-то очень близкое каждому человеку. Мы ведь говорим тоже и «Родина-мать». Речь идёт о семье, речь идёт о чём-то огромном, мощном и в то же время близком сердцу каждого человека: это и Родина, и семья. А по большому счёту и Родина – это семья: в нашем сердце это одно и то же».

А в завершение отметил, что сегодня «при защите наших интересов, наших людей, нашей культуры, языка, территории – все, весь наш народ является защитником Отечества».

Фотоподарок от земляков-ружан. Фотомонтаж

В программе митинга был показан сюжет о кавалере ордена Мужества гвардии матросе Иване Лукине. Отец война-героя сказал, обращаясь к россиянам: «Мой сын решил оставить Литинститут и пойти служить Родине, как его прадед и дед в годы Великой Отечественной. Мы победили в 1945-м. Мой дед и отец были в строю Победителей. И когда теперь я разбираю архив сына, то становится понятна глубина осмысления им своей жизни. Поэтому и появились у него такие строки: «Этот путь мне завещан Богом. Этот путь созидает меня».

Мы должны оставаться достойными наших павших всегда и везде. Иначе пропадёт смысл. Смысл не их героической гибели, а нашей с вами жизни. Всё для Победы, каждое биение сердца – ради неё. Именно так мы сейчас должны жить!»

АДМИНИСТРАЦИЯ РУССКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 17.07.2022 № 8001

**О переименовании элемента
улично-дорожной сети в с. Архангельское**

В целях уточнения адресного хозяйства, согласно Федеральному закону от 28.12.2013 №443-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», Правилам присвоения, изменения и аннулирования адресов, утвержденным постановлением Правительства РФ от 19.11.2014 №1221, Порядку присвоения наименований элементам улично-дорожной сети и планировочной структуры в границах Русского городского округа Московской области, изменении, аннулировании таких наименований и порядку осуществления деятельности Комиссии, создаваемой в целях присвоения данных наименований от 28.06.2022 №2709, на основании протокола заседания Комиссии по присвоению наименований элементам улично-дорожной сети и планировочной структуры в границах Русского городского округа Московской области, изменении, аннулировании таких наименований от 12.07.2022 № 2, руководствуясь Уставом Русского городского округа Московской области, Администрация Русского городского округа постановляет:

1. Переименовать элемент улично-дорожной сети, расположенный по адресу: Российская Федерация, Московская область, Русский городской округ, село Архангельское - с улицы Магистральная на улицу Гвардии матроса Ивана Луккина.
2. Разместить сведения, указанные в пункте 1, в федеральной информационной адресной системе:
  - Российской Федерации, Московская область, Русский городской округ, село Архангельское; улица Гвардии матроса Ивана Луккина.
3. Разместить настоящее постановление на официальном сайте Русского городского округа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» www.ruzlogion.ru.

М 010605 *

4. Контроль за исполнением настоящего Постановления оставлю за собой.

Глава городского округа

И.Н. Парменко

Одним из первых на смерть поэта-воина Ивана Лукина в эссе «На смерть Соловья» откликнулся преподаватель Литературного института им. А.М. Горького, поэт Сергей Арутюнов: «Он, вне всякого сомнения, принадлежал особому типу молодых людей, появляющемуся в России с завидной для иных прочих стран регулярностью.

Им без видимого труда даются науки и искусства (водное поло? музыка? театр? кино? – легко!), и настолько, что, кажется, они всюду званы и везде приняты. Таких замечают в поколении издалека.

***

Он звал себя Соловьём. Он был тем самым соловьём. Он мог бы стать поэтом, прозаиком, сценаристом, режиссёром, а стал солдатом. Он мог бы жить, но был убит на войне, избежать которой не смог и не захотел. Премией его имени я бы награждал тех, кто уже в 20 лет показывает, как нужно любить Отечество, как тосковать по нему и как жертвовать себя ему без остатка».

***

Об увековечении исторической памяти земляков-героев и участников Великой Отечественной войны говорится в перечне поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам встречи с матерями военнослужащих – участников специальной военной операции, прошедшей 25 ноября 2022 года. В пункте 10 сказано: «Минкультуры России совместно с Минпросвещения России, высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации, автономной некоммерческой организацией «Комитет семей воинов Отечества» и с привлечением ветеранских организаций, а также ветеранов боевых действий, участвовавших в специальной военной операции, обеспечить создание общественных пространств, арт-объектов, школьных музеев, посвящённых участникам специальной военной операции, проявившим отвагу, мужество и героизм, и проведение в школах уроков по этой теме».

Это решение очень важно для России, им на государственном уровне объединяются традиции, подвиги и герои русской армии прошлого и настоящего. Так создается будущее нашей Родины, завещанной нам предками.

Борис Лукин

Отец
солдата

ДНЕВНИКИ.

**ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ.**

ПИСЬМА.

СООБЩЕНИЯ

**BEHIND THE
CHAADSKIY**

ЗА 2 ГОДА И 44 ДНЯ ДО ВОЙНЫ*

Пт, 10 янв. 2020 г. в 15:56
Subject: Съёмка в фильме
To:<ivanbrl@yandex.com>

Доброго времени суток! Мой типаж может подойти под заявленный вами. Правда, волосы сейчас не тёмно-русые, а блонд с затемнением в русый у корней, что выглядит достаточно натурально и красиво.

Меня зовут Иван Лукин, возраст 21, рост 180. Большой актёрский опыт. С 2017 по настоящее время сезонно задействован в двух спектаклях: в Большом театре – балет «Нуреев», роль – ассистент фотографа Ричарда Аведона, и в «Геликон-опера» – опера «Чаадский», роль – буфетчик Петруша. Играл в «Московских сезонах» 2017/2018 в сказке «Снежная королева» и различных других проектах. Из последнего: шоу «Шесть на жезь», выпуск II.

Учусь в Литературном институте им. А.М. Горького. Прикрепляю фотографии.

С уважением, Иван Лукин

* Далее – переписка между отцом и сыном. Печатается в сокращении

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

08.05.2020 0:36

Я НЕБО И.С. (Иван Соловей)

14.06.2020 14:02

Прохожу армию в режиме войны –
Передал друзьям мечты.

5.09 2020 22:17

Не сойти бы с ума, так сложно найти себя.
Так сложно обрести покой душевный здесь –
при жизни –
И не сойти с ума.

22.09 2020 21:12

278

Ровная череда разномастных полковников, майоров и прочих офицеров и военнослужащих медленно продвигалась вперёд. На всё небольшое продолговатое подземелье разносился голос диктора из агитпрограммы против использования смартфонов. На фоне звучала тревожная музыка. Она резонировала от низкого белого дугообразного потолка с продольными балками и, казалось, сильнее придавливала своды и так низкого помещения. Вся картина выглядела крайне нелепо. Ощущение реальности пропало. Мне казалось, что я на сцене, участвую в спектакле. Но нет – вот она, безумная, многогранная жизнь.

Тяжёлое брюхо вертолёта прошло прямо над моей головой. Только с третьего круга он сел на площадку, закидав всё вокруг себя ветками, листьями, пылью; прижав к земле деревья и солдат, лежащих вокруг площадки. Я упорно смотрел на это серое огромное животное, прикрывая глаза от колкой пыли. Наконец пропеллеры успокоились.

Из вертолѐта вышли люди.

Смирно тов пер зам гш.

Вольно.

Офицеры начали удаляться, за ними трусцой поспешили фээсбэшники с автоматами наперевес.

Я перевернулся на спину и ощутил за шиворотом, на спине под тельняшкой, под бронёй – везде целый ворох сухих жѣстных листьев. Выгребая их оттуда, подумал в очередной раз о том, какая злая военная техника: бэ-тээры, вертолѐты, танки, автоматы – всё норовит укусить, досадить, навредить человеку.

Собаки делили территорию. По ночам стая собак, живущих у столовой, приходила к тем, кто спал у БМП, и начинался лай.

}
279

25.09 2020 0:41 }
}

Растущий месяц светил сквозь дымку облаков, казалось, будто он находится по ту сторону запотевшего стекла. Шѣл последний день командировки. Невообразимая скука и однообразность дней вылилась в головную боль. В вонючем и засорѣнном нужнике невозможно было находиться.

29.09 2020 14:30

Короба от пулемѣта не было нигде. Конечно же, никто ничего не знал. Я взбесился и сразу же почувствовал усталость от всей десятидневной командировки. Сказывался чокнутый график дежурств, в котором мы существовали: 4 через 4, 24/7. Бегал, искал.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ СЫНУ

28 ноября 2020 г. в 21:01

Ваня, вот и пишу тебе письмо.

Думая о тебе, постоянно вспоминаю свою юность. Самое интересное, что именно в последние годы понимать начал, что она как-то странно прошла. Затянулась, что ли,.. т.е. семья и учёба долгое время оставляли во мне ощущение молодости. А ведь к моменту окончания Литинститута мне исполнилось 29 лет.

А всё потому, что я забрался, как улитка, в раковину семейной и внутренней жизни, а в ней времени словно и не было. Время в этой раковине ощущалось по возрасту детей, а сам я словно оставался 22-летним.

Последующие события показали, что я действительно ещё очень молод и незрел.

Пришлось в короткий срок (с развалом СССР) выбирать несколько другой путь. Точнее, я, словно богатырь после распутья, поехал сразу по трём дорогам.

Поэтому не стоит тебе считать минутки, месяцы и года... вспомни последние полтора своих года, и поймёшь, что ты сейчас почти в моей ситуации. Один путь (предыдущий) тебе вполне ясен, жизненная стезя, которая называется «опыт», сейчас наживается, а дорога жизни, на которую нам всем так трудно было вступить (потому что найти, выбрать, осилить и идти), ещё пока только чувствуется под ногой, но очень зыбка она.

Впрочем, хватит философии.

Опишу, что происходит сейчас вокруг, в нашей мирной жизни.

Карантин не такой строгий, как был в первый раз. Хотя многие школы, почти все институты по стране на удалёнке.

С работой совсем трудно стало.

В семейной нашей жизни всё то же. Понимание, что все дети выросли и начали жить своей жизнью, окончательно наваливается на меня обычной депрессией. Так как одиночество хорошо во время работы, а после работы хочется душевного разговора и пр. А с каждым днём этого всё меньше. Значит, больше работы. Вот только пишу всё меньше. Хотя закончил вчерне перевод поэмы «Зоя Космодемьянская» татарского поэта Гали Хужи. Теперь потихоньку правлю написанное.

Читаю, как всегда, уйму книг сразу.

Дневник Нагибина и лекции о русской литературе Аксёнова окончательно показали мне всю подноготную поколения шестидесятников. К ним, несомненно, относится и Довлатов, хотя его статьи (книжечку у тебя нашёл) очень честные. Жаль только, что круг его общения с самого детства состоял из евреев... А ведь мог вырасти очень интересный русский писатель. Настоящая сила в нём чувствуется. А выросло что-то сродни Венечке Ерофееву, мне кажется, что никто никогда не сравнивал их стилистику и жёсткую душевную чернуху. А зря. Они близки друг другу – честностью.

Пока писал – забыл про чайник на плите. И, как всегда, он выкипел полностью. Пришлось делать экспресс-чай по маминому рецепту.

По утрам у нас такая муть за окном, что даже не верится, что на дворе почти декабрь.

Сегодня срезал на грядках (выкопав из-под снега) руколу и петрушку. С удовольствием поел салат со свежей зеленью. Оказывается, зима им не помеха. Главное, чтобы мороза сильного не было. Часть оказалась побита холодом.

Муть такая густая временами, что храма не видно в окно. И леса за полем, и самого поля... слякоть такая, что гулять не сильно хочется. Да я один не очень хочу ходить.

В заключение отправлю тебе летнее стихотворение «После грозы». Может, уже показывал, а вдруг и нет.

Обнимаю.

Всё время мысленно с тобой. Ловлю себя на мысли, что до смерти родителей всегда чувствовал их присутствие в моей жизни.

Бог помощь. Чуть не забыл. Звонил о. Вассиан и порадовал новостью, что Патриарх наградил о. Савву. Вот это была приятная новость нынешнего дня.

Папа.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ ОТЦУ

1 декабря 2020 г. в 17:34

Здравствуй, дорогой Папа, вот мы и приехали на новое место, в село ***. Здесь больше народу, но пространства меньше, стоим прямо посередине поля. Вместо забора – огромные кубы, забитые песком, стоящие друг на друге в два ряда, с редкими бойницами. Белые казармы, похожие на бараки для рабочих, сделаны из тонкого дерева. Широкие, низкие, длинные, они стоят в два ряда по пять или шесть штук, и между ними что-то вроде улицы. С одной стороны – жилые помещения, с другой – бани, столовые и прочие общественные места. Внутри казармы по обе стороны стоят двухэтажные железные кровати, на спинках развешана экипировка. Под потолком деревянные балки, сдерживающие конструкцию и крышу, которая обита серебристым утеплителем. Всё просто, ничего лишнего. Входа два – по ходу движения коридора, между кроватя-

ми. Справа от первого входа сидит дневальный, тут же турник, который боец пристраивал между балками во время моего заезда. В казарме достаточно шумно и суетливо, по сравнению с прошлым местом, вечером играет музыка, мужчины занимаются своими делами. Туалет здесь хуже: перегородок почти нет, а дырки заделаны железной окислившейся клеткой с крупными частыми дырками. Ходить в него неприятно, когда смотришь вниз, возникают мысли об аде, как будто это не дырки туалета, а окна. Рядом с отстроенным деревянным туалетом проделаны обычные дырки с крышками на длинном деревянном настиле. Постоянно дует промозглый ветер. Он одиноко воет на разные мотивы, как будто в каком-то замке. Животных здесь гораздо меньше, но они такие же наглые, собак пока не встречал. Завтра буду проходить доподготовку на парашюты другой системы, возможно, буду прыгать, вот бы получилось закрыть программу, тогда в следующем году я буду получать дополнительную надбавку за прыжки.

} 283 }

Капитан – длинный худощавый тип с несбриваемой сероватой щетиной. На одном погоне у него не хватает звезды, на руке кожаный широкий браслет с часами и пришитым обручальным кольцом. Он очень требователен до чистоты и порядка. По характеру – истерик. Когда он долго говорит, особенно о банальных требованиях, то начинает нервничать и добавлять после каждого предложения/словосочетания «нах». Он произносит это так умело, незаметно и тихо, что сначала даже подумал, что мне послышалось.

Дочитал «Негритянский квартал» Жоржа Сименона. Сюжет таков: в 20 веке, видимо до войны или после неё, в Панаму приезжает французский инженер с женой. Он

недавно назначен директором филиала фирмы по добыче чего-то в другом месте. Они ждут парохода на следующий день. Пытаясь обменять денежные билеты, выписанные фирмой, они узнают о её банкротстве и попадают в неприятное положение. Запертые в другой стране, без денег и знакомых, пытаются найти выход из положения. Муж, Жозеф Дюпюш, начинает пить, жена устраивается кассиром в отель, а его заселяют в негритянский квартал. После безуспешных попыток найти работу он начинает готовить сосиски в кафе на обочине дороги, точнее, заведовать им. Интересная история и продолжение её. История выбора, конфликта между цветным и белым населением. По сюжету чем-то напоминает «Время не ждёт». Только здесь главный герой начинает жить с негритянской девочкой, уходит от красавицы жены, точнее, даёт ей свободу: она крутит одновременно романы с наследником отеля и сыном влиятельнейшего человека Панамы. Дюпюш пьёт чичу и устраивается по итогу обычным крановщиком в бригаду цветных рабочих.

Советую прочитать, есть что обсудить. Можно было бы снять отличный фильм, тема весьма интересна для современности. Другие два детективных произведения этого писателя тоже весьма хороши и кинематографичны. Язык простоват, но чего можно ожидать от перевода (кстати, очень даже неплохого) и дедуктивного жанра. «Негритянский квартал» серьёзнее. Концовка, на мой взгляд, брошена, но соответствует общему настроению произведения и как бы исполняет волю главного героя, который начинает довольствоваться только самим собой...

Язык совсем одеревенел, как и мысли. Пишу и страшусь речевых оборотов.

Когда ехали к части, проезжали солевые отстойники – комплекс озёр, куда сливают отбросы с заводов, производящие разные химикаты, бор, кислоты, – надо больше узнать о них. Чтобы ты понимал, это впечатляющее зрелище: химически голубо-зелёная огромная площадь воды, небо над ней тоже зелёного, зловещего оттенка. А чуть дальше красное небо – это уже другое, невидное озеро с бором. Вот где надо снимать кино! Триллеры, детективы, приключения, жизнь суровую российскую. Такая атмосфера будет незабываемая.

Очень подбодрил меня наш последний телефонный разговор. Кстати, граница настолько близка, что нужно в ручном режиме выбрать российских операторов, иначе снимут деньги за роуминг.

Извини за это сбивчивое письмо. Буду писать тебе чаще, делиться мыслями, впечатлениями, людьми, речью.

Скачал лекции Набокова по русской и зарубежной литературе, историю древних цивилизаций. Буду заниматься.

Люблю и очень скучаю. Думаю о тебе каждый день. Молюсь мало, но сейчас перед сном про себя подумаю обо всех, попрошу. Продолжаю ощущать себя в каком-то кино, себя – не собой, реальность – нереальной. Тяжело и непонятно. Как во сне. Когда смотрел сегодня на ряды кроватей, подумал о том, что они уже для меня забылись и не существуют. Это испугало, удивило, ведь я стараюсь всё запоминать, но в то же время было так всё равно. Как твоё здоровье? Как дела у Полины?

Время 23:11. Ложусь спать. Крепко обнимаю. Твой сын Ваня.

Завершено 30.11.2020

ПИСЬМО ВТОРОЕ СЫНУ

1 декабря 2020 г. в 3:00

Ваня, и письмо получил, и по телефону поговорили... просто радостно на душе стало. Хотя спокойствия не прибавилось. Да я волновался всегда, даже когда ты в бассейн или школу уходил... так что дело привычное и тебе, и мне.

Местожителство твоё представил очень даже. Этакая походная жизнь, бивуак... Так что тебе надо по вечерам обязательно отключаться от двухэтажной обители.

А про библиотеку подумай... обязательно у них есть какое-то культурное местечко.

Сименон мне всегда нравился. Хотя детективы я давно не читал... Он необычный детективист, любит социальные подробности, бытовые картинки, детали времени.

Вот эти детали в твоём письме мне очень понравились. Особенно отсутствие звёздочки на погоне в сочетании с любовью к чистоплотности и порядку.

Про озёра – устрашающая подробность. А ведь они там всегда были. А значит, как ветер с них на континент или вглубь – ужас, что творится с людьми и природой. У нас под Нижним, в 35 км, огромный химический город – Дзержинск. Чаще всего ветра от нас к ним дули, и всю гадость уносило в сторону Владимира, а по дороге выливались тучки на поля и деревеньки... так зелень желтела сразу после дождя... Так что аккуратнее там, следы за ветрами.

Парашют новой системы, это даже прикольно.

В части – один, а в жизни – другой. Ну да, расширение возможностей и знаний – всегда на пользу. Главное, не спеши с прыжком, дело-то серьёзное... я бы не решился. А ты горячий и рискованный с самого детства был.

Отправил тебе видео первой прогулки на поводке малышки Чери (потому что полностью она именуется – Череда Бурановна).

Очень разумная собачка. Рыжему проходу не даёт. А тот дурак – пока совсем не придавит, не убегает.

Полинка совсем перешла на дистант. Ей очень сложно. А тут сразу два языка, да ещё математика, информатика, история и прочие прелести университетского образования. Но я доволен. Она старается не пропускать ни одного занятия. Выступала тут на межинститутской универсиаде по плаванию за свой универ. Первая дистанция – взяла золото... сил на дальнейшие не хватило, но ещё одну бронзу в эстафете привезла. А так – во всех заплывах медали взяла. Там девочки тренированные были КМС. А она больше года воды не видела. Но ректорат счастлив. Они никогда ещё в медалях не были за всю историю университета.

Мне, конечно, полегче с Полиной, она помогает.

В зиму мы выходим впервые совсем без денег. Ремонт машины и всякая мелочь по дому вытянули весь запас. Надеюсь, что с нового года дела поправятся.

Стараюсь никуда не ездить. Слишком дорого и бессмысленно стало мотаться в город. Даже в магазин стараюсь пореже мотаться. Так что декабрь проведём в заточении, благо и пост начался, едим всё меньше. Картошку вырастили, правда, как ни удобряли, как сорта новые не сажали, а всё равно мелковатая родилась. Грибов опять насолили. А вот компотов и варенья совсем не накрутили. Зато огурчиков сделали десяток банок всё же.

Снег с ночи опять повалил. Вроде обещают мороз, а значит, пока полежит. Он мокрый, всё вокруг белым-бело. Гуляю мало, но вот теперь по снежку можно и побродить ве-

черком перед сном. Полина отзанимается, и пойдём, если не увяну...

Самочувствие моё переменное, днём и под вечер накачивается... Но пока справляюсь без врачей.

Напиши мне про ваш распорядок, без особых подробностей, зато я буду знать, что в этот час ты завтракаешь... и т.д.

Баня-то у вас есть? А то зарастёте... и вши пойдут.

Я ложусь около 23.30. Почти на час позже обычного. Встаю около 8, потому что Чери надо выводить. А потом все дела по кругу. Погода такая, что топить дом дровами и углём пока не могу. Мне, конечно, полегче, потому что не надо каждый год бегать к печке. Как ветер утихнет и снег с веток и проводов опадёт, буду истопником.

288 | Начал читать ещё в сентябре Марселя Пруста – кото-
| рый раз принимаюсь за этот восьмитомный его труд. С трудом осилил первую книгу, начал вторую... Удивляюсь до сих пор, почему так восторгаются этим бредом о жизни Франции в конце 19 века, до Первой мировой. Нашёл и отклик на выход первого тома. Дали ему сразу Гонкуровскую премию. Оказалось, что ностальгия начала 20 века по минувшей эпохе была такая сильная в кругу интеллигенции, что они не удержались и присудили ему премию. А дальше – больше. Герой 600 страниц вспоминает несколько лет своей жизни в родительском доме. 600 страниц. Так всё детализировано, что если бы Пруст писал твоё «Письмо», так страниц 300 он бы накатал, размусливая всякий свой чих и пук, каждую прогулку и мысли о ней до и после...

Вообще, стало мне в очередной раз понятно, что без советской литературы – её социалистического реализ-

ма – мир бы погряз в Миллерах, Джойсах, Прустах, Кафках и Сартрах... В их мелкотне блудливой и извращениях.

Ведь если посмотреть внимательно на их героев (кстати, и героев почти всех произведений наших диссидентов), сильных людей у них совсем нет. А сильные есть только у Хемингуэя... и даже слабые герои Сэлинджера – сильнее всех героев предыдущего списка.

А ведь нужен нам сильный герой. Настоящий мужик. У настоящего мужика и чувства настоящие. Возьми героев Лермонтова, Пушкина, Мериме, Чернышевского (список огромен)... женщины около них яркие, заводные, вдохновляющие на подвиг или убийство...

Очень не хватает мне такого сильного героя у Пруста.

Буду читать – анализировать и дальше...

Бог помощь. Молись хотя бы перед сном. А вообще, в течение дня помогает «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя...», Богородичная, и «Отче наш»... Мама всегда ими спасалась в трудную минуту. А маму и Ангела Хранителя по утрам обязательно надо призывать.

Люблю. Горжусь. Терпения нам всем и Божьей помощи.

Папа.

ПИСЬМО ВТОРОЕ ОТЦУ

4 декабря 2020 г. в 19:42

Привет, Папа, снова пишу. Сажу в железной коробке, кафе-магазине 8x15, изнутри обшитом ДСП. Вокруг одни военные, все в телефонах: в части связи нет, нужно покупать роутер.

Вчера прочитал «Президента» Сименона. Там престарелый политик доживает свои последние дни на берегу моря в мыслях о себе, о своей карьере. Его окружает небольшое ко-

личество слуг (агенты). Бывший секретарь-помощник, когда-то подставивший его, избирается президентом и берёт ночь на размышление. Он ожидает его, потому что когда-то взял с него письменную исповедь о его проступке, которая может помешать его карьере. Разнервничавшись поутру, потому что тот в итоге стал президентом и начал формирование правительства, он принимает двойную дозу успокоительного и попадает на грань жизни и смерти, где видит разных немногих близких ему людей, интересно, что самыми близкими ему стали бывший одноклассник, который по телефону терроризировал его тем, что умрёт позже него и придёт на его похороны, и девочка из детства с улицы, которая каждый год присылает ему то иконку, то образок. Он ничем не интересуется под конец, кроме мемуаров и дневников. Усиленно ищет в жизни других политиков «правду», «искренность», но её нигде нет. Везде приукрашенность, ложь, превозношение себя (помнишь, я как-то упоминал в разговоре с тобой об этом и дневнике), которую он определяет безошибочно. В итоге он после этого откровения осознаёт, что все его компроматы не имеют значения (их уже отфотографировали), что его исправленные правдивые мемуары (которые все искали) тоже никому не нужны. Концовку автор опять опускает, оставляя читателя наедине со своими мыслями и переживаниями. Старик готов к смерти, он всё отпустил, просит у всех прощения.

Дочитал я это произведение, пошёл в злачный туалет и опять остро ощутил зыбкость и бренность реальности и то, как другие её просто ощущают. Старик под конец жизни осознал многие вещи, например, что составить о людях цельного, окончательного представления невозможно и т.п. Ощущение себя стариком уже сейчас играет злую

шутку со мной. Интересное произведение, очень правдоподобное, реалистичное, герои живые. Сильно. Писатель отличный!

Пытаюсь всё скачать «Игру в бисер», но тупое приложение на «яблоке» всё время сгружает мои книги...

Стоял в наряде по КПП, вчера сменился, стояли по два через четыре, вдвоём. Вместе со мной стоял Г. 27 лет, как я понял. Интересно было послушать его. В очередной раз удивлялся простоте внутренней жизни. Всё понятно, всё нормализовано. Без какой-либо застенчивости рассказывал о том, как любит секс, о своих похождениях и жизни. Часто применяет пословицы. На моё желание поехать в К. сказал, что не нужно стремиться, если прикажут – вперёд, нет приказа – не суйся: плохо заканчивается. Поперёк судьбы не стоит лезть и залезать во всякие карманы и ответвления. Выбрал путь – иди по нему. Иначе плохо закончится. Хорошо сказал он, видно, что через себя пронёс.

Здесь почти все такие, шутки у них как у спортсменов: вульгарные, пошлые, общаются приблизительно так, как отмечал ещё Довлатов: лёгкое оскорбление с наездом, которое выворачивает тот наезд на наезжающего, всё это подаётся в форме шутки и служит основным развлечением общающихся.

Распорядок дня у нас такой.

В 6 или 6:30 подъём.

Затем обычно получение О. Затем завтрак.

В 8 подъём флага.

Затем занятия до обеда. Сегодня, например, занимались ориентированием на местности, отрабатывали различные передвижения, общение жестами. Работа с картами. Полезная информация. Но тяжело.

Обед с 14 до 15. Затем сиеста, по идее, в 16 должно быть физо, но очень холодно, все спят. Я ленюсь. Хотя заниматься надо! Ужин с 18 до 19. И всё в принципе, вечерняя поверка в 21 и отбой около 23. Многие здесь были и в С., и других разных местах. Но жизнь здесь такая дикая... Мужланская... В ближайших магазинах алкоголь не продаётся, чтобы меньше соблазна было. Бани нет, но название есть, а на деле это просто общая душевая комната без перегородок, где очень сложно заставить горячую воду, проще сказать, что её не бывает. Небо серое, ветер лютый, стремительно холодает, ночью 9 градусов, без ватников и разных поддёвок под бушлатом быть на улице не вариант. МЧС предупреждает об усилении северо-восточного ветра до 15–20 м/с, порывы – до 25 м/с.

Здоровье моё в порядке. Читал вчера новости. Турция что-то лютует, добиваются конфликта, непонятно зачем. Причём, как я понял, лезут на всех... Америка непонятная тоже. Китай растёт и бухнет, вот-вот лопнет. В Африке какие-то столкновения тоже намечаются. Смутное время начинается...

В «ленте» несколько дней назад выскочила цитата Милана Кундеры: «Родить ребёнка – значит высказать полное согласие с человеком. Если у меня появился ребёнок, то тем самым я как бы сказал: я родился, познал жизнь и убедился, что она настолько хороша, что заслуживает повторения».

У многих служащих есть дети, семьи, старый матрос – нормальное явление. Парень встречался с девушкой, даже не любил её, она залетела, родили ребёнка. Ему 20 лет. Живут вместе, помолвлены, он хочет свадьбы. Недавно, ещё в Д., он с ней говорил по телефону, и она его спросила, что

для него любовь. Он ей ответил, что никогда не любил, но ему с ней комфортно и никого не нужно другого, кроме неё. Я ему ответил, что женщина не хочет, чтобы мужчине было с ней комфортно, она хочет, чтобы её любили.

Меланхолия нахлынывает. Грущу тоже. Пытаюсь понять, как реализоваться, найти своё место, позицию. Обрести внутреннюю силу. Но как её обрести, если я знаю, что всё подвергается сомнению, что всё зыбко и ненадёжно. Что истины на самом деле не существует, ведь у каждого она своя. Даже бог у каждого свой, потому что никто не знает, какой он на самом деле. Любовь. Её в этом мире так старательно избегают, а насилие и грубость так часто используют. Вокруг неисправимое сумасшествие. Мир катится в бездну, и его от края уже не оттащить, к сожалению. Рядом с мужиками я чувствую себя слабым и в своём представлении вовсе не шкафом 1 м 80 см роста ростом, с горой мышц, а маленьким человечком с испуганными и расширенными на всё глазами. Я понимаю, что не приемлю насилия ни в каком виде, только в состоянии аффекта или блокировки внутренних моральных устоев, закупоривания чувств. Меня ужасает бесконечность нашей Вселенной и то, что все в ней одна энергия и материя. И что я совершенно не представляю, что я и что меня окружает. Обычные предметы, к которым я иногда применяю уменьшительно-ласкательные суффиксы, бывает, выкидывают меня в состояние дереализации. Веточка, бутылочка, и мне в лоб летит вопрос: «Что это?» Только не так, как я написал, а с восклицательными знаками и с паникой в каждой букве. Какой-то буддист писал приблизительно так: сначала ты видишь реки и горы – и это просто реки и горы, когда ты прозреваешь, ты видишь реки

и горы, но это не просто реки и горы. И только когда ты снова видишь реки и горы и это просто реки и горы – ты достигаешь просветления.

Игры, где сталкиваются человек с человеком, как я понял, меня совсем не привлекают. Даже те же шахматы. С тобой бы я сыграл. С кем попало не хочется, вообще. Всё сильнее начинают проявляться неприятные свойства человека, и снова появляется насилие. Мне больше по душе наблюдение и рассуждение, помощь.

Извини за грустное и тяжёлое письмо. Очень скучаю по тебе, сильно ощущаю связь между нами. Хочется снега и нормальной русской зимы. Бани. Тарковского на телевизоре. Разговора за вином. Заварного чая. Думаю о тебе каждый день. Прекращай волноваться, я тщательно держусь за реальность и стараюсь всё контролировать вокруг себя, и внутри тоже.

}
295
}

Собачка премилая, очень хочу с ней уже поскорее познакомиться и подружиться. Смотря на неё, ещё сильнее хочу домой. Всем привет! Обнимаю. Люблю.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ ОТЦУ

4 декабря 2020 г. в 23:03

Писал в прошлом письме, что вижу себя маленьким человеком. Но как хочется быть настоящим мужчиной-творцом. Я считаю, что для этого (для становления настоящим человеком) просто необходим настоящий партнёр, хотя бы на какое-то время, уверен, что это больше года и не меньше трёх лет. Взять того же Гессе для примера. Его становление как мужчины, утверждение и принятие себя и тех принципов, по которым он живёт и определяет мир, произошло именно в короткий, кажется, даже трёхлет-

ний период семейной жизни. Мы с тобой уже говорили об этом: как хочется найти девушку, женщину, которая бы устраивала и внешне, и внутренне. Которая была бы понимающая и, самое важное, зрелая внутренне. Уверенность в отношениях растёт с геометрической прогрессии, плодотворность – так же. Не спору, что это очередные мои отмазки из-за страха перед собой и обширностью, необъятностью жизни. Но меня беспокоит неисчислимое количество поворотов судьбы, возможностей, вариантов развития, короче говоря, пресловутая свобода выбора, «дарованная» нам через древо познания добра и зла.

Для меня всё сложнее стало восприниматься, сложнее принимать новых людей. Мало того, что при погружении в их подсознание, жизни ты понимаешь, что внешнее, кажущееся может разительно отличаться от настоящего, и чаще всего это так и есть. Так с ужасом ты узнаёшь их собственное одиночество. Их собственные страхи, которые они стараются не выдавать.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ СЫНУ

8 декабря 2020 г. в 3:00

Ещё не получил твоего ответа на второе письмо, а пишу опять.

Здравствуй, дорогой. Конечно, постоянные мысли о тебе приводят сны... Ну да, я давно знаю, что такое сны.

А вот действительность куда забавнее. Наташа ездила к А. Не выпускают за территорию. Так 4 часа прообщались-прокормились, как на привязи. Сдал он физру на «отлично», т.е. нормативы для повышенной стипендии. А неприятное рассказал вот какое: недавно стали им сте-

пуху-зп выдавать, т.е. почувствовали мальчишки, что такое деньги на счету. И тут как тут ловкачи к ним подсуетились – то ли сержант, то ли ещё какое начальство своёское – и начали предлагать по-лёгкому поиграть. Мол, много не потеряете, а лишние появятся деньжата. А. оказался в уме, не клюнул, а начал приглядываться к окружению. В итоге уже два студентика попали крупно. Мало того, что всё проиграли, так ещё и в кредиты залезли. И я вспомнил рассказ вашего бригадного командира о попадающих в подобные ситуации матросах. Значит, это повсеместно. По сегодняшним дням – дело обычное, один другого подставляет, чтобы самому подзаработать. Но противно от этого на людей смотреть... а приходится.

Чищу и чищу перевод поэмы. Надо бы завершать, а она всё тянет и тянет мелочами. А показать и некому, чтобы введливо прочитал и что-то сказал про непонятки.

} 297 }

Начал читать о Набокове (поднакопилось у меня книжек о нём – переписка и биографии), интересные места встречаются. А начав читать роман американского периода, ещё раз убедился в том, что его тексты – сплошной приём (особенно это заметно в переводе). Но читать всё-таки его надо, вот только времени жаль, уж больно плодovit. Но есть в нём замечательная черта: бедность и недостаток абсолютно не изменили его характер и образ жизни. Впрочем, у Бунина такая же история.

Но Бунин весь на понтах, а Набоков – реалистичен в поведении. А вот его цинизм, который выпирает, как у дурака кошелёк из кармана, совсем мне не по душе. Ну да про это будем ещё разговаривать.

Помнится, хотел я тебе рассказать, как злоба на себя самого заставила меня написать заказную статью.

У главреда – тов. П. – был зуб на автора книги и достаточно видного в либеральной среде журналиста-беллетриста. Издал он очередной том своего справочника о современной литературе, в котором была и статья о самом П. Вот эта статья ему и не понравилась. Хотя больше его мучила не статья, а то, что его либералы не сильно чтут. И без установки «показать двойные стандарты» статья моя была бы отрицательной, но без этого направления статьи.

Я написал три варианта. Все были по-своему хороши. Но до последнего момента принятия материалов в номер П. всё бузил. А я больной сидел дома и переписывал, и переписывал. Место в газете я тогда ещё ценил. Поэтому я в итоге сказал себе: «Плюнь на то, что ты скажешь эту фразу. Да, она не твоя, и смысл она меняет в твоей статье, но принципиально это не расходится с твоими установками. Поэтому плюнь на все свои наработки, сделай то, что просят. А вот фамилию свою под статьёй не ставь. Пусть редакция ставит свой редакционный псевдоним». В итоге материал был сделан и принят в печать. Нашумел он, как всегда, своей жёсткостью.

А несколько лет спустя я столкнулся лицом в лицо с этим деятелем, он после смерти Чингиза Айтматова занял место председателя «Русской премии». Последняя из них по моей «жёсткой наводке» в печати стала ПОСЛЕДНЕЙ в её истории.

Вот ссылка на неё. Полюбуйся: <https://svpressa.ru/blogs/article/119800/>

Рад был оказаться таким бикфордовым шнуром на mine замедленного действия для псевдорусской премии.

Надо сказать, что и другие подобные премийки в тот же период начали сдыхать. Но русским никакой премии не добавилось, как её не было и прежде.

В этом и прошлом году мои сотоварищи получили «Золотого Витязя», позиционируемого на русских авторах. Так посмотришь список, а там всяких-яких, и чёрненьких, и беленьких. Вот тебе и русские авторы... Хотя и им дают... да всё не то... не первые места. А все первые места тем же самым, что и прежде. Правда, ярких и-ких фамилий вроде бы нет, но ведь смешно смотреть, когда прежние похабники стали про святых писать. И за эти конъюнктурные книги и получают первые премии.

Так что сижу я в своей деревеньке весь «беленький и пушистеный». Вокруг снега по щиколотку, они тоже беленькие. Никем не вытоптаные, потому что пользы чуякам от этого топотуна никакой. А мне – одна радость.

С любовью и наилучшими пожеланиями тебе.

Чем кормят-то? Наедаешься ли?

Зубы чистишь хорошо? Надо почаще в таких условиях о зубах вспоминать.

Обнимаю. От всех приветы и поклоны.

Папа.

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ ОТЦУ

08 декабря/10 декабря 2020 г. в 19:45

Привет, Папа. Вот, видишь, не дошёл я раньше до этого неуютного магазинчика у дороги. Забыл рассказать тебе по телефону, что в воскресенье занял третье место по поднятию гири 24 кг в весовой категории до 95-ти. Поднял 58 раз. Мог больше, но технику растерял после 50-го, и гиря просто выскользнула. Вчера проходили тактическое задание с ориентированием на местности, обнаружением противника и т.п. Расскажу подробнее при встрече. Было очень интересно, но грязно и мокро. После таких занятий

чувствую свой возрастающий профессионализм и то, что время не проходит зря. Сегодня пришла первая зарплата. Так приятно мне ещё не было. Я чувствую, что действительно заслужил эти деньги, да, они не такие большие, но эта работа лучше, чем грузить и продавать безделушки ночью в центре Москвы и впаривать ненужные акции. Начал читать Ницше «Человеческое, слишком человеческое», по предисловию показалось, что он словоблуд, ну посмотрим, что дальше будет. Пытаюсь скачать нормальные фильмы из списка классического кино, но пока не очень выходит.

300 |
|
Время здесь летит очень быстро, особенно когда стоишь в наряде. Выходишь на смену: два часа отстоял, пришёл перекусил и завалился спать на 3–4 часа. Проснулся, отстоял, опять дрыхнуть, ну или читать, фильмы смотреть. Три раза сходил на смену – день закончился. А рабочий день у нас такой: утром учёба, тактические задания, а потом свободное время, почему-то здесь очень хочется спать в послеобеденное время. Спят все)) Питаюсь я хорошо, кормят тоже неплохо: гречка, перловка, пшено, рис, на обеды супы, везде мясо! В части очень часто рыба, я от неё, признаться, устал, к тому же она там не лучшим образом бывает приготовлена или испортившаяся бывает, и её пересаливают, чтобы перебить запах и вкус. Но сейчас я пошёл в магазин, накупил всякой всячины, взял себе некое подобие лагмана, похоже даже, что на тушёнке)) Помню, как ещё на срочке мы поехали на награждение и по пути, в каком-то татарском посёлке, купили беляшей и попить. В беляшках была тушёнка, хотя стоили они достаточно дорого.

За последние дни голова очистилась, чувствую себя хорошо, время от времени ем витамины, пью аскорбин-

ку, губы не проходят, но я на них не обращаю внимания. Держусь, стараюсь ни с кем сильно не сближаться, не конфликтовать. Хочется домой и после армии интересную, живую и активную работу, учёбу и самореализацию.

Сегодня мужчины обсуждали, как процветает деревня на армейские деньги: скупается всё, вплоть до носков. В центре деревни безносый посеребрённый Ленин, где только его не встретишь! Кстати, на занятии по определению севера и ориентированию, когда перечисляли способы нахождения сторон света, я в шутку сказал, что Ленин всегда развёрнут на запад, для продвижения коммунизма и мировой революции. Старшина принял это за чистую монету. Вот так вот)...

Статья отличная, а насчёт случая у А., да, это так. У меня в армии глаза на жизнь открылись: то, что я раньше принимал как клевету или ложь, не верил, что такое правда может быть, здесь сплошь и рядом и никого не удивляет. Да и вообще, я осознал такую простую вещь, что в России возможно всё.

Хочу посоветовать тебе современного кинорежиссёра Кристофера Нолана и его последний фильм «Довод». Там мало того, что сюжет захватывающий, он в свои фильмы всегда вставляет последние научные открытия, использует время, пространство и крутит ими как хочет. Советую посмотреть.

Возвращаясь к статье и ситуации, которая происходит в мире: я тебе уже писал, что вокруг сумасшествие и сплошная ложь. Люди не только обманывают ближних, они обманывают себя, живут этой ложью, верят в неё и играют ею. Как дети, ей-богу! Высасываем планету

и ведём бесконечные вооружённые конфликты, перекраиваем историю и не ценим ничего, кроме личного пространства...

Глупо. Смешно. Страшно.

Недавно посмотрел документалку про Тарантино. Она сделана его ближайшим дружеским окружением, поэтому вся в тёплом свете и в целом очень вдохновляющая: парень, работающий в кинопрокате и любящий кино больше всего, после продажи двух своих киносценариев и срыва их режиссирования выигрывает конкурс двойников Элвиса Пресли, аж 20000\$! И снимает свой первый фильм.

302 | Сегодня сидели с сослуживцем на наблюдательном посту, вокруг туман на десятки километров, потому что вокруг степь. Видно всё максимум метров на 250, дует несильный ветер и треплет коричневые маленькие кустики травы, которые сбрасывают с себя капли росы. Парень запел какую-то военную песню, а мне вдруг ощутилась прекрасность и естественность этого момента и тоже захотелось запеть. Слов я не знал и мучительно пытался вспомнить слова «На поле танки грохотали». А потом оказалось, что он тоже знает эту песню, и мы спели её. Это было замечательно...

Наверное, сегодня научусь играть в нарды.

Скажу тебе так: меньше злись на всяких-яких, чёрненьких и беленьких. Все мы люди, и надо нам искать взаимопонимания, честности и достижения совместного результата, а не делить и уличать друг друга. Но это невозможно, потому что слишком мы одинаковые все и слишком разные. А ещё среди нас слишком мало взрослых! людей. Слишком мало настоящих воспитателей добра, света

и любви и слишком много глупых детей, которые ведутся на удочку других детей – посильнее и похитрее.

Я всё так же страшусь своего призвания, но знаю, что надо просто начать и не останавливаться, больше учиться, запоминать, осмысливать, наблюдать и слушать. Стать глазами и ушами. А в момент проецирования и рассказа стать лучом правды.

Замечаю за собой, что я слишком многогранен, многоличен, подвластен настроению и мыслям. Никогда нельзя сказать, какой я сейчас перед тобой.

Как-то так спокойно сейчас внутри и хорошо всё, что даже немного страшно.

О. вместе с папой болеют коронавирусом. Рассказывал про симптомы. А за что наградили отца Савву?

...Мне тоже снятся такие красочные сны, правда короткие, зараза. Чаще все про девчонок, общежитие, какие-то приключения.

303

Сегодня снилась мама, что-то там происходило во сне непонятное, какая-то суета. Зачем-то меняли симки в старых кнопочных телефонах, куда-то собирались ехать...

Полину надо поддерживать, она должна учиться и не бросать учёбу ни в коем случае. Для себя прежде всего!

Мечтаю о правах и машине. Думаю, купить «Гольф 4» или что-то наподобие где-нибудь в Краснодаре или Ростове.

Ближе к лету куплю, наверное, камеру и попрошу у тебя плёнку. Нужно снимать и учиться. Я хочу снимать суровое русское кино, триллеры, с длинными кадрами, нашей безумно красивой природой и невероятно глубоким, погибающим, брошенным человеком. И ещё хочу написать несколько серьёзных вещей. Смогу ли?

Надо верить в себя.

Хочу поговорить с тобой в следующем письме о русском, извини меня, «по*уизме». Что ты думаешь об этом? Как часто сталкивался с ним? Кто из наших Писателей поднимал эту тему? Не Некрасов ли? А Достоевский?

Потихоньку буду читать Гессе и Ницше, рассказывать тебе о них.

Мечтаю о встрече с вами и недельке жизни дома.

Думаю о том, как мало мы времени проводили вместе. Надо и рыбалку будет устроить, и поездку в какое-нибудь место. Больше игр, добрых слов и улыбок!

Расскажи о домашних: чем живут, о чём думают, чего хотят? Как сёстры? Когда замуж?)))

Очень крепко всех обнимаю, выборочно можешь почитать Полине письма, на твоё усмотрение. Целую. Ваня.

10.12.2020 в 19:44

304

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ СЫНУ

13 декабря 2020 г. в 3:00

Доброй воскресной ночи, сынок.

Я болею телом немного. Часа 4 мучаюсь, потом передеваюсь, и иногда удаётся опять заснуть, но не сегодня. Пришлось встать в 2 ночи и читать. Читаю сразу несколько книг, как всегда. Среди этих книг – романы Набокова и мемуары о нём. Интересная история получается, не стань он нобелевским лауреатом, так бы и не узнал никто про такого писателя. Именно 18-летний период жизни в Америке смог сделать ему биографию. Хотя чего там такого интересного в этой Америке? Путешествия почти бездомному человеку за счёт знакомых. Совсем не блестящая перспектива преподавания русской литературы в колледжах для 10 студенток... Необходимость писать на чужом

языке, иначе они не воспринимают неанглоязычного писателя.

А если ему там было так хорошо, чего он при первой возможности свалил в Швейцарию, где в итоге и помер счастливым?

Так что биография делает человека, но и человеки её делают с хитрецей и при национальных и прочих привилегиях. Жинка – еврейка! А он – из дворян, да ещё боровшихся с царизмом и большевизмом... Ради русского народа ли всё это делалось?

Ну да не про него теперь. Тем более ночью.

Я последнее время замечаю скоротечность дней всё сильнее. Только встанешь, в себя придёшь, работать начнёшь, а уже и полдень. А тут и вечер...

И не от краткости светлой части суток и длительности ночи это. А почему? Из-за отвлечения на обилие новостей и частого размышления о завтрашнем дне.

Вот который раз пытаюсь заставить себя отключать телефон во время работы. И не могу...

Спал, а в бреду писал тебе письмо... да ко времени написания и перезабыл всё написанное-сочинённое. А помнится, что чего-то так внятно рассказывал из прошлой своей жизни.

Звонил Рожновой Полине Конст., а она рассказала, что, разбирая архив, нашла запись из моего прошлого: «Лукин пошёл сдавать кровь. Значит, будет чем накормить детей». И вспомнил я, как это было: донорство ради 5–6 рублей прибýtка для прокормления семейства во времена студенчества... А перед сдачей крови и после – обязательный бесплатный чай с печеньем и сахаром, которых дома давно и не было. Напьёшься – вроде и есть не хочется...

этакий самообман. А потом кровь-то надо чем-то восстанавливать, и через несколько часов такой аппетит... а всё уже съедено детишками.

Фильм «Довод» посмотреть не смог. Он новый, и найти его для просмотра невозможно, к сожалению.

Начал вчера разбирать библиотеку по итогам годовой работы. Всегда в конце декабря это делаю, чтобы начать НГ с порядком-планами в голове и на столе-полках.

Если ничего не изменится, то этот год завершим в полной нищете. Прихода пока не намечается, а расходы уже запланированы и совершены аж с учётом января, и большие.

И всё равно стараюсь больше думать о деле. Планирую поездки следующего года по библиотекам страны. Антология «Война и Мир» требует более детальной проработки на местах. Я уже убедился, насколько полезно посетить местные библиотеки. В них ещё остались советские издания.

Завершил я (маленькие правки не в счёт) перевод поэмы «Зоя»; вот бы твоё мнение услышать, и, может, где-то что-то покритикуешь.

Рад был бы твоему участию.

Отправил по поводу публикации предложение в татарский журнал, а оттуда получил фигу с маслом. Мол, много достойных авторов и произведений у нас в портфеле, очередь на год. «Присылайте. Рассмотрим». Смех, да и только. Пролежала поэма с 1943 года никому не нужной в библиотеке, и ещё пусть полежит. Живых надо печатать, а то они, бедненькие, значение своё в литературе ощутить не смогут.

Так что пока (ожидаемо) ответ из Казани отрицательный. Но написал я по этому поводу Абузярову, обещал поговорить с главредом другого журнала. Хотя надежда

у меня небольшая. Думаю, что сделаю интервью-беседу с Ильдаром по поводу этого произведения, татарской литературы военного и поствоенного периода и новых томов Антологии «Война и Мир», а как приложение – напечатаю несколько главок из поэмы. Так может оказаться куда современнее. А то современники уж больно не любят архивную пыль и успехи коллег.

Ты так и не написал, на какой срок контракт подписал. Какие там условия по отпускам и пр.? Сколько тебе зп положили на испытательный срок и есть ли какая командировочная прибавка? Если не хочешь – не пиши.

Победа твоя в гиревом соревновании меня порадовала. Я много в юности с гирей работал, а вот сколько раз выжил её, уже и не помню. Хороший это инструмент для силовых упражнений и укрепления рук.

Вы в полном снаряжении, видимо, приехали. Думаю, на стрельбищах часто тренируешься, коли пулеметчиком назван.

Дорогой ты мой сын, за нас не переживай, мы продержимся зиму, не впервой чай.

А по весне начнём в себя приходиться, это уж точно. Главное, чтобы мне не разболеться, как это делают все мои коллеги в разных городах страны. Боюсь, не выдержу.

Вот тебе моё спокойное-тихое письмецо.

Твоё письмо меня сильно порадовало, потому что ощущение формирования присутствует в нём, жизнь есть настоящая, а не придуманная суетой городской.

Бог помощь. 5.35 воскресного утра. На дворе снежок порошит, и ветрит с юго-востока прямо в спальню, выходная, а в библиотеке сравнительно тепло, так как дом топлю по ночам. Через 3 часа в храм пойдём.

И тебе бы сходить...

Люблю. Горжусь. Папа и вся семья.

Воскресенье.

ПИСЬМО ПЯТОЕ ОТЦУ

13 декабря 2020 г. в 19:58

Добрый вечер воскресенья. Целый день валялся и бездельничал. Посмотрел два фильма: французский «Магия зверя» и «Дело Коллини» – немецкий. Оба хороши. Второй – про реальное дело или по мотивам, для того чтобы люди обратили внимание, какие законы принимаются. Может быть, ты слышал про закон 68 года в Германии, по которому многие военные преступники избежали наказания?

308 | Про стрельбища, конечно, мало. Занятия есть, интересные. Надо было идти на Кубинку в ВДВ, там настоящие профи. Но не суть.

Про формирование, да, наверное, ты прав. Я очень жду момента переезда на квартиру. Хочется обустроиться, обставиться, выработать график, начать заниматься планомерно, не отступаясь; начать выбирать, что нравится, что важно, что не очень. Что именно должен делать и как. Скину тебе небольшой стишок родом из конца октября.

Я кричу!

Но я молчу...

Чу!

Чутко чувствую чудака.

Ваши сердца молчат,

Но стучат:

«а-ча, а-ча, а-ча...».

Начатое не спрячешь,
Закончить только можно.
Это выход,
Но часа мало,
И частое возвращение
Поможет.

Глупое, конечно, и слабое, но лучше у меня сейчас не получаются. Могут быть лучше, но не работаю. Обязательно кидай «Зою Космодемьянскую»! И надо думать мне/нам, насчёт пьесы о ней: почему бы действительно не вывернуть всё через предателя, как я тогда говорил. Сделать такую достоевщину. Показать слабость человека. Противопоставить ему, этому слабому мужчине, сильную женщину.

Насчёт Набокова, продолжаю считать его извращенцем и педофилом, только ненормальный человек мог написать «Лолиту». Но это не отменяет его другие заслуги, в частности, его лекции по литературе.

Не могу себя заставить читать. Вспоминаю диалог с сослуживцем (который Г., 27 лет): «– Я люблю читать, я много читаю, коллекционирую книги. – Да? А что читаешь? – «Ведьмак», «Сталкер», Анджей Сапковский – это нужно прочитать!» Как-то так. К Ницше не возвращался, Гессе тоже не открывал. Извини, пожалуйста, самому стыдно.

Завтра понедельник, завтра мне скажут, больше чем уверен, что прыгать я не буду (очень плохо). Это значит, что весь 21 год не будет доплат за прыжки. Сейчас идёт урезанная зп. Потом должна быть выше. Плюс премии, доплаты. Получил также матпомощь. Всё откладываю.

Деньги нужны будут скоро. Сам знаешь, какие у меня планы.

Читал твоё письмо и опять провалился в ощущение жизни и себя. Недавно размышлял, кстати, думал о Рожновой, как она, не видел её, наверное, лет 10.

Насчёт обустроенности и создаваемой судьбы, биографии. А как же ещё иначе? Так и делается, мы сами принимаем решения. Ищем, где лучше всё-таки. Как один старичок сказал: «Здесь, в Севастополе, полно красивых девчонок, главное – женись на той, что с квартирой». Я вот всегда чурался денег и имущества, всякого материального вопроса, а его не чураться надо, а проще относиться к нему, но и не быть дураком...

310 | По отпускам в моём подразделении туго. Хочу туда, но хочу после летней командировки в другое место, потому что там учебка хорошая. Грядут перемены, командиры меняться будут, скорее всего, скоро. Как обычно, впрочем. Продолжает мучить) вопрос, что я должен делать и какое призвание у меня. Цитата из Марка Твена: «Если ты начал соглашаться с большинством, значит, ты вышел на неверный путь».

Ты совсем не поддержал мой диалог насчёт русского пофигизма. Очень жаль. Жду твоих размышлений. Я сталкиваюсь с этим повсеместно. И у меня тоже есть мысли на этот счёт. Пойду обратно в роту. Обнимаю тебя крепко. Пожалуйста, переставай хворать! Помни, что я тебя люблю и очень тобой дорожу. Всем приветы. Чери жму лапу. Ваня.

ПИСЬМО ПЯТОЕ СЫНУ

13 декабря 2020 г. в 5:37

Ваня, очень важно, что наша переписка началась и продолжается. Очень многое ты сейчас ещё не понимаешь, но пройдёт время, начнёшь иначе ощущать и понимать.

Я очень хорошо помню, как многое я забыл из твоего возраста. А этого нельзя забывать... это время накапливало во мне всё, что сегодня я понимаю, чем живу, чем стал.

Вот это понимание пусть будет в тебе все ближайшие годы.

Про женитьбу... Вряд ли сегодня с этим следует спешить. А вот жить с женщиной, которой с тобой будет хорошо и с которой тебе будет легко... это правильно. Но как там жизнь вывернет и куда. Одному Богу известно.

Я тут постоянно думаю, как дальше жить и чем. Надеюсь, выберусь к тебе, как обустроюсь, всё обсудим спокойно. А пока будем жить тем, что жизнь посылает.

А вот жить, как все, – это точно глупость. Но у тебя так и не получится. Как и у меня никогда не получалось. Ведь даже в своей роте ты не совсем так, как они, живёшь, не о том думаешь, не то читаешь и не о том мечтаешь.

Не нужно им это твоё отличие. Им нужны твои победы в гиревом спорте, точная стрельба... т.е. служба.

Я старался всегда на каждом месте по-своему, но освоить всё досконально. И вроде бы удавалось. Даже косы научился заплетать, жопы подмывать... да мало ли чему научился...

Пока завершу письмо. Продолжу завтра. Обнимаю.

20.35 вск

ПИСЬМО ШЕСТОЕ СЫНУ

14 декабря 2020 г.

Ваня, теперь про ответы на вопросы.

Ульяна снимается в рекламе, учит несколько богатых учениц артистизму, начала съёмки в 2 фильмах, один в Питере, другой – в Мск.

Отца Савву сначала обвинили в финансовых махинациях и посадили под арест в Псково-Печерский монастырь, но вот наградил Патриарх. Надеюсь, что это не просто отмазка для безвинно виноватого, а признание его заслуг перед обителем и Патриархией.

Про п-зм... Вот не вспомню, чтобы всерьёз об этом говорилась хоть где-то. А уж я много почитал и послушал. Что бы это могло значить? Наверное, имеется в виду, когда человеку ничего не дорого. А когда человеку ничего не дорого в жизни, ни день нынешний, ни прошлый, ни будущий? Он или пустой, или ненормальный, или болен, а может, просто наркоман. У Достоевского в «Мёртвом доме» такие есть, но и они понимали свою бедовость, виновность, никчёмность. Чехов таких же описывал на Сахалине – в «Острове Сахалин». Ещё подобных показывал Лесков, да хоть в «Леди Макбет Мценского уезда». О новых писателях не хочется и думать, так как их «герои» – фэнтези и не больше. Много таких у Горького в ранних рассказах (где герои – оборванцы), у Бабея...

Наверное, и Печорин такой по большому счёту.

Теперь о твоей будущей жизни... Надо не мучить себя вопросами – «СМОГУ ли?» А отвечать на них ДЕЛОМ: накапывающая эмоция, впечатления, человеческие судьбы, собственные мысли и идеи... И тогда говорить каждый раз только «СМОГУ!» и мочь...

У меня каждый раз так бывает перед новой работой, перед неожиданной работой, никогда мной не деланной раньше. Но я начинаю понемногу её выполнять, терпеливо накапливая по строчке, по слову, день изо дня... а в итоге начинает получаться.

Вот Сметанина переводил. Никогда с детскими стихами не встречался, а тут совсем чужая культура, иная жизнь, иные смыслы. К тому же совсем краткий срок, надо было переводить по 30 строк ежедневно, и переводить вчистую, а значит, ещё и черновики по 50 в день набирать...

Я разочаровывался несколько раз, хотел даже отказаться от работы, не хотелось лицом в грязь...

Но Наташа рядом была, поддерживала, критиковала, хвалила, подсказывала слова, которые на языке крутились, а на бумагу не попадали. В итоге – дело сделано. А какой опыт огромный приобрёл.

313

Внешнего признания всё равно никакого и не было. Да и зачем оно мне? В последние годы, после смерти мамы, я всё спокойнее к нему отношусь, меньше печатаюсь, работаю не ради этого, а потому что Господь дал мне это дело в руки, я должен его делать в память о ней, о родителях, они всегда верили в меня, просто ради того знания, что никто этого точно не сделает, кроме меня. С каждым днём жизни вижу, что НИКТО мои дела не сделал бы. И вас бы не было. И мама бы мимо прошла. Или однажды вернулась обратно. Да мало ли чем Господь доказывал мне неслучайность всего случаемогося.

Жизнь – моя, и ничья. Я иной раз иду плечом к плечу с кем-то (это на очень краткое время), чаще – делаю своё, поперёк общему, но не во вред. ОБЩЕЕ – оно вроде есть,

а вроде и нет его, но добро этого общего нарушать нельзя. А вот дополнять своим добрым делом его надо, пусть и вопреки их желаниям, их непониманию.

Вот и ответил я тебе на все вопросы.

Не серчай, что иной раз по верхам пробегаю письмо. Сил порой не хватает вдуматься, порассуждать, внятно объяснить.

У остальных какие планы?

Наташа должна в следующем году закончить журфак, вряд ли ей это позволит что-то изменить в жизни, но, может, дописанная книга (у неё очень приличные рассказы получаются) заставит пересмотреть досуг.

А. вроде бы тоже на контракте теперь, иначе не повысили бы стипендию. Учится, старается. Говорит, что хочет по окончании уехать служить на Новую Землю... Но до этого ещё ой как долго.

Мне пока ничего не светит, перспектив найти работу нет. Каждый год переваливаю зиму и постепенно прихожу в себя. Господь не выдаст, свинья не съест...

Люблю и верю в тебя. Твои успехи и в делах, и в мыслях меня окрыляют. Спасибо. Помни про это.

Папа.

14 декабря 2020 г., пнд в 21.13

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ СЫНУ

25 декабря 2020 г. в 7:50

Утренний привет, сын. В снегопад опять не спится. Встал ещё до 4. Растопил камин. Включил горячую воду. Выгулял Чери. Сел читать и пить чай.

Удивительное это дело – начало старости. То всё тело болит (на погоду), то спишь круглые сутки, то бессонни-

ца и бодрое тело. А сегодня на сутки заснежит, буду грести-места-дом топить. Завтра Уля собиралась приехать на пару дней. На НГ – работает, решила заранее приехать – поздравить.

А у меня никому в этом году подарков нет. Полинке на ДР только.

Вот думаем всей семьей – не отправить ли тебе с курьером какой гостинчик через «Озон». Да у тебя полная нестабильность с местом нахождения. Сколько где пробудешь – понять невозможно.

Читаю о Набокове – как же чертовщина в мире сильна. Пастернак в СССР впахивает с утра до ночи, чтобы прокорчиться и творить. А Набоков читает по 2 лекции в месяц и живёт припеваючи, до всего мира ему дела нет. И думаю себе: может, он в чём-то прав? И такой пофигизм, который ты называешь пох...мом, позволяет многим жить без совести и морали.

} 315 }

А всё же Пастернак пишет великие стихи и большой роман «Живаго», а Набоков всего лишь вычурные стороны человеческих негодяйств и извращений описывает.

А на днях в жизни российских писателей произошло наиважнейшее событие: образована Ассоциация писательских союзов. Во главе поставлены Шаргунов и Толстой.

Вроде бы долгожданное событие, я про это 15 лет назад говорил. Но время всё изменило. Сейчас СП России насквозь прогнил. Поэтому сочетание имён старцев из патриотического союза с энергичной молодежью либеросов показывает, что далее последует полный захват ими всего литературно-финансового процесса в стране. В этом году как будто случайно обанкроти-

лось несколько старейших журналов страны в Москве и Питере. Вот они и станут первыми журналами на государственном обеспечении этой ассоциации, а во главе будут только либералы (в том числе – очень хорошо маскирующиеся).

Чувствую, что полный финиш настанет. И до этого было хреново, а теперь моя позиция станет полностью неприемлемой.

После смерти Дударева, например, Шаргунов так изменил лицо «Юности», что печататься в ней просто противно.

Летом встречался в Таганроге с руководителями СП, немного у них изменилось, но изменения были заметны. Начали думать о молодёжи. Но в Вологде увидел этих организаторов молодёжного движения, пришёл в шок. Те же самые либеросы, только замаскировавшиеся под патриотов. С лёгкостью работают с любыми типчиками (всякой безнравственности), лишь бы они помогли им в финансировании и продвижении вверх.

Так что грустная картина.

А вот снегопад меня порадовал чистотой. Значит, только человек вносит разлад и разврат в мир.

А сейчас ты прислал строчки в телефон про снег, продолжив мою строку.

Не думай, что это всё ерунда. Да – сиюминутность. Да – просто слова в рифму. Но главное – отклик души и мысли на жизнь. Это не должно прекращаться. Для этого Цветаева носила блокнотики с собой всю жизнь. Сама их нарежала и сшивала.

Вообще, мы так отвыкли делать всё своими руками, что кажется маразмом, когда читаем про Толстого, который

всё старался делать для себя сам. Хотя горшок за собой не выносил, кажется. Но могу ошибаться.

Обнимаю. Люблю. Живи активно. Всё вокруг пусть будет во благо.

Бог помощь. Папа.

7.49 утра птн – двадцать пятой декабристой

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ СЫНУ

30 декабря 2020 г. в 7:27

Ваня, привет. Сегодня уже 30 декабря. Завтра Полине 19 лет. Говорить, что это быстро произошло, банально, но время и правда летит стремительно. Я стал замечать, что даже ночи становятся короче. Раньше хоть ночи тянулись... особенно во время бессонницы.

Как я в себе почувствовал, что литература – это моё? Просто была внутренняя уверенность, несмотря на то что у меня долго почти ничего не получалось. Хотя я постоянно думал, читал, пробовал. Отсутствие общения с профессионалами не давало развития. И только во время учёбы в МВТУ, а мне уже 20 лет, по тем ощущениям – переросток, я попадаю в «хорошие руки» и творческую атмосферу. Помню, как волновался, ожидая первого обсуждения... А ведь от него почти ничего не зависело вроде бы. И всё же уверенность в правильности выбранного направления движения никогда меня не покидала. А были времена молчания, постсоветской пустоты в творчестве, вынужденного ухода в бизнес. Много позже Саша Кувакин сказал простые слова о том, что мы напишем столько, сколько должны – и не больше. Это может быть за несколько лет, а может и за несколько десятилетий.

Я с этой печоринской фаталистической позицией не совсем согласен, но иногда эта мысль помогала жить.

Читаю воспоминания-размышления Сименона. В мире совсем ничего не меняется с точки зрения наличия зла, его усугубления, умения маскироваться под добро, давления на личность.

Сейчас я живу под давлением финансового голода, когда я вынужден думать, как дальше выжить, если отсутствует постоянный денежный приход. Но замечаю, что не переживаю, уверен, что разрешится эта проблема рано или поздно. Так было всегда. Главное – работать, жить добром, не только для себя жить, не забывать развиваться внутренне. Обычные вроде бы слова, но как долго я их для себя формулировал в жизни.

А тебе надо спокойно оглянуться вокруг. Сейчас уже 2 месяца ты в новых условиях. Пора всё взвесить, понять, разобраться. Как ты, наверное, заметил, появление у тебя денег на счету вызывает зуд – желание потратить их. Это так же неприемлемо должно быть, как скупердяйничать и держать себя в чёрном теле.

Ещё хуже жить постоянным ожиданием – вот сейчас уеду... поэтому пока временно отложу то или это.

Когда ожидание переваливает за неделю – надо встряхивать его в свой график, а не самому подстраиваться под него.

Если ты съездил в Симферополь – молодец. Это движение в сторону от работы, но оно может укрепить.

Про занятия спортом я говорить не буду. Ты профи в спорте. И понимаешь, что активная работа в этом направлении возможна до 25–27 лет. Тем более тебе это необходимо, так как ты должен быть уверен в своём теле. Что-

бы усталость не выбивала голову во время критических ситуаций.

Не бросай чтение никогда. Меняй направление чтения, но час в день надо читать.

...Сименон считает, что важно само наличие творчества в жизни человека, за одно это его надо уважать. Можно поспорить, потому что только созидательного творчества, не разрушающего личность. А вот тут спорная ситуация возникает – потому что развиваться без разрушения невозможно... Значит, надо быть аккуратным. Помнить и о возможном саморазрушении, и о влиянии на слабое, но впечатлительное окружение.

Здесь важно своё внутреннее умонастроение и позиция в жизни.

Один из моих приятелей в молодости – очень интересный драматург и прозаик – считал, что я сильно закомплексован. Мне и правда во многих ситуациях неуютно бывало. То я боялся обидеть человека и не говорил ему, что он сволочь, то был груб с близкими, потому что именно с близкими это чаще всего безнаказанно, то мне казалось, что в том или другом обществе меня не понимают или не принимают, хотя я до этой встречи и не стремился к ним, и не думал о них. Сейчас, когда я почти безвылазно сижу в деревне, особенно давит молчание и необщительность коллег. Хочу сегодня написать письма большому количеству моих прежних сотоварищей, особенно по проекту «Наше время». Пусть вспомнят, что я жив, работаю.

Полинка сегодня едет в Москву, чтобы потратить наши с ней бонусы (за голосование по конституции) в размере 3 тыс. рублей. Так что прикупит продуктов немного

к праздничному столу. Слава Богу, проезд у неё бесплатный. А вот проезд в Нижний дороговат. Уже 11 января ей ехать на сессию на 2 недели. А значит, будут новые расходы – но главное – первый опыт сдачи сессии. А её надо сдать успешно – стипендия хоть и маленькая, но из неё можно заплатить за общагу и проезд по городу. А это тоже важно.

Обязательно выходи на связь – онлайн желательно – в новогоднюю ночь.

Я всегда рад видеть твою уверенность и жизнерадостность. Это твоё состояние поддерживает меня. А мне в последнее время очень непросто справляться со своим унынием.

Бог помощь, дорогой мой сын.

Ночью опять намело, к обеду оттепель на 4 дня, а значит, всё потечёт, но зато не надо будет постоянно топить дом, а это тоже важно.

С любовью... Папа.
7.27 утра

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

9 февраля 2021 12:32

Что в голове у тех мужчин, кто ждёт своих жён в машинах у церкви?

20 февраля 2021 8:32

В утро отправления был морозный туман. Мы двигались колонной, было безумно красиво: небо сливалось с землёй, крайние машины пропадали за белой завесой света и морозного воздуха, в наушниках играли «Андерачиверс».

ИЗ АРМЕЙСКОГО ДНЕВНИКА

(Красная книга)

XX.П.ХХI

(20 февраля 2021 года)*

Я помню, как всё начиналось, будто это было сегодня утром. Ах да, ведь это и было сегодня утром, но ведь надо же было как-то начать этот дневник – первые строки всегда самые тяжёлые. На улице был небольшой мороз, воздух был весь пронизан замёрзшей водой, стоял ледяной туман, и чем выше поднималось солнце, тем плотнее он становился. Встали в 5:30. Собрали вещи. Я даже позавтракал, и вышли на улицу в 7. Накануне говорили про то, что заходим на «тиграх», «тигры» были, но поехали на КамАЗе. Новые луноходы были немного свободными, и ноги начали замерзать, не успели мы ещё даже отъехать от части, к моменту погрузки туман настолько спустился, что не видно было крайних машин в колонне. Сплошная простыня. Снег на полях сливался с ним, и создавалось ощущение бесконечности и (ограниченности) в то же время. Свет, вода, я в трясущемся КамАЗе, на лавке со свободным (пространством). (В наушниках хип-хоп «The under...».) Я смотрел на всё это белое вокруг, точнее не вокруг, а в окно тента КамАЗа: на дорогу, едущий «тигр», скрывающиеся и размытые очертания едущего за ним «тигра», завесу тумана, снег – и ощущал затаённую радость от этой столь ожидаемой командировки. Куда нас везли, что ждёт впереди, я не совсем знал, да и было как-то всё равно. Знал точно, что будут новые места, люди, истории, впечатления, а это так для меня важно. Нако-

321

* Ожидание вылета в Нагорный Карабах (комм. сост.)

нец, спустя часа три, мы, окоченевшие, я – с замёрзшими ногами – прыгнули на землю аэродрома «К». Здесь было значительно тяжелее, чем в («кра»).

Солнце ослепило и обожгло роговицу глаза, вокруг была равнина, насколько хватало взгляда, и всё было в нём. Первое, на что обратил внимание, – макет зенитки на зенитном оружии. Затем палатки. Ровным рядом стояли на краю поля. Внутри деревянные нары, буржуйка. «Надеюсь, мы скоро улетим, – подумал я, когда увидел все удобства, – а то телефон негде заряжать будет». Парни сразу стали топить печь, тырить дрова из соседних палаток.

Ещё немного, и все уже расселились, разложились и принялись есть сухпай и всё, что было с собой. Как по команде все вырубались в послеобеденную сиесту. Затем заготовка дров, «курьеры» за едой в город. Хама сказал: «Наши условия проживания идут по нарастающей, меня это беспокоит». Я ему ответил: «Может, по ниспадающей?» Он: «Ну да, я это и хотел сказать, если так дальше будет, что ждёт нас впереди?» Сразу же после сиесты расписали наряд по ночи. За ужином мужчины обсуждали за/в других армиях отношения между людьми в принципе, кто-то играл в карты на желанья. «Мне пофиг на политику, если встречу американца, спокойно с ним поговорю, обсужу какие-то моменты», – сказал я. Сидел истопником два часа, вместо одного, чтобы написать дневник за сегодня. Рад, что начал писать. Отправляюсь спать.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ ОТЦУ

25 февраля 2021 г. в 0:17

Привет, папа. Сiju в наряде по печи, сейчас мой час, когда я поддерживаю жар в ней. Буржуйка в некоторых местах

раскалена докрасна. 23 февраля она не выдержала жара или праздника, и в теплообменник провалилась труба, оперативно меняли его и дышали дымом. Было весело, впрочем, как обычно. У нас всё хорошо, ребята шутят, тратят деньги на еду, ждут самолёта. Я смотрю сериал, сплю, ем, общаюсь с бывшей. Очень беспокоит важность внешности в выборе партнёра. Предыдущая моя мадам даже предъявляла мне за это. Мол, у меня сформировавшиеся стереотипы. Но мы уже обсуждали это с тобой, если помнишь. Сложно сделать выбор и быть верным ему. Это касается всего. Как быть, когда человек хороший и вроде бы и тебе хорошо с ним, и он любит тебя, но ты всё равно продолжаешь искать? Может, дело во мне, и я чего-то не понимаю. Опять же, предыдущая мадам говорила, что любовь – это принятие. Мне же кажется, что это не только принятие, это прежде всего глубокая симпатия, идущая с самых основ наших, а именно – с животного и душевного вместе. Наверное, с телесного более корректно было бы сказать, но как определить это лучше? Запах, цвет кожи, волос, взгляд, мимика, жесты, походка, форма тела, физика, психика, манера говорить и вести себя на людях, наедине, держать себя, взгляды, воспитание, религия, нация, ум.

Принятие... Принять – значит переступить через себя?

Ждём. Самое обидное, что логистика отвратительная. Если не можем улететь туда, то как будем возвращаться?

Каждый день рубим дрова, сегодня таскали валежник – растаскивали заброшенный бункер.

На празднике наш майор сказал отличный тост про то, что сейчас, когда «мужское достоинство» уже не определяет звание мужчины и вокруг так много пидорковатых существ, крайне важно быть мужиком и что все здесь со-

бравшиеся, безусловно, заслуживают этого звания. Желал здоровья и счастья близким и каждому.

Другой майор говорил о важности коллектива и общности, также желал здоровья и всего лучшего всем близким.

Командир говорил о том, что сейчас у нас здесь все хорошие ребята и что крайне важно создать крепкий коллектив без текучки, если кратко. Праздник прошёл тихо и приятно. Опять было ощущение единства, которое сейчас преследует меня везде, где бы я ни был с группой – это здорово. Каждый занимался какой-то задачей: кто-то заготавливал дрова, кто-то поехал в город за мясом, овощами и прочим, кто-то накрывал на стол, готовил мясо, это здорово, когда все трудятся вместе и никто не отлынивает. Настоящие мужчины, отвечающие за свои слова и поступки, – опять же слова майора. Это очень вдохновляет, потому что я вижу здесь и чувствую настоящую человеческую правду и основу, как она есть. Потом все вместе ели, жевали отличное мясо, прекрасно приготовленное, сочное, свежее, овощи, зелень; салаты даже какие-то)) и все молчали, сытые, довольные.

Пустота в голове и спокойствие – вот что у меня сейчас. Никуда не лезу, стараюсь не раздражаться. Быть сильным постоянно входит в привычку. И это меня крайне радует. Не пишу только вот, но об этом отдельно.

Все ждут. Опять же повторяюсь: ждут отправки, приезда и отдыхают. Это так странно. Я размышлял над тем, что мы сами создаём свою жизнь и определяем её, выбираем направление, курс, создаём себя. Даже если это было ошибкой – пойти в армию, это уже предопределено, и я полагаюсь на волю Всевышнего.

У меня есть книги, которые я пока не читаю. Есть огромная записная книга (именно красная книга), в которой записи пока только за 20-е число.

Аня говорит, что можно выбрать всё, мне же кажется, что выбирать приходится всегда что-то одно, а от чего-то отказываться. Может, она права?

Так было жаль уезжать из Севаса, когда только-только снял свою квартиру, к тому же такую крутую, светлую и свободную, ещё и соседка по этажу оказалась молодой красивой девушкой, видимо студенткой педа или филфака. А я с ней познакомился только в ночь отъезда (воду отключили – пошёл узнавать, как у соседей).

Проходил ещё очень давно тест на тип личности, скину тебе ссылку, пройди его, интересно узнать, какой у тебя))
<https://www.16personalities.com/ru/test-lichnosti>

У меня «полемик» (из типа «аналитиков»).

Там написано, что мы («полемики») рождаем идеи, но нам нужны реализаторы... То, что я читал про себя в астрологии, нумерологии и тарологии, определяется очень похоже...

Корабельный старшина сегодня рассказывал про то, как железо корабля, да и вообще в принципе бетон и железо, тянет из человека тепло, даже на расстоянии. Что они не прислоняются к кораблю. Было очень интересно.

Командир поблагодарил за поздравления, узнал, сколько у меня братьев и сестёр. Спросил у меня, верующий ли я.

Напишу пару строк в дневник. Мечтаю о воплощении планов в жизнь. Молюсь за всех нас. Крепко обнимаю.

P.S. Заканчивал смену, прилетел какой-то большой самолёт, возможно, что наш. Так что, дай Бог, завтра полетим!

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ СЫНУ

28 февраля 2021 г. в 13:39

Прости, что не ответил сразу.

Здравствуй в воскресенье. Был в храме с утра, почти никого нет – 5 старожилков. Но было тихо, и равновесию внутри ничто не мешало.

Откладывал письмо, думал, что тебе ответить о девушках. Хотел посоветоваться с Наташей, но она так болеет, что ей вовсе не до наших вопросов.

Основным, полагаю, является вопрос взаимоотношений с девушками и самим собой внутренним.

Могу только на свой опыт опираться... Я принимал решение о женитьбе, потому что опасался, а будет ли вообще ЗАВТРА. Я очень сильно проболел осень накануне судьбоносного года. И на смертном одре решил, что больше не буду упиваться бестолковостью юности и начну жить, как последний день.

До этого я знакомился часто и ненадолго. Отношений как таковых не случалось, потому что женщины сразу чувствуют, что мужчина – пустой затейник, а не серьёзный партнёр.

Твой поиск и ожидание нового, когда рядом вроде бы есть уже совсем не плохой вариант, – это вера в журавля в небе, отказ от синицы в руке. Правда, какая птица в этот момент в руках – один Бог знает.

А ещё важно понять, что на каждом этапе даётся именно та женщина, которую мы можем воспринять и прочувствовать. С каждым годом они будут меняться, потому что и ты будешь становиться другим. Ты часто сожалел прежде, что зря расставался, а ведь был очень даже приличный вариант. Не надо сожалеть ни о чём. Те годы и варианты

были не с тобой нынешним. Это был и ты, и не ты. Поэтому воспринимай себя сегодняшнего без оглядки на прошлое. В этом случае мне всегда давались страшные болезни, они делили мою жизнь на этапы взросления. У тебя – другое, ты меняешься благодаря новому жизненному опыту, но этот опыт не даёт тебе возможности почти полностью позабыть прошлое. Значит, надо выписаться. Твои «болезни» – это рассказы, жизнь твоих героев, которые доживут за тебя предыдущие твои варианты. Вот так я думаю.

Привезла сегодня Полина книгу «Летосовершенство». Вполне прилично получилось, но, как ни странно, какая-то грусть расставания с этими стихами, которые я до выхода книги хранил в себе, иногда повторял, а теперь – и это я знаю – они начнут отмирать внутри. Значит, освободится место для новых. Так было всегда прежде.

} 327 }

Моё преподавание в Театральном институте им. Ершова – довольно странное занятие. Нет программы, нет учебника и практикума, создаю всё по живому. А это влечёт за собой обработку и выборку информации из нескольких учебников.

Но преподавание это, несомненно, даст мне опыт, который вполне может ещё пригодиться.

Полина приехала из Нижнего, сразу взяла больничный и счастливая завалилась на диван с Ньюской.

Уля привлекла своего Вилли к съёмкам, пёс заработал свои 4 тыс., а ещё ему сшили модный костюмчик с бабочкой. Собаке больше, чем мне, платят... Смешно...

К твоей новой тетрадке... Почти полностью письмо предыдущее могло бы стать основой рассказа. Сидит солдат, топит печь, вспоминает прошлое, ожидает завтрашнего дня, который начнётся только с прилётом самолёта, и этот день несёт с собой совершенно неизвестную жизнь... Влюблённость, память о прошедшем, разная память, странность бытия между двумя периодами жизни...

Про тест... Ваня, я никогда не обращал внимания на подобные развлечения и их итоги. Когда-то, на первом курсе политеха, увлёкшись психологией и философией, составлял различные опросники, раздавал их своим сокурсникам. Потом то же самое делал, став директором, пытаюсь понять будущих своих сотрудников. Глупость несусветная, как оказалось.

Заполняем мы тест в определённой ситуации, проходит время, состояние человека становится иным, ответы обязательно меняются... Но важно понимать, что одинокий человек и человек семейный, с детьми меняется с разной скоростью. Потому что факторы, воздействующие на женатого, с детьми человека многочисленнее, чем у одинокого.

Дам ссылку Наташе, она любит такие штуки заполнять.

Порадовался за твоего командира. Всегда приятно осознавать, что в мире всё по-прежнему: мужики остаются мужиками, а женщины – женщинами.

Дети приносят много печалей и радостей. НО БЕЗ НИХ – жизнь пуста...

Жду не дождусь, когда решится вопрос с продолжением работы над Антологией военной поэзии «Война и Мир». 4 тома, собранные и изданные за год, – большая удача. Осознаю, что сильно устал от неё.

Но хочется доделать Антологию, а впереди ещё томов 5–6, т.е. пара лет.

Постоянно думаю о том, что надо садиться за прозу. В голове кручу-верчу разные сюжеты, возвращаю внутреннюю уверенность, что смогу.

Тем и сюжетов множество. Буду пробовать. Надеюсь, что силы весной прибавятся, этой зимой немного закис душевно и телесно.

Ещё раз спасибо за такие твои письма. На душе появляется желание пообщаться, поразмыслить о написанном, о своей жизни. Пиши обязательно. Мне в помощь, да и тебе не во вред.

Люблю и верю в тебя. Не тащи на себя. Жизнь даст ровно столько, сколько тебе по плечу, эту бы данность осилить, вынести с достоинством.

Бог помощь.

Папа и все-все-все...

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

2 июля 2021 20:01

Мой пулемёт – ровесник отца.

2 августа 2021 15:47

Идти по степи было действительно тяжело. Песок – плохая опора для ног. Почти сразу, как я вышел из лагеря, понял, что надел не те штаны, те, что были на мне – из комплекта «Горка», были сшиты из слишком плотной ткани, без прорезей, не пропускали воздух, ветер. Я шёл как в резине. Было только 9 часов, но солнце стояло высоко над горизонтом и било прямо в глаза, мы шли чётко на восток.

330 Я лежал уже больше трёх часов в каком-то переходике
] какого-то заброшенного полуподземного строения. Apple
] Music упорно не хотел включать мою загруженную музыку
] дальше пятнадцатой секунды, в комнате, чуть дальше по переходу, за углом, ребята гоняли по кругу одни и те же скучные, неинтересные темы, связанные с жаждой, зарплатой, распорядком дня на неделе, выпендривались друг перед другом.

Мне порой казалось, что это не они разговаривают, а меня кроет и я в голове слышу их старые разговоры. Я просто лежал, смотрел в потолок и старался не думать о воде, о пятилитровой бутылке воды, стоящей под кроватью в лагере.

О пятилитровой холодной бутылке воды.

Губы пересохли. Я лежал и, как рыба, глупо открывал и закрывал рот.

Зачем мы здесь сидим? Когда мы выдвинемся обратно? Было абсолютно всё равно. Ведь воды уже ни у кого

не было. Была вода у парня-пулемётчика, такой большой глупой Маши, центнер веса. В его фляге, там было где-то ещё 1/5 фляги. Она стояла прямо по коридорчику, в котором я лежал. Подо мной, как и везде в строении, был песок. Во рту и в глазах тоже был песок. Вокруг на сотни километров был песок, барханы, сухая трава, суслики. Воды нигде не было.

Голос ротного опротивел вконец. Какая цель сидения здесь? Потренировать нас в выживании? В ожидании?

А я думал о том, что хотел наполнить ещё одну маленькую бутылочку воды перед выходом из лагеря. Так называемый НЗ. Его бы уже сейчас не было.

17 октября 2021 20:53

Вечные вечные горы
Грозные грозные птицы
Старые старые споры
За то, где пролегают границы

}
331
}

18 октября 2021 17:27

И вот наконец-то мы сидим в самолёте. Парни откинулись на стенки, расслабились. Я сижу в три погибели: пулемёт не даёт разогнуться, упёрся газовой камерой в сиденье. «Ничего, ничего, и не такое дерьмо переживали», – думаю я сам про себя.

Море, освещённое солнцем, за бортом самолёта, на высоте где-то 500 м, было похоже на кожу или шкуру дракона.

23 октября 2021 17:51

И после месяца в полях
Шум машин в окно гладил ухо.

31 октября 2021 18:58

Дорога в мёртвых птицах, которых из-за ветра перебило током, а они сидели на проводах.

31 октября 2021 19:15

Отставить грустные мысли...
Я родился в Москве,
Но вырос в провинции.

17 ноября 2021 23:17

– Ты, наверное, просто решил почистить ауру, когда решил уйти в армию из Москвы?
– Да, в этом есть доля правды.

22 ноября 2021 0:19

332

Родился в Москве, вырос в области Рузской,
Гордился, что русский... убежал от ублюдков.

5 декабря 2021 5:00

Полигон на краю берега моря
Рельсы выложены до горизонта
Мишени лежат в траве
Железо покрыто распадом

5 декабря 2021 5:05

История начинается с зарисовки полигона.
Рельсы, уже начинающие ржаветь, смотрят в море одним краем.

Камера движется по ним вверх к солнцу, поднимающемуся над морем.

Тягучая рассветная предрабочая музыка... камера спускается ниже солнца на небе.

И в этом небе появляется солдат.

Он развёрнут в три четверти, смотрит влево вниз, чуть за экран. Он опирается на лопату и говорит:

– Знаешь, а твоя идея с рельсами вовсе не так плоха, как кажется.

Слышно на заднем плане людские голоса и как копают лопаты.

Кадр меняется. Человек, снова развёрнутый в три четверти, другой военный, смотрящий в правый верхний угол.

– Да, конечно, я посчитал, сколько метров там этого железа, выходит на лимон 600.

21 декабря 2021 17:56

Очень долгое время я не мог принять вопиющий обман, который царил вокруг меня. Этот обман, как кочан капусты, начинался с маленького ростка и начинал оборачивать сам себя листьями до бесконечности. Куда ни дёрни, как слой ни оторви – под ним Новый обман. Каждый обманывает: ежедневно, но в разных формах и масштабах. Кто-то вообще проживает жизнь за ширмой самообмана и умирает обманутым обманщиком. В конце концов я перестал мучиться и выбрал свою форму обмана – моим обманом стали кино и литература, но, в отличие от многих обманов, которые скрывают или с помощью которых наживаются на обманутых, я обманутым через обман открывал правду. И тем самым я спасаю и оправдываю себя. Иначе я жить не могу.

333

31 декабря 2021 18:32

Год прошёл. Только сейчас это осознал.

Целиком пролетел незаметно.
И хип-хоп восточного побережья совсем не греет душу.

СООБЩЕНИЯ ОТЦУ (ВАТСАП)

16 февраля 2022 г. в 17:00

И мёртвые останки животных
Затем превращались в песок.

16 февраля 2022 г. в 21:13

Думал сегодня обо всём опять, пока лежал на каремате под солнцем и загорал. Море спокойное было, видел изда-лека. Ветра не было. Парни потом скинут фотки. Нашёл пемзу белую на пляже и целые, среднего размера ракуш-ки.

334 | Сегодня сослуживцу сон приснился. Я у него дома. Дед ему говорит: твой друг в комнате заперся. Проверь его. Он приходит, а я там в слезах и говорю, что хочу домой. А я ему этого и не говорил никогда. Странно.

А было совсем другое. Вчера ходил вокруг БТР, говорил ему: домой хочу, домой хочу...

17 февраля 2022 в 13:16

Сегодня мама с Полиной снились. Накупила сладкого. Ели. Какие-то вещи примеряли.

18 февраля 2022 г. в 07:16

Вчера перенервничал. Сейчас успокоился. Ещё нагне-тают... Ну лучше понервничать за кулисами и на сце-не быть спокойным, чем наоборот. Нереальная реаль-ность...

Хороший предвестник – твой сон про то, как мы с тобой поймали большую синюю бабочку...

20 февраля 2022 г. в 7:26

Пришёл с патруля, всё спокойно, встретил рассвет. Покидал фоток в телеграм. Вечерком напишу ещё.

В морях просолённые
В кострах прокопчённые
В песках отбелённые
На солнце сваренные

ОТВЕТ СЫНУ (ВАТСАП)

Мирного неба над головой.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ ОТЦУ

22 февраля 2022 г. в 4:36

Сижу у костра. Должен был сидеть час, решил дать ко-
моду поспать. Сижу ещё.

335

Сегодня, когда переезжали снова – был в отвратительном состоянии духа, ещё вспомнил, как когда-то давно не поцеловал девочку с прыжков, в которую был влюблён, а там прям момент был, искра обоюдная. Так загрузило... Вот и сейчас бобыль бобылём, лучшие годы проходят, девушки нет, даже ни с кем не общаюсь. В обществе туго находиться. Так примитивно, глупо: интеллект, эмоции, шутки – всё по сотому кругу. Всё так банально. А я продолжаю упускать свои моменты, искры улетают в небо, не дав огня, гаснут. А прошлого и вправду, видимо, нет, как говорила бывшая из Питера. Или же наоборот – оно так явственно, что ножом иной раз, кувалдой по сердцу, душе, голове? Или же прошлое должно быть таким, чтобы улыбаться постоянно, как паренёк из отделения?

Не понимаю, устал я. Не хватает женского тепла и поддержки. А интернет этот... Решил глянуть, что они советуют: сериал «Метод» – такая чушь и постановка, выключил через 15 минут. Реально, боты...

Да ну, повторяться начинаю снова.

А та девочка, мокрый купальник, я с тренировки, в плавках, испуганный взгляд, ждущий, и... упущенный момент, м-да...

Грустно, одиноко. Забавно, что, когда я был один, такого одиночества глобального не чувствовал, чем когда нахожусь с ними, без личного пространства.

Жду отпуска, хочу домой, не упускать моменты, искры превращать в пламя.

Люблю, грущу, скучаю, смотрю на искры в тлеющем костре.

336

22 февраля 2022 г. в 4:43

М-да, а у паренька с улыбкой этой нелёгкая судьбушка, ну он и вправду простоват, да тут даже, скорее, явственная картина того, как слабости губят на корню всё лучшее. В армии сейчас из-за лени, хотя диплом по программированию осталось защитить, воспитывался бабушкой, без отца, дед заболел, бросил диплом, поехал его отхаживать, он умер, а там и армия. Потом вышел, денег нет, снова в неё. А сам не вытягивает, полненький такой, шум белый постоянный. Ай, да ладно, надо больше писать, да всё опять куда-то в небо. Без огня, без полымя что-то тлеет, как те угли в Зелёном городке под золой, в которые я ногой угодил. Обжигает. Больно. Но толку?

ПИСЬМО СЫНУ ДЕСЯТОЕ (ПОСЛЕДНЕЕ)

22 февраля 2022 г. в 8:43

Ваня, это обычные ночные мысли, навеянные одиночеством и огромным миром вокруг. Мир живёт сам в себе. А мы никак не можем встроить себя в него. Отсюда разлад душевный. Надо бы думать не о прошлом, а о будущем. Планировать помесячно дела. Чтобы не было опять месячного оттяга на все деньги. А была работа над собой и строительство новой жизни. Не жалея никогда ничего для ближних.

Люблю. Переживаю. Бог помощь. Береги себя и здоровьем займись.

ОТВЕТ ОТЦУ

22 февраля 2022 г. в 8:46

Да, доброе утро! Иду потихоньку к этому!

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ УТРОМ 24 ФЕВРАЛЯ 2023 ГОДА

НА СМЕРТЬ

СОЛОВЬЯ

Несколько строк о студенте Литинститута и морском пехотинце Иване Лукине

Этой зимой, на Крещение поэт Борис Лукин звал меня с семьёй погостить у него в Архангельском – том, что в Рузском районе Подмосковья. Дом, говорил, большой, да и вне дома есть что посмотреть... Мы так и не собрались. Усталость какая-то навалилась после всех этих слишком долгих лет «всемирной пандемии». Поленились и не приехали, и я даже не извинился.

А три недели назад Борис попросил помолиться за русского воина Иоанна. У многих дети в армии, что ж не помолиться... но тогда я, конечно, не понял, что Борис просил молитвы о чуде: Иван уже не отзывался, его уже не было в расположении, и слухи ходили те самые, погибельные, хотя и без подтверждения.

Только два дня назад Борису подтвердили, что Иван погиб в Мариуполе 14 марта.

Тело его до сих пор не найдено – транспорт, на котором вывозили раненых, был обстрелян. Поиски его продолжаются...

Вот строки, которые прислал и просил опубликовать Борис:

«Во время выполнения разведывательного рейда в тылу противника (район завода «Азовсталь») погиб гвардии матрос 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехо-

ты Лукин Иван Борисович – пулемётчик роты разведки. В военкомате Иван осознанно выбрал морскую пехоту. За время службы по контракту Иван Лукин, гвардии матрос 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты Черноморского флота (Севастополь), совершил 8 прыжков с парашютом, был отмечен нагрудным знаком «Отличник ВМФ». В составе контингента Вооружённых сил России был задействован в Специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины с 24 февраля по 14 марта 2022 года. В ходе разведывательно-го рейда в тылу противника подразделение морской пехоты и спецназа попало в окружение. В течение суток с 13 по 14 марта Лукин Иван постоянным пулемётным огнём сдерживал превосходящего по численности противника, защищая жизни мирных жителей, укрывшихся в подвале здания. В боевой обстановке он проявил себя как профессиональный, бесстрашный воин. Утром 14 марта, прикрывая отход своего подразделения, Лукин Иван был сражён снайпером. Лукин Иван Борисович представлен к Государственной награде (посмертно)».

***

На земле, смешанной с порохом,
не видно травы,
только грязь, только поросль
мелких капель зимы.
По зиме тянет красная, неясная синь –
то расплакались пули и осколки мин.
А война так беспомощна...
И безжалостно кровь

убегает из гордых, непокорных голов.
Будет страхом смеяться
этот горький удел.
Где бы ни был – не прятался
в протяжении вен...

(Иван Лукин)

***

Что же мы в этой нашей так называемой жизни можем? Позвонить или, на худой конец, набрать несколько слов утешения – Борис предупредил: говорить не могу. Мог бы и не предупреждать: утешать отца, потерявшего сына, бессмысленно.

342 | Узнав, что Иван учился в Литинституте, написал на
| кафедре, вдруг отыскались бы его стихотворения в «творческой» папке. Мастером его был Фарид Нагимов, и присылал Иван в основном прозу – очерки, сценарии, миниатюры...

Что можно сказать о человеке, взявшем на третьем курсе академический отпуск и ушедшем в армию? О чём я мог бы судить по немногочисленным строкам Ивана, дошедшим до меня?

Он, вне всякого сомнения, принадлежал особому типу молодых людей, появляющемуся в России постоянно, неизменно и с подлинно завидной для иных прочих стран регулярностью. Лучшими, отборными, до предела налитыми колосьями бескрайнего людского поля появляются у нас истинно золотые юноши, умелые и знающие от рождения. Им без всякого видимого труда даются науки и искусства (водное поло? музыка? театр?

кино? – легко!), и настолько, что, кажется, они всюду званы и везде приняты. Таких замечают в поколении издалека. В американизированной нашей культуре принято говорить «амбициозный», но как же отвратительно звучит любая амбиция в координатах православного понимания жизни... В советское время «карьерист» было обозначением всецело негативным: «не за други своя, а во имя себя одного». Как же вести себя, как не опорочить себя, если ты одарён и хватаешься на первых порах за любую возможность быть?

В смысловом разломе между оголтелым западничеством (спектакля о Нурееве, в котором Иван успел принять участие, я не видел, но говорят, что ассоциации там вызываются соответствующие) и с трудом устаивающим на ногах в заполненной пустопорожними рассуждениями информационной среде почвенничеством – все мы. И шестым чувством талантливые юноши понимают, что жизнь, которой они готовы себя отдать, их не принимает и не приветствует никаким звоном никакого воображаемого щита, и потому норовят взяться за щит и меч первыми...

} 343 }

***

Вглядываясь в заметки, которые Иван вёл в социальной сети, ощущаешь просто нечеловеческую неприкаемость. И это повод понять, в какой атмосфере растут наши дети, какие картинки с изречениями своих кумиров они ставят себе в статус и каких усилий стоит им остаться людьми там, где по ним ведут непрерывный огонь, настраивая на однообразный лад отчаяния. «Девяностые»

никуда не ушли: пока взрослые мечутся в поисках пропитания, уходят в себя, дети становятся мишенями для щедро оплачиваемых из-за рубежа коллективных агитаторов и пропагандистов отчаяния и надлома, и «мемы» их безотрадны, и чувства, и мысли сведены к тоннельному катастрофизму. По сути, блоги русских детей сегодня – крик о помощи, который не слышат ни родители, ни специально заведённые в школах психологи и социальные педагоги.

И вот, казалось бы, счастливая многодетная семья, где одарены абсолютно все без исключения: отец – замечательный поэт, чья поэма «Чернец», например, недавно была в нашей рубрике «Современная поэзия», собиратель замечательных антологий, сестра – режиссёр... Ранняя смерть матери в автокатастрофе могла стать причиной мрачных строк, являвшихся Ивану спустя годы после трагедии.

Над лучшими юношами Древней Греции, бойцами, умницами, издавна витала «ауротанатос» – тень ранней смерти. Откуда берётся в молодом человеке это ощущение? Когда тебя в семнадцать-двадцать лет пробует затянуть под грязные траки, ты редко веришь тому, что затянет совсем – горизонт кажется ещё слишком распаханутым, чтобы сомкнуться. Несколько рывков, и уже вдыхаешь всей грудью и понимаешь – пронесло. И дальше уже становится легче – грохот и свист начинают относиться к тебе с некоторой боязнью, обходят стороной, а разорвавшись рядом, скоро стихают. Жизнь встаёт на рельсы и дальше катится уже без особенных провалов по части смыслов... Нужно только пережить мучительный момент становления. Но на пути многих и многих встают войны, эпидемии и прочие холерные бунты, когда судьба пере-

стаёт спрашивать согласия на подвиг, а просто берёт за грудки, и что отвечать ей тогда?

Я не виню в гибели Ивана его частные и невидимые миру трагедии, хотя именно они наносят нам самые проникающие ранения, не заживающие до самого конца земной жизни. Я не виню историю России, которой каждые двадцать лет приходится посылать своих детей драться за честь и достоинство страны на проклятой «мировой арене». Я не виню даже время, которое выпало Ивану. Мог ли нацист найти другую мишень? Вряд ли. Пулемётчик – цель снайпера точно такая же, как артиллерист – цель танкового орудия.

Я виню – нашу уважаемую, как «западные партнёры», культуру, в которой ему было холодно, как в мертвецкой. Об этом чувстве холода и неприкаянности – весь Иван.

У нас почти нет национальной культуры. Вся она уже тридцать лет по преимуществу своему отдана на откуп людям, понимающим в ней не больше, чем жокеи в растениеводстве. Наша культура после нескольких модернизаций, испещрённая родовыми пятнами заимствований и фурункулами телефонного, по сути, права даже на минимальное финансирование, изнемогает от самой себя и органически не выносит ни сильных личностей, ни их независимых от «лагерного» мышления суждений. Наша культура боится правды, избегает прямых высказываний, а иносказания её при этом дешёвы и сводятся к праву на предательство, то есть «выезд свободной личности в страны наибольшего благоприятствования».

В такой культуре, имея в виду и театр, и кино, и телевидение, существовать можно только в роли бедного родственника-приживалы или, на выбор, сдать ся обстоя-

тельствам и сделаться «проектом», то есть инициировать значительные вливания в себя, исполняя некие определённые идеологические функции – патриота или либерала на содержании у крупных структур.

В такой культуре не просто холодно: озноб охватывает каждый день при мысли, что тратишься на полнейшую ерунду и годы, потраченные на неё, никому не вернуть.

Может быть, что такой ценой Иван быть в ней внутренне и не хотел.

Ему бы неизбежно пришлось примириться с тем, что поэзии его отведено место в подвале, а книгам – на пыльных полках полуподпольных лавок. Что сценарии его безбожно правят во избежание неконтролируемых ассоциаций, а если и требуют что-нибудь «поперчённее», то во имя узких групповых интересов, и чаще всего – оппозиционных, с лютой фигой в кармане, подкармливаемой из частных фондов сомнительной направленности.

Успело ли в Иване созреть понимание того, что человек из культурной сферы всю жизнь исполняет роль то патетически удачливого, то никому не нужного шута, предполагать не берусь, но участь, которую он избрал, участь солдата, защитника слабых и угнетённых, неизмеримо выше любой из прочих на выбор. Солдат заведомо выше маститого писателя или популярного стихотворца, видного постановщика неких «шоу» или редактора престижного издательства, и не потому, что такую оценку производит «милитаристская система ценностей», а потому что у солдата перед своим народом совершенно чиста совесть. Потому что солдат отдаёт жизнь, и здоровое общество строится от краеугольного камня его жертвы, как у нас до недавнего времени и было. Что стало потом, заста-

ли и мы, и Иван: «победобесие», «культ оружия», «милитаризм», «барабаны и трубы очередной никому не нужной войны», «смертолюбие» – такими эпитетами награждали идущих в Бессмертном полку.

Но есть в человеческой жизни гораздо более высокие понятия, чем жизнь. Долг и честь, правда и достоинство. И ради них стоит в тот самый высший миг пожертвовать всем. Лучшие люди страны доказывают нам эту простую истину каждый раз, когда в Отечество приходят грозы, но люди, исполняющие обязанности интеллигенции, не способны ни понять, ни услышать всей неопровержимой силы таких доказательств.

***

Он звал себя Соловьём. Но не только звал так себя, а был тем самым соловьём.

Он мог бы стать поэтом, прозаиком, сценаристом, режиссёром, а стал солдатом.

Он мог бы жить, но был убит на войне, избежать которой не смог и не захотел.

Премией его имени я бы награждал тех, кто уже в двадцать лет показывает, как нужно любить Отечество, как тосковать по нему и как жертвовать себя ему без остатка.

Сергей АРУТЮНОВ,

поэт, доцент Литературного института им. А.М. Горького

Опубликовано 15 апреля 2022 г. на портале
<https://pravchtenie.ru/avtorskie-kolonki/na-smert-solovuya/>

Содержание

Строки его стихов. Елена Исаева.....	6
Об этой книге. Борис Лукин	10
СТИХОТВОРЕНИЯ	15
Жизнь	16
Рисовал на стенах мелом	17
Я не боюсь того, что я люблю	18
Вера	19
Тёмные аллеи.....	20
...он чувствует мои грехи	21
Баллада о Скрипаче	22
На земле, смешанной с порохом.....	25
Я умру – не будет плакать мама	26
Развернулся ударить себя... ..	27
И, копаясь в грязи, мы курим.....	28
Чувствую каждую клеточку тела.....	29
Как будто бы нет меня и только остались слова	30
Закат растёкся по горизонту ядерным взрывом.....	31
Я видел смерть	32
Сигарета воняет палёными прядями	33
Я гуляю, кручу самокрутку	34
Сестра, знаю, ты по ночам плохо спишь	35
Z-период	36
БТРы вспахали колёсами землю.....	37
ПРОЗА. Изданные произведения	39
Письмо	40
Два писателя и соловьи	57
ПРОЗА. Неопубликованные произведения	79
Серьёзный вопрос	80
Произведение о войне, которое повлияло на меня	81
Кофе миллионеров.....	84
Поездка в Рождество.....	91
Моя рождественская история	95
Мне не холодно	96
Нос	100
Собачья жизнь	114
Заметки в поезде	123

Поиск.....	129
Снежные шалости.....	141
В российской глубинке	143
Крым-тчк фильм-тчк-тчк-точка	147
Почему?.....	149
Тапочки	150
Среда	155
Дверь в утро	158
Толстый и тонкий	163
Исповедь.....	168
Горки	172
Я принёс вам кофе	178
Мелодия дождя	179
Ю «А»!.....	181
Она ела яблоко	183
Машеньке	187
КИНОСЦЕНАРИЙ.....	193
Письмо	194
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	221
Поэт-воин, морпех Иван Лукин	223
Дневники. Записные книжки.	
Письма. Сообщения	275
На смерть Соловья. Сергей Арутюнов.....	339
Список иллюстраций	350

Список иллюстраций

Стр 4. У ворот во двор Литературного института им. А.М. Горького (Москва), 22.04.2018 г.

Стр. 13. Записная книжка. Автограф.

Стр. 14. Весна. 01.03.2019 г. Москва, Царицыно.

Стр. 38. На фоне общежития Литературного института им. А.М. Горького (Москва), 05.11.2016 г.

Стр. 77. Наше море. Фотография Ивана Лукина (Соловья). 27.01.2022 г.

Стр. 78. После прыжков с парашютом. 11.04.2021 г.

Стр. 191. Записная книжка. Сюжет рассказа о Соловье.

Стр. 192. Фото с экрана. Шоу «Шесть на жезль». 30.12.2019 г.

Стр 219. Отдых. 2021 г.

Стр. 220. 2 марта 2021 г.

Стр. 271. Я небо.

Стр 273. Мариуполь. Площадь Воинов-Освободителей. Сентябрь 2023 г.

Стр. 274. Обложка книги стихов Лукина Б.И. «Отец солдата»: М., 2022.

Стр. 276. Фото после премьеры оперы «Чаадский», театр «Геликон-опера», 23.04.2018 г.

Стр.290. В командировке. 03.12.2020 г.

Стр. 338. Москва-Сити, 22.09.2019 г.

Литературно-художественное издание

Иван Борисович Лукин
(Иван Соловей)

Я НЕБО

Избранное:
стихи, проза, дневники, заметки, письма

2024

Редактор-составитель Борис И. Лукин
Идея художественного оформления – Полина Лукина
Оригинал-макет – Ольга Моторина
Корректор Юлия Верзакова

Подписано в печать 14.11.2023.
Гарнитура Literata.
Формат 70x100/32. Объем 11 уч. изд. л.
Тираж в мягкой обложке 150 экз.
Дополнительный тираж в твёрдой обложке 50 экз.
Бумага офсетная. Заказ №

Литературный институт имени А.М. Горького
123104, Москва, Тверской бульвар, 25

Отпечатано в ООО «Печатная Мастерская Радонеж»
603022, Нижний Новгород, ул. Интернациональная, 100
Тел. +7 (831) 418-53-23 E-mail: rad.nnov@mail.ru

ISBN 978-5-7060-0197-1

